

**«ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА.
УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ»**

**материалы международной научно-
практической конференции
г. Нур-Султан, 4 апреля 2019 г.**

Нур-Султан 2019

УДК 32
ББК 66,0
П 84

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан*

Редакционная коллегия:

З.К. Шаукенова, А.В. Малашенко (общая редакция),

С.К. Кушкумбаев, К.Д. Исаев,

А.К. Назарбетова, А.В. Решетняк, Р. В. Охотенко

А.А. Арзикулов (ответственный за выпуск)

П 84 «Профилактика экстремизма. Успехи и трудности»: Материалы международной научно-практической конференции (г. Нур-Султан, 4 апреля 2019 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. — Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. — 208 с.

ISBN 978-601-7972-17-2

Международная научно-практическая конференция «Профилактика экстремизма. Успехи и трудности» (г. Нур-Султан, 4 апреля 2019 г.) была организована Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан совместно с Исследовательским институтом «Диалог цивилизаций» (г. Москва, РФ).

Сборник материалов состоит из докладов и выступлений участников конференции, посвященных теоретическим и практическим аспектам противодействия и профилактики экстремизма в странах Центральной Азии и в России, в том числе природе и специфике этого явления в вышеуказанных государствах, влияющим факторам, государственным мерам, принимаемым в данной области, проблемам и перспективам предотвращения насильственного экстремизма.

Издание предназначено для политологов, религиоведов, государственных служащих, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами профилактики экстремизма.

ISBN 978-601-7972-17-2

УДК 32
ББК 66,0

© КИСИ (KAZISS) при Президенте РК, 2019
© ИИ «Диалог цивилизаций» (DOC), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Заремы Шаукеновой	6
Приветственное слово Алексея Малашенко	10

ПЕРВАЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ **РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ:** **ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ**

Леся Каратаева

Драйверы насильственного экстремизма и проблемы противодействия вовлечению граждан в экстремистские и террористические сети	14
---	----

Алексей Гришин

Политические причины и факторы развития и катализации экстремистских взглядов	28
--	----

Имомназар Хакназар

Некоторые особенности государственной политики Республики Таджикистан в борьбе с экстремизмом и терроризмом	40
---	----

Динара Айтжанова

Противодействие религиозному радикализму: зарубежный опыт	49
--	----

ВТОРАЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ **НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ОСОБЕННОСТИ** **ПРОЯВЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ** **ПРОСТРАНСТВЕ (В РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)**

Александр Ярков

К вопросу об экстремизме в сибирской части России и Северном Казахстане	64
--	----

Бахтияр Бабаджанов
Мусульманские богословы ЦА против идеологии
насильственного экстремизма и терроризма:
способы аргументации и незапланированные эффекты 72

Ирина Черных
Проявления экстремизма в странах Центральной Азии:
основные тренды и тенденции 91

Серик Бейсембаев
Некоторые аспекты совершенствования политики
профилактики насильственного экстремизма в Казахстане 98

Елена Бурова, Асель Назарбетова,
Институциональные факторы религиозно-
мотивированного экстремизма 105

ТРЕТЬЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ И ПРОФИЛАКТИКА
ЭКСТРЕМИЗМА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Нургуль Эсенаманова
Классификация осужденных за терроризм и экстремизм
(по материалам полевого исследования проведенного
в местах лишения свободы в 2017 г.) 126

Мурат Лаумулин
Эволюция восприятия террористической
и экстремистской угрозы.....141

Алексей Старостин
Формы и методы работы с осужденными различных
категорий с целью профилактики идеологии
экстремизма и терроризма.....148

Анастасия Решетняк	
Профилактика экстремизма: казахстанский контекст	161
Уркия Смаилова	
Роль и место государства в информационном пространстве Казахстана в контексте противодействия экстремизму.....	175
Сведения об авторах	189
Фотоматериалы конференции	191
Информация о КИСИ (KAZISS)	201
Информация о Диалоге цивилизаций	205

**Приветственное слово
директора Казахстанского института
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
Заремы Шаукеновой**

Уважаемые гости и участники конференции!

Как вам известно, терроризм и экстремизм на сегодняшний день признаны одними из наиболее актуальных проблем современности. О них говорят на самых высоких площадках, начиная от Совета Безопасности ООН и до региональных организаций. Мы видим, что принятие радикальной идеологии приводит к росту насилия, к распространению в регионе Центральной Азии феномена «иностранных боевиков-террористов», по числу которых мы, к сожалению, совсем недавно являлись одними из мировых лидеров: в горячие точки, по разным подсчетам, выехало от 5 до 10 тысяч граждан государств региона. Мы видим насильственные действия и в наших государствах: террористические акты в Актобе и Бишкеке, в Дангаре и Санкт-Петербурге поражают своей жестокостью.

После разгрома ИГИЛ на Ближнем Востоке силами антитеррористической коалиции возникает новая угроза: возвращение граждан региона, имеющих практический опыт боевых действий и одновременно с этим разделяющих радикальные взгляды. Казахстан уже сегодня, адекватно оценивая этот вызов, начал принимать превентивные меры: в стране функционируют реабилитационные центры для пострадавших от радикальной идеологии. Большим успехом нашей дипломатии и спецслужб стала операция «Жусан»,

когда в начале января 2019 года в страну из зоны боевых действий в Сирии было возвращено 47 казахстанцев.

Как известно, понятие экстремизма в данный момент официально зафиксировано лишь в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая была подписана Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан в 2001 году. Согласно этому документу, который является «общим знаменателем» для стран Центральной Азии и России, экстремизм трактуется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон».

На практике у каждого из наших государств сформирована стратегия по противодействию и профилактике экстремизма: к примеру, в Казахстане это уже вторая Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2018-2022 годы. У нас, у наших соседей и ближайших партнеров накопилась значительная база знаний о траекториях радикализации, степени защищённости общества от экстремистской идеологии.

Сегодняшняя конференция «Профилактика экстремизма. Успехи и трудности», организованная совместно Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан и Исследователь-

ским институтом «Диалог цивилизаций», — это наш вклад в столь необходимый обмен мнениями по целому ряду вопросов. Какие меры можно предпринять, чтобы не допустить или, по крайней мере, минимизировать проявления насильственного экстремизма на пространстве СНГ? Какие существуют инструменты и механизмы для того, чтобы вести эффективную работу в данном направлении? Что мы можем сделать вместе для повышения уровня кооперативной безопасности перед этой угрозой? Такие вопросы стоят сегодня перед экспертами, принимающими участие в нашей конференции.

В трех панелях конференции вашему вниманию будут представлены доклады ведущих специалистов по данной проблематике из Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана. Будут обсуждены острые проблемы, требующие соответствующего академического и практического осмысления, изучены существующие подходы к профилактике и противодействию экстремизму в Центральной Азии и России.

Сегодня в зале присутствуют не только теоретики, но и практики противодействия экстремизму. Особо хочу поприветствовать представителей Министерства информации и общественного развития, Министерства иностранных дел, акимата города Нур-Султан и других государственных органов Республики Казахстан. С нами также представители международных организаций и дипломатических миссий стран-партнеров.

Практика показывает, что общих моментов по данной проблематике гораздо больше, чем сухое юридическое определение такого явления, как экстремизм. Это значит, что странам Центральной Азии и России под силу разрабо-

тать общие эффективные подходы в борьбе с экстремизмом и проведению профилактических мероприятий. Согласно нашему плану, обмен мнений, который состоится в ходе конференции, в дальнейшем трансформируется в конкретные предложения и рекомендации для компетентных органов стран региона.

Еще раз хочу поблагодарить Алексея Всеволодовича Малашенко за его идею организации этого мероприятия и передаю ему слово. Я горячо приветствую участников конференции и желаю всем плодотворной работы.

**Приветственное слово
руководителя научных исследований
Исследовательского института
«Диалог цивилизаций» директора Института
Алексея Малашенко**

Уважаемые гости и участники конференции!

Прежде всего, спасибо огромное вашему институту за сотрудничество, которое становится постоянным, и, как мне кажется, очень продуктивным. Особенно приятно, что помимо, научных, так сказать, рабочих связей, между нами существуют человеческие, дружеские отношения. В наше время это особенно важно.

Вижу много знакомых лиц. Собралась большая, заинтересованная аудитория. И выступающие не должны ударить лицом. Наверняка состоится неформальная, честная дискуссия. Пришедшим на нашу встречу есть что сказать друг другу.

Тема конференции, на первый взгляд, частная, даже слишком конкретная. И это хорошо. Но, с другой стороны, все мы прекрасно знаем, что из всякой касающейся вопросов ислама конкретики вырастают общие, сложнейшие проблемы, разобраться в которых становится все сложнее. Мы сейчас в Казахстане, в Центральной Азии, мы в Евразии, наконец, мы, на Глобусе. И везде ислам, если угодно, исламский фактор, более чем актуален.

С чего все начиналось? В самом начале 1990-х от кое-кого, да что там от кое-кого, от большинства экспертов в регионе можно было услышать: «Да какой у нас ислам, мы же не Египет какой-нибудь или Сирия...». Когда я пытался

возражать, то звучало: «Ну что ты всех пугаешь своим исламом?». Это – прямая цитата из разговора с моим коллегой и другом.

Много воды утекло с тех пор, и никто больше не сомневается в важности религиозной, религиозно-политической тематики. В Центральной Азии, кстати, как и в России, выросло целое поколение исламоведов, профессионально занимающихся этой тематикой.

Мы живем, работаем внутри процесса исламизации, исламского возрождения, политизации ислама, его радикализации, и при желании к этому легко добавить еще десяток терминов. Увы, мы, аналитики не всегда успеваем за текущими событиями. Это не наша вина, это – беда, причём общая беда: экспертов, политиков, да и всего общества.

Кто предвидел появление в XXI веке Исламского государства (кстати, хватит называть его «группировкой» – дело куда серьезнее)? Кто дерзнул предсказать, что брат-мусульманин станет, пусть и на короткий срок, президентом Египта? Исламской Республике Иран предсказывалось 5-6, максимум 10 лет, а в этом году мир отметил 40-летие исламской революции. Поверьте, мы ещё доживём и до пятидесятилетнего её юбилея. Про 11-е сентября и прочие террористические «забавы», оказавшиеся устойчивым глобальным трендом, и говорить не приходится.

Отдельно про Исламское государство – оно того заслуживает. Я сейчас даже не про «Великий Халифат», а про исламское государство как образ, как часть менталитета мусульманина, как некую философию. Что за всем этим стоит? – Желание жить правильно, праведно, в соответствии с исламской традицией? Почему бы и нет! Особенно тогда, когда в мусульманском мире кризис следует за кризисом,

когда правящие режимы неспособны проводить реформы, повышать благосостояние народа, когда кругом коррупция, nepотизм и пр. Почему бы в такой ситуации не обратиться к исламской модели?

Можно ли построить государство сугубо на основе религиозной традиции? – Нет, конечно. Но люди в это верят. Есть данные, что в исламскую альтернативу верит половина полуторамиллиардной исламской уммы. Вам мало? Человеку свойственно верить в утопию. (Наши старшие поколения долгое время верили в коммунизм.) В общем, те, кто не в состоянии разобраться с социально-экономическими проблемами государства, собственноручно порождают веру в утопию.

Стремление к сотворению утопии выглядит по-разному. Взять то же исламское государство, которое есть стратегическая цель движения, именуемого исламизмом. Кто-то из исламистов считает, что создание исламского государства не надо форсировать, надо хорошенько подготовить общество к переходу к такому государству, а на это уйдут годы, целые поколения. Так рассуждают умеренные исламисты. Радикалы настаивают на ускорение такого движения, при этом, однако, избегая крайностей. И только третьи – исламисты-экстремисты не хотят ждать и жаждут воплотить свою мечту сегодня, в крайнем случае, завтра, не считаясь с ценой и человеческими жертвами. Вот они-то и воевали на Ближнем Востоке, совершали теракты, резали головы, торговали людьми. Это – фанатики. Вам не кажется, что тем самым они дискредитировали саму идею исламского государства?

Но ведь кроме фанатиков-экстремистов, есть нормальные люди, которые также верят в возможность исламской

утопии, считают, что за нее необходимо бороться (не с автоматами Калашникова и взрывчаткой, а просто настойчиво и «вежливо») пропагандировать саму идею такого государства.

Как поступать власти в таком случае?

Сегодня мы будем говорить о тех мусульманах, которые оказались в заключении по обвинению в радикализме. Но как переубедить этих мужчин и женщин, как объяснить им, что они не правы? Да и вообще, с кем все мы, эксперты, государственные чиновники, правоохранители, психологи, врачи, имеем дело? Как сформулировать стоящую перед нами задачу, как переубедить тех («контингент»), которые оказались в местах заключения не со зла, а из-за того, что, с их точки зрения, они творили благое дело? Как различать их, и тех фанатиков, которые готовы на любую жестокость и преступление во имя по-своему толкуемой ими веры? И это не говоря уже о заурядных преступниках, которые паразитируют на исламе ради своих сугубо материальных интересов, и готовых на любые преступления. . .

В таком контексте наша конференция действительно очень важна. Важна как для нас самих, кто пытается разобраться в крайне непростой ситуации, для политиков и администраторов, которые, хотелось бы верить, к нам хоть в какой-то степени прислушаются. И она важна для тех мусульман, которые пытаются в местах заключения «заново обрести себя», разобраться почему они оказались в тяжелой для них, болезненной ситуации.

Спасибо за внимание. Спасибо КИСИ за эту непростую, но очень важную для всех конференцию.

***

ПЕРВАЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ

Драйверы насильственного экстремизма и проблемы противодействия вовлечению граждан в экстремистские и террористические сети

Леся Каратаева

Несмотря на то, что в 2018 году количество терактов в мире сократилось на треть по сравнению с 2017 годом и составило наименьший с 2011 года показатель [1], следует признать, что проблема терроризма и насильственного экстремизма сохраняет свою значимость. Наблюдаемое с 2016 года расширение практики «одинокого волка», заставляет отказаться от восприятия терроризма только через призму деятельности организованных структур и вновь актуализирует вопрос об определении терроризма и насильственного экстремизма, их природы и драйверов.

Главная проблема заключается в том, что дать чёткое, унифицированное и общеприемлемое определение понятиям радикализации, экстремизма и терроризма практически невозможно. В большинстве случаев эти понятия относятся к разряду интуитивно понимаемых. Относительный компромисс достигнут в отношении понимания радикального как относящегося в большей степени к идеям и позициям, а экстремального – к действиям.

Сложности в определении и понимании сути этих явлений отчасти могут быть объяснены следующим.

Во-первых, вопросами анализа насильственного экстремизма и терроризма занимаются ученые в различных сферах научного знания: политологи, юристы, социологи, психологи, экономисты и т.д. Каждый из исследователей смотрит на проблему под специфическим углом зрения собственной отрасли знаний. О сложностях достижения объективности в суждениях о терроризме писал еще в последней четверти XX века Харви Кушнер, обращая внимание на то, что исследование терроризма подразумевает анализ глобальных политических изменений, которые, в свою очередь, разным ученым, журналистам, политическим деятелям видятся по-разному [2].

Во-вторых, практика показывает, что у феномена насильственного экстремизма и терроризма много различных причин и проявлений, что делает создание общей теории «априори невозможной» [3].

В-третьих, анализ экспертного дискурса показывает, что коннотация явления, и, соответственно, его определение зависит от так называемой «архимедовой точки», с позиций которой то или иное конкретное явление будет оцениваться. Учитывая тот факт, что чаще всего экстремизм относят к сфере политической деятельности, плоскость, в которой располагается «архимедова точка», как правило, является идеологической.

Примеры, отражающие данный фактор, проанализировали Питер Коулман и Андреа Бартоли. В качестве хрестоматийного примера авторы приводят оценку отдельного периода в деятельности Нельсона Манделы [4]. Исследователи также обращают внимание на то, что оценка явления

может изменяться как на уровне индивида, так и на уровне целых сообществ в разные исторические периоды [4].

Тем не менее, безотносительно того, выработаны четкие определения насильственного экстремизма и терроризма или нет, практики, так или иначе относимые к этим явлениям, существуют и воспринимаются обществами и их правительствами как угроза безопасности. Это актуализирует вопрос о поиске механизмов противодействия. И первым шагом должно стать понимание факторов, способствующих переходу к экстремистским моделям поведения.

Процесс радикализации до сих пор изучен крайне мало. Причина кроется в том, что радикализация происходит на индивидуальном уровне, имеет личностный характер и по большому счету может быть представлена как некая «дикая карта», не подлежащая прогнозированию и реализуемая каждый раз как реакция на сочетание уникальных обстоятельств.

В то же время переход к экстремистски ориентированным моделям поведения имеет определенную протяженность во времени и происходит под воздействием ряда внешних факторов, которые, при известной доле генерализации, можно систематизировать.

В самых общих чертах, мировое экспертное сообщество, в рамках различных межгосударственных проектов, инициируемых международными фондами и организациями, артикулирует следующие возможные push-факторы, потенциально способствующие развитию практик экстремизма.

Фактор социально-экономического неравенства. Проблема может быть характерна, как для национального, так и глобального уровня. Безусловно, полное социально-эконо-

мическое равенство недостижимо. В то же время масштабы фиксируемого неравенства имеют значение. Так, 85 самых богатых людей в мире обладают стольким же количеством богатства, сколько самые бедные 3,6 миллиарда [5]. Сама по себе бедность, на индивидуальном уровне не является гарантией склонности к экстремизму, однако, осознание несправедливости формирует запрос на социальную политику. В случае, если государство не способно удовлетворить запрос на социальную справедливость, эта уязвимость активно эксплуатируется террористической пропагандой [6].

Фактор несоблюдения гражданских прав и свобод [6, -С. 20]. Осознание бесправности способствует развитию чувства виктимности, а также используется заинтересованными лицами и организациями как доказательство несостоятельности государства. Важную роль играет не только сам факт несоблюдения гражданских прав и свобод, но и отсутствие единого правового поля, действующего одинаково в отношении всех граждан, безотносительно их социального статуса и материального благополучия.

Фактор отсутствия социальных лифтов проявляется в большинстве случаев среди молодежи, чьи устремления и амбиции многократно возросли по сравнению с предыдущими поколениями, но ожидания не могут быть удовлетворены. Причинами ситуации могут являться неэффективная экономическая модель государства, недостаточный уровень профессионального образования, которое не имеет логической взаимосвязи с рынком труда, а также социальная дискриминация. Важен не столько сам факт отсутствия социальных лифтов, сколько когнитивный диссонанс, испытываемый молодыми людьми, обнаружившими несоответствие обещанного и реально полученного.

Фактор коррупции является не только раздражающим и усиливающим осознание наличия социальной несправедливости, но и облегчает деятельность экстремистских и террористических организаций, позволяя распространять идеологию насилия и вербовать граждан в ряды экстремистских группировок.

Следует обратить внимание на то, что вышеуказанные факторы отображают ситуацию в максимально обобщенном виде. Немаловажно и то, что любой из этих факторов объективно может отсутствовать в рамках конкретного государства, но в восприятии граждан может проявляться как реально существующий. При принятии решений индивид отталкивается не столько от объективно существующей реальности, сколько от воспринимаемой действительности.

Кроме того, сам по себе факт осознания индивидом наличия той или иной проблемы также не влечёт за собой перехода к насильственному экстремизму. В этом процессе большую роль играет наличие в реальном или виртуальном окружении индивида силы (сетевой группы, организованной структуры, отдельных лиц), оказывающей влияние на выбор посредством эксплуатации тематики уязвимостей государства и общества.

В качестве факторов, обеспечивающих привлекательность экстремистской модели поведения (Pull Factors), можно выделить следующее:

- обращение или призыв конкретного лидера, проповедника или иных харизматичных лиц;
- наличие мощных образов, символов и субнарративов, которые прочно вплетены в социальную ткань общества и при желании могут получить принципиально

новое толкование. Например, символом, который использовала ДАИШ, стал Халифат;

- декларируемые преимущества, которые могут быть получены в случае принадлежности к экстремистским группировкам. Среди таких преимуществ выделяются: доступ к материальным ресурсам; социальный статус и уважение со стороны соратников; повышение самооценки; чувство братства; острые ощущения и участие в приключениях; перспектива достижения славы и известности; или чувство личных прав и возможностей, отказ от виктимности и пр. Иными словами, участие в экстремистских группировках воспринимается как возможность получения материального вознаграждения, а также эмоциональных и духовных благ, в том виде, как они понимаются отдельной личностью;
- стремление подражать образу «героя», представляемого в качестве «справедливого мстителя». В качестве такого «героя» могут выступать как близкие люди (члены семьи, друзья), так и сгенерированные экстремистской пропагандой образы «героев».

В то же время следует признать, что в каждом отдельном случае, как на индивидуальном уровне, так и на уровне малых групп, мотивация перехода к насильственному экстремизму как приемлемой модели самореализации или достижения желаемого будет формироваться уникальным сочетанием факторов и условий. Логично предположить, что относительно высокая эффективность действий экстремистов по вовлечению граждан в свои ряды объясняется индивидуально ориентированным подходом. В то же время система противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма долгое время была ориентирована на

работу с массами, а, следовательно, на некий усредненный образ гражданина. Очевидно, что построение индивидуально ориентированной модели противодействия вовлечению гражданина в экстремистские и террористические организации возможно только при наличии оперативных данных, в любом другом случае предугадать, где и с кем следует работать, практически невозможно.

В заданных условиях оптимальным представляется применение сегментирования общества и разработка отдельных механизмов и контрнарративов для каждой отдельной группы граждан, с учетом их специфики. В Казахстане выделяются такие общности как молодежь, женщины, а также лица, отбывающие наказание в пенитенциарных учреждениях.

По данным различных исследователей возраст средне-статистического казахстанского террориста составляет 26-29 лет [7,8]. Уязвимость молодых людей перед радикальной риторикой «прежде всего, связана с психоэмоциональными особенностями возрастного периода» [9]. Для этого периода жизни характерна гипертрофированность восприятия, когда каждая неудача воспринимается как катастрофа, эмансипация от влияния взрослых, поиск собственной идентичности и т.д.

В то же время молодые люди представляют одну из уязвимых социальных групп. Уязвимость может появляться в сложности трудоустройства, так как, возможно, молодые люди не имеют опыта работы и на рынке труда «проигрывают» конкуренцию с более опытными работниками. Другой точкой уязвимости может являться недостаточный, в том числе и в силу возраста, уровень образования, соответственно, способность критически осмысливать

социальные и политические процессы у молодых людей снижена.

В настоящий момент в Казахстане вопросы поддержки молодежи находятся в приоритете. На протяжении нескольких лет активно внедряются механизмы противодействия вовлечению молодых людей в экстремистские сети, однако, следует признать, что действующая модель не лишена недостатков. Процесс осложняется наличием ряда проблемных зон.

Одной из проблем является отсутствие научно обоснованных критериев, позволяющих осуществить раннюю диагностику радикализации молодых людей. Вторая проблема заключается в том, что специалисты, которые по факту должны быть практиками «первой линии», не всегда обладают необходимыми знаниями, навыками и компетенциями в сфере противодействия насильственному экстремизму и терроризму. Третья проблема заключается в том, что основное внимание уделяется учащейся или любым другим образом организованной молодежи. В то же время молодые люди, находящиеся за пределами каким-либо образом организованной молодежи, остаются без внимания.

Еще одной фокусной группой, которая требует построения самостоятельной модели противодействия вовлечению в экстремистские сети, являются женщины. Следует принять во внимание, что эта фокусная группа также не является монолитной. Условно можно обозначить две категории женщин-экстремисток, для каждой из которых будет характерна отличительная совокупность факторов: Первая категория включает в себя женщин, для которых характерен добровольный переход к экстремистским моделям поведения и терроризму с целью изменения социа-

льной и политической системы. Вторая категория была принуждена к терроризму.

Мотивация для женщин может выглядеть по-разному. Одни, будучи подвергнуты целенаправленной пропаганде, основанной на искажении основных догм ислама и неверном толковании священных текстов, искренне разделяют идеи джихада. Другие сталкиваются с кризисом гендерной идентичности и могут стремиться таким образом изменить разделяемую некоторыми общностями идею вторичности женской природы по отношению к мужской. Третьими руководит страх и отсутствие видения выхода из окружающей действительности. В качестве значимых причин выступают также стремление улучшить материальное положение, а также стремление женщин искупить свои социально неодобряемые поступки или же неспособность исполнить отводимую им в традиционном обществе роль.

В целях снижения рисков радикализации женщин в Казахстане с 2013 года реализуется проект «Женщина и религия», в рамках которого в регионах проводятся одноименные форумы и конференции [10]. Кроме того, проводится работа с женщинами, находящимися в зоне повышенного риска радикализации. В данном сегменте работают реабилитационные центры, или центры социализации данной уязвленной категории населения. Так, с 2013 г. действует сеть женских клубов «Кыз Жибек», которая помогает радикализованным женщинам вернуться к «нормальной» жизни, включиться в общественную работу. В Казахстане официально зарегистрировано свыше 200 женских организаций, ориентированных на различные сферы: образование, творчество, воспитание детей и молодежи, религия. В той или иной мере все они в рамках своей дея-

тельности вносят свой вклад в профилактику экстремизма [11]. ДУМК открыл при мечетях курсы повышения религиозной грамотности для населения, на которых обучают и женщин [12]. В то же время необходимо обратить внимание на существующие проблемы.

Во-первых, отсутствуют адекватные механизмы защиты женщин, которые приняли решение сопротивляться вовлечению в террористическую деятельность. Во-вторых, процесс превентивного противодействия радикализации девушек опирается, как правило, на ценности традиционного общества. Предпринимаемые меры ориентированы на воспитание девушек в традициях прошлого, предполагающих традиционную роль женщины в семье. Учитывая тот факт, что террористы активно эксплуатируют тематику традиционной роли женщины в семье, возникают риски, что, при условии реализации сценария конвертации девушек в нетрадиционный ислам, порог сопротивляемости деструктивной идеологии и навязываемым противозаконным моделям поведения будет значительно снижен.

В настоящий момент все чаще стали говорить о том, что тюрьмы стали местом распространения экстремистской идеологии [13]. Традиционные для пропаганды идей насильственного экстремизма и терроризма аргументы и механизмы их продвижения в рамках пенитенциарных заведений усиливаются такими факторами как изоляция от внешнего мира, ощущение уязвимости, опасения виктимизации, потребность в принадлежности к группе в целях обеспечения личной безопасности, а также длительное воздействие радикальных индивидуумов. Эта проблема так или иначе характерна для всех стран, в которых применяется интегрированная модель содержания осужденных, пред-

полагающая содержание осужденных по экстремистским и террористическим статьям в одном пенитенциарном заведении с остальными заключенными [14].

Казахстан применяет интегрированную модель, что гипотетически повышает риски распространения в тюрьмах идеологии экстремизма и терроризма. Однако в силу ряда объективных факторов переход к модели сепаратного содержания заключенных в обозримой перспективе не представляется возможным. Эта ситуация актуализирует вопрос о поиске механизмов нивелирования идеологического воздействия осужденных по террористическим статьям на остальных граждан, отбывающих наказание за преступления иного рода.

В настоящий момент в пенитенциарных учреждениях Казахстана реализуется программа реабилитации и реинтеграции лиц, совершивших насильственные преступления экстремистского характера. Впервые официальные заявления о необходимости создания национальной системы дерадикализации осуждённых, совершивших насильственные преступления экстремистского характера, появились в публичном пространстве в 2014 году [15]. Программа была разработана с учетом мирового опыта, но представляет собой уникальную разработку. К настоящему моменту программа уже продемонстрировала позитивные результаты [16], однако, дать полноценную оценку эффективности предпринимаемых действий на долгосрочную перспективу не представляется возможным в силу недостаточности временного отрезка. Недостаточно данных и для оценки эффективности данной программы с точки зрения недопущения распространения террористической идеологии в стенах пенитенциарных учреждений.

В заключение, подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что разработка фокусно ориентированных моделей противодействия вовлечению граждан в экстремистские и террористические сети позволит с большей эффективностью снизить воздействие Pull факторов. Кроме того анализ потребностей и неудовлетворенностей тех или иных сегментов общества позволит с большей эффективностью проводить политику по устранению Push факторов.

Список использованных источников:

1. Henman, Matthew. «Worldwide Terror Attacks Shrink to Lowest Level Since 2011». HIS Markit, 23 January 2019. // <https://ihsmarkit.com/research-analysis/worldwide-terror-attacks-shrink-to-lowest-level-since-2011.html>
2. Kushner, Harvey Wolf. «The Future of Terrorism: Violence in the New Millennium». Thousand Oaks: Sage Publications Inc., (1998): 4.
3. «The Terrorism reader: A historical anthology» /eds. by W. Laqueur, Y. Alexander. NY: New American Library, (1987): 183.
4. Coleman, Peter, Bartoli, Andrea. «Addressing Extremism». The International Center for Cooperation and Conflict Resolution. // https://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386_WhitePaper_2_Extremism_030809.pdf
5. «Working For The Few: Political capture and economic inequality». Summary. Oxfam Briefing Paper, 20 January 2014. // https://www-cdn.oxfam.org/s3fs-public/file_attachments/bp-working-for-few-political-capture-economic-inequality-200114-sum-en_1.pdf
6. «Preventing Violent Extremism Through Promoting

- Inclusive Development, Tolerance And Respect For Diversity». United Nations Development Programme. (2016): 21
7. «Составлен портрет казахстанского террориста». Inform Buro, 2017 // <https://informburo.kz/novosti/issledovateli-sostavili-portret-kazahstanskogo-terrorista.html>;
  8. «Европейские эксперты составили портрет казахстанского экстремиста». Vlast, 2014 // https://vlast.kz/politika/evropejskie_jeksperty_sostavili_portret_kazahstanskogo_jekstremista-8846.html
  9. Бейсембаев, Серик. «Специфика и факторы радикализации молодежи в условиях Казахстана». Central Asian Bureau for Analytical Reporting, 27 July 2016. // <https://cabar.asia/ru/serik-bejsembaev-spetsifika-i-factory-radikalizatsii-molodezhi-v-usloviyah-kazahstana/>
  10. «В 2016 году около 3 тысяч женщин подверглись вербовке террористических организаций – эксперт». Bnews.Kz https://bnews.kz/ru/dialog/discussion/v_2016_godu_okolo_3_tisyach_zhenshchin_podverglis_verbovke_terroristicheskikh_organizatsii_ekspert
  11. «Женские организации и профилактика экстремизма». Управление по делам религий акимата СКО <http://udr.sko.gov.kz/news/read/1530589456120.html>
  12. Богатик, Александр «Казахстанские мечети учат религиозной грамотности». Каравансарай, 28 октября 2016. // http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2016/10/28/feature-01
  13. «Prisons and Terrorism Radicalisation and De-radicalisation in 15 Countries». International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence, 2010. -68 p.
  14. «Римский меморандум о надлежащей практике реа-

- билитации и реинтеграции лиц, совершивших насильственные преступления экстремистского характера». Глобальный контртеррористический форум. <https://www.thegctf.org/Portals/1/Documents/Framework%20Documents/Rome%20Memorandum%20-%20RUS.pdf>
15. Жакеев, Мурат «Курсы реабилитации для осужденных за экстремизм и терроризм предлагает проводить АДР РК» *Zakon.kz*, 7 февраля 2014. <https://www.zakon.kz/4601626-kursy-reabilitacii-dlja-osuzhdennykh-za.html>
16. Богатик Александр «Сотни казахстанских заключенных отвергли радикализацию» *Каравансарай*, 8 августа 2017. http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/08/08/feature-01

***

Политические причины и факторы развития и катализации экстремистских взглядов

Алексей Гришин

Тема сегодняшней конференции крайне важна и актуальна. Без знания и понимания истоков, причин и факторов, влияющих на формирования у людей экстремистских взглядов, невозможно построить и создать им эффективного противодействия.

Работ ученых на эту тему много. Большинство из них глубоко раскрывают экономические, социальные, психологические, гендерно-возрастные, этно-религиозные, культурно-образовательные и другие аспекты проблемы.

Однако очень мало, особенно в последнее время, появляется работ, затрагивающих глобальные, объективные или субъективные политические причины и факторы, способные развить или катализировать экстремистские взгляды. Ученые просто боятся! Боятся поспорить с США и странами Запада и стать в них «невъездными», боятся поспорить с собственными властями и чиновниками, наконец, боятся быть обвиненными в распространении идей экстремизма и терроризма. Ведь иногда в практике чиновников-буквоедов встречаются не поддающиеся логическому объяснению решения. Так, недавно в России судом по уголовным делам был осужден мужчина за пропаганду нацизма, хотя вся вина его состояла в том, что он «перепостил» фото с Парада Победы в Москве в 1945 году. На фото оказались лежащие перед мавзолеем В. И. Ленина знамёна с фашистской символикой. Воистину говорят: «Заставь дурака Богу молиться – он весь лоб расшибет».

Приведу более близкий к нам пример. После террористического акта на Ближнем Востоке несколько лет назад, в котором погибли более 150 американских военнослужащих, террористы заявили, что их действия ничем не отличаются от действий США. Американцы так же бомбят кого хотят, не считаются с потерями мирного населения. Разве что у них есть признанное мировым сообществом руководство, армия, флот, ракеты и вето в Совете безопасности ООН.

Этот тезис террористов оказался настолько эффективным, что никто так и не смог выстроить против него стройную систему ответов. И было принято негласное решение этот тезис просто не озвучивать. Вот и сегодня я об этом говорю только в узкой научной аудитории, да и то с исключительной попыткой стимулировать ученых к решению этой задачи.

К политическим факторам, безусловно, относятся также просчеты и грубые ошибки в работе с потенциально радикальными в экстремистском смысле группами населения, прежде всего с молодежью, как со стороны в целом властных элит, так и со стороны конкретных чиновников.

На некоторых событиях в России попробую проиллюстрировать это конкретными примерами. Сразу хочу оговориться, что привожу эти примеры не с целью дискредитации руководства моей страны и ее политической линии. Ведь очень многое, практически 90% делается грамотно и правильно. Да и законодательства России и большинства стран СНГ предоставляют гражданам широкие политические права. В условиях дефицита времени я опускаю эти 90% и хочу сосредоточить особое внимание на 10% проблем, на ошибках конкретных чиновников, оказавшихся явно не на своем месте. Они своими каплями дегтя испортили не

одну бочку меда, своей некомпетентностью смогли нанести колоссальный вред обсуждаемой сегодня работе по борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Ошибки, особенно исправленные, надо изучать и знать, чтобы избежать их повторения!

Как многим известно, более 9 лет я возглавлял в Администрации Президента Российской Федерации направление по взаимодействию с российским исламом. Поэтому приведу несколько типичных ошибок чиновников, особенно регионального уровня, именно на исламскую тему, особенно с учетом того, что так называемый исламизм, то есть преступное использование великой мировой религии в собственных политических и иных корыстных целях, широко развернул свою деструктивную деятельность в современном мире.

Мониторинг ситуации показывает, что радикальные элементы для достижения своих целей на протяжении последних лет в России и некоторых странах СНГ продолжают эффективно и последовательно использовать одну и ту же, многократно повторяющуюся тактику, практически не встречая со стороны государства и мусульманских авторитетов какого-либо организованного противодействия.

Основным элементом этой тактики является активное завоевание, захват и закрепление экстремистами за собой официальных позиций под вывесками Духовных управлений мусульман (ДУМ), региональных, местных и иных религиозных организаций, культурно-религиозных центров, фондов, представительств. Официальные позиции позволяют экстремистским лидерам присваивать себе право выступать от имени определенных групп мусульманского населения, в том числе по защите их гражданских и рели-

гиозных прав, а также становится активным участником диалога и процесса взаимодействия с государственными структурами.

Почти при полном отсутствии специалистов-исламоведов в исполнительных органах государственной власти, особенно на уровне субъектов Федерации и ниже, чиновники не всегда в состоянии объективно разобраться в происходящих процессах и зачастую выступают на стороне хорошо маскирующихся исламистов, признают их в качестве авторитетных религиозных деятелей, включают в различного рода консультативные органы. Тем более что, как правило, такие лидеры, заняв определенные посты, внешне выступают с весьма сдержанной позицией, обращая весь свой негативный потенциал исключительно на внутримусульманскую аудиторию.

В ряде регионов России исламисты открыто угрожают их руководству организацией беспорядков, что существенно влияет на так называемый пресловутый рейтинг губернаторов. Они фактически вынуждают руководителей регионов опираться в работе с мусульманами именно на их структуры.

Кроме того, они часто предлагают федеральным ведомствам и местным администрациям уже готовые планы работы с мусульманским активом, включающие внешне полезные антитеррористические мероприятия, которые позволяют чиновникам отчитываться о проведении соответствующей превентивной профилактической работы. Таким образом, экстремисты становятся для уполномоченных чиновников «удобными» и «полезными».

Посмотрите, что дальше происходит. Региональный чиновник, без специального образования и опыта работы

с мусульманами, получает из Центра задачу активизировать антиэкстремистскую работу в этой среде. К кому он обратится? ... Правильно, к официализировавшимся экстремистам. Да еще организационно-административно и бюджетными деньгами поможет. А если экстремисты ещё и коррупционно откатами поделятся, то станут для этого чиновника «самыми любимыми партнерами», вне контроля и критики. Чиновники сами создадут для них условия доступа к молодежи.

Практика показывает, что через некоторое время эти экстремисты обращаются во властные структуры с просьбой административно воздействовать на своих соперников в мусульманской среде. Как правило, речь идет о «традиционных» духовных управлениях, которые критикуют действия экстремистов и нерадивых чиновников. И «традиционных» патриотически настроенных религиозных деятелей начинают притеснять, направляя на борьбу с ними всю мощь государства.

А молодежь видит, как чиновники, в том числе по коррупционным причинам, начинают притеснять «традиционных» устазов. И делают свои, часто очень неправильные, выводы. Кто-то идет к «сильным» экстремистам, а кто-то начинает радикально бороться за своих устазов.

Классическим примером такой деятельности являются муфтияты Совета муфтиев России (СМР, руководитель – Р. Гайнутдин). Если проанализировать официальные выступления руководителей СМР за последние годы и представленные его функционерами в различных регионах страны планы по борьбе с экстремизмом и терроризмом, то создается впечатление, что в мусульманской среде эта организация является надежным партнером государства. Вместе с тем в

ее практической деятельности, при внимательном изучении, отчётливо прослеживается профанация прогосударственной деятельности, нецелевое использование выделенных под эти задачи денежных средств и откровенная антироссийская направленность, особенно внутренней работы. Именно на базе или при поддержке СМР, в общинах и мечетях, включая Московскую соборную мечеть, ведется наиболее активная антигосударственная психологическая обработка верующих, особенно молодежи и мигрантов. Созданы многочисленные интернет-ресурсы: Ислам РФ, Ислам СНГ, Ислам НН, Мусульмане России, Голос Ислама, Ансар и многие другие, где в большом объеме так называемых «маскирующих» статей размещаются материалы, разжигающие ненависть мусульман к представителям других религий.

Обращает на себя внимание тот факт, что в последнее время в ряды СМР на различные должности в центральном аппарате и в большинстве его муфтиятов и организаций пришли молодые люди, получившие образование за рубежом, в основном в Саудовской Аравии, а также радикалы, бежавшие от преследования из стран Центральной Азии. А отдельные воспитанники СМР, такие как С. Бурятский, А. Мантаев, Я. Расулов, стали на определенном этапе идеологическими лидерами ваххабитского бандподполья.

Даже сам Р. Гайнутдин и его окружение из-за внутреннего давления со стороны исламистов все чаще вынуждены выступать с критикой государства, призывать к поиску компромисса с нетрадиционными течениями ислама, заявлять о притеснении мусульман в России. Особенно активно за последние 2-3 года тезис притеснения мусульман продвигался Р. Гайнутдином во время встреч с государственными деятелями и послами США, Великобритании, Турции и

арабских стран. Отдельные лидеры СМР, такие как Н. Аширов, М. Бибарсов, не скрывают своих симпатий к ваххабитам, выступают экспертами и общественными защитниками экстремистов в судах. Несколько выступлений, листовок и брошюр СМР признаны судами Российской Федерации экстремистскими.

Несмотря на это, по ничем не обоснованному субъективному решению отдельных федеральных чиновников, именно СМР стал в последние годы основным партнером государства в российском мусульманском сообществе, прежде всего на федеральном уровне. Через эту организацию реализуется до 80% всех совместных проектов со значительным уровнем государственного финансирования.

По упомянутым выше программам российским государством выделяются большие деньги. И они зачастую распределяются экстремистам. Классический пример произошел в Крыму, где курируемый федеральными чиновниками Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования в работе с крымско-татарским населением сделал ставку на бывшего вице-спикера парламента Крыма Л. Ислямова и его телеканал АТР. Этот деятель получил из Фонда крупный транш и сбежал с ним на Украину, где, фактически, на российские деньги организовал энергетическую блокаду Крыма в 2016 году. С того же времени чиновники благодетельствовали проукраински настроенного муфтия Э. Аблаева и начали переводить собственность мусульман Крыма под созданный им муфтият. И это даже несмотря на то, что Э. Аблаев не вышел из состава, запрещённого в РФ экстремистского «Меджлиса крымско-татарского народа». Странным образом пророссийский Таврический муфтият оказался изгоем. Крымско-татарские мусульмане указывают

на явно коррупционную подоплеку принятых чиновниками решений, но прямых доказательств у нас нет.

Во всей этой истории, как оказалось, никто из чиновников не был специалистом в работе с мусульманами и крымско-татарским населением.

В 2012-2015 годах уполномоченные чиновники сами привезли в Россию идеологов террористической организации «Братья-мусульмане» в лице руководства Всемирного союза мусульманских ученых (ВСМУ). Представители «Братьев-мусульман» провели несколько десятков мероприятий, пока принимавшие решения «специалисты» не поняли, что к чему. Выступая с внешне правильными лозунгами, «ученые» ВСМУ приводили неприемлемую для российских мусульман аргументацию, однако никто из уполномоченных лиц до нее не доходил, ограничиваясь лишь знакомством с «правильными» тезисами.

Так, осуждая и критикуя джихад в Чечне в 90-е годы прошлого века А. Карадаги разъяснял, что «джихад необходимо вести только там, где он имеет перспективу», поэтому «наши чеченские братья ошиблись в оценке силы неверных, и погибли зря, фактически совершив фальстарт». Он же добавлял, что мусульмане в современных условиях России не должны совершать террористические акты, с точки зрения Ислама – это преступление. Казалось бы вот он воспитательный эффект для российских мусульман. Но А. Карадаги добавлял, почему нельзя совершать теракты в России... Оказывается, «теракты являются харамом (запретными), если в них могут погибнуть невинные верующие мусульмане..., а селекцию на мусульман или неверных в эти акции провести невозможно». То же и с призывом к мусульманам идти на службу в армию, полицию и госор-

ганы. Оказывается, по А. Карадаги, все это нужно, чтобы сдерживать «преступления неверных против мусульман с позиций государства».

Думаю, что ВСМУ и сегодня отравлял бы мусульман России своей идеологией, но нам несказанно повезло. Лидер ВСМУ Ю. Кардави выступил против вмешательства России в дела Сирии. И наши чиновники смогли дочитать проповеди ВСМУ до конца. И это мы привезли в Россию сами, оплатили поездки бизнес-классом, затратив более 100 млн. рублей!

Как уже теперь выяснилось, тексты документов ВСМУ, предназначенные для распространения среди российских мусульман, существенно отличались от текстов, докладываемых руководству страны. А визит генерального секретаря ВСМУ А. Карадаги в Ингушетию, где он получил высший орден республики, спровоцировал конфликт местного «традиционного» муфтията с главой республики. Последствия этого конфликта серьезно дестабилизируют ситуацию в республике и сегодня. Вы это видите из СМИ.

Жесткая борьба в России в последние годы развернулась и в сфере исламского образования. После рейдерского захвата просаудовскими функционерами СМР Московского исламского университета и назначения ректором вуза бывшего сотрудника посольства Саудовской Аравии (работал там 7 лет) Д. Хайретдинова, создалась реальная угроза перевода системы российского исламского образования под ваххабитские программы, контролируемые Эр-Риядом. Исламисты попытались установить свой контроль над Советом по исламскому образованию (СИО, координационный орган российских мусульман в сфере образования). Лишь инициатива и личный контроль со стороны руководства

Татарстана за проектом создания новой «Исламской академии» в Болгарах в 2015 году позволили отодвинуть угрозу установления контроля ваххабитов над СИО. Однако уже сегодня исламистскими элементами выдвинута новая идея выведения исламского образования из-под контроля российского государства путем создания автономных филиалов данной объединенной Академии.

В последнее время захваченные экстремистами официальные мусульманские организации проявляют значительный интерес к работе с заключенными, трудовыми мигрантами из Центральной Азии, военнослужащими Вооруженных Сил РФ, фактически навязывая государству свое участие в тех или иных программах, предоставляющих возможность доступа к социально ограниченным группам мусульман, как к потенциальной вербовочной базе. Они активно заключают договоры о сотрудничестве с представителями ФСИН, ФМС (до 2016 года, сегодня вошла в МВД) и МВД России, в том числе с правом распространения в местах исполнения наказания и среди мигрантов переводной арабской религиозной литературы, рекомендованной вышеупомянутым ВСМУ.

В июне 2015 года по инициативе кураторов ислама в органах власти в условиях нехватки времени и необходимости отчитаться перед руководством о принятии документа, основными муфтиями страны была подписана недоработанная «Социальная доктрина российских мусульман». Крайне сырой документ представляет собой компиляцию из 10 переведенных неадаптированных и неотредактированных арабских фетв Всемирного союза мусульманских ученых. Принятый текст, при внимательном прочтении, подвергает сомнению необходимость подчинения мусульман свет-

скому Президенту России, искусственно, как это делают террористы при вербовочной работе, разбивает понятия веры, гражданства и патриотизма, отдавая приоритет вере, говорит о превосходстве шариата и его судов над законами России и ее судебной системой. Подпись муфтиев стоит под их обещанием следовать этой Доктрине в повседневной деятельности. Примечательно, что в разделе о любви к Родине Россия не упоминается ни разу, а «лучезарные» Мекка и Медина 14 раз.

Доходит до смешного. Российская доктрина призывает мусульман заниматься физкультурой, чтобы ... «вскакивать на верблюда с первого раза»! Она говорит о превосходстве мужчин над женщинами, в том числе, в имущественных правах, о праве мусульман нарушать законы «неверных», если имуществу мусульман грозит опасность. Доктрина устанавливает шариатское отношение российских мусульман к своим правам и обязанностям в государстве.

Таким образом, на данных примерах и наших ошибках можно сделать вывод о том, что работа по профилактике экстремизма должна вестись специалистами, по единому плану, с единым координационным органом, по единым стандартам. Чтобы не получалось, что в одном из регионов России человек разыскивается за экстремизм, а в другом награждается губернатором за эффективное взаимодействие или за работу с молодежью. А такие случаи есть!

Проблема подготовки квалифицированных кадров для государственных учреждений всех уровней в этих условиях приобретает первостепенное значение.

Думаю, что единые планы нужны нам и на межгосударственном уровне. То, что я говорил про регионы России, про единые подходы к одним и тем же лицам, смело можно

отнести и к странам СНГ, чтобы исключить разные подходы к одним явлениям.

Здесь не могу не сказать о «Таблиги Джамаат» или «Джамаат-е Таблиги» (на разных языках), которая запрещена как идеологическая кузница кадров для террористов почти во всех страна СНГ, кроме Киргизии. Хотелось бы услышать аргументированную позицию на этот счет представителей этой страны.

Одно ясно: координация, единые подходы и подготовленные кадры на всех уровнях существенно снизят политический фактор формирования экстремистских взглядов.

Спасибо за внимание.

***

Некоторые особенности государственной политики Республики Таджикистан в борьбе с экстремизмом и терроризмом

Имомназар Хакназар

В связи со своим географическим местонахождением, геополитическим значением, информационной уязвимостью, молодым возрастом населения, светским характером государственности и т. д. Таджикистан находится на передовом фронте борьбы с радикализацией общества, а также с угрозами экстремизма и терроризма. Поэтому борьба с этим процессом является одним из основных направлений государственной политики Таджикистана.

Для снижения процесса радикализации, а также противостояния экстремизму и терроризму, Таджикистан ведет государственную политику в таких направлениях:

Направление №1: Разработка и формирование единой государственной политики по предотвращению радикализации общества и борьбы с экстремизмом и терроризмом.

В этом направлении приняты десятки основополагающих документов, главными из которых являются следующие:

- Национальная Стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы (от 12 ноября 2016 г.). Этот уникальный документ определяет основные направления и принципы государственной политики РТ в этой области, а также охватывает комплекс конкретных мер в борьбе с экстремизмом и терроризмом на период 2016-2020 годы.

- Концепция государственной политики Республики Таджикистан в области религии (от 4 апреля 2018 г.);
- Концепция государственной молодежной политики Республики Таджикистан (от 3 июня 2006 г.);
- Государственная программа по воспитанию патриотизма и укреплению национального менталитета молодежи Таджикистана на 2018-2022 годы (от 1 марта 2018 года);
- Ежегодные Послания Президента Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Таджикистан», которые традиционно разъясняют политику и позицию государства Таджикистана, в том числе по антиэкстремистской и антитеррористической борьбе.

В этих документах изложены основные принципы, методы, цели и направления единой государственной политики Республики Таджикистан по борьбе с радикализацией общества и противостоянию экстремизму и терроризму. Они определяют и координируют деятельность всех государственных органов и общественных организаций всех уровней в этом направлении.

Направление №2: Создание необходимой нормативно-правовой базы борьбы с исламским радикализмом, экстремизмом и терроризмом.

В этом направлении на сегодня в Таджикистане приняты более 35 документов и актов, в том числе:

- Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» (от 16 ноября 1999 г.);
- Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» (от 8 декабря 2003 г.);
- Закон Республики Таджикистан «О безопасности» (от 28 июня 2011 г.);

- Закон Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» (от 26 марта 2009 г.);
- Закон Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за воспитание и обучение детей» (от 2 августа 2011 г.);
- Закон Республики Таджикистан «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» (от 8 июня 2007 г.)
- Закон Республики Таджикистан о Национальной Концепции противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения на 2018-2025 годы (от 25 марта 2011 г.);
- Указ Президента Республики Таджикистан о Национальной Концепции противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения на 2018-2025 годы (от 5 марта 2018 г.) и т. д.

За эти годы так же введены серьезные изменения в Уголовный кодекс Республики Таджикистан и в другие законы, где ужесточено наказание за экстремистскую и террористическую деятельность.

В начале мая 2018 г. парламент Таджикистана внес изменение в статью 57 Уголовного Кодекса РТ, в соответствии с которым имущество тех граждан, которые обвиняются в участии и пропаганде идей экстремизма и терроризма будет конфисковано.

Направление №3: Реализация административных мер по предотвращению радикализации общества и борьбе с экстремизмом.

Кроме общеполитических и законодательных актов, для снижения уровня радикализации общества и предотвращения распространения экстремистских идей Таджикистан также использует многочисленные административные меры, которые имеют непосредственно практическое значение. Как наиболее важные примеры подобных мер можно перечислить следующие:

- введён строгий учёт процесса учреждения и деятельности религиозных объединений, в том числе принцип их отделенности от политики и невмешательства в дела государства;
- регулируется процесс поездки граждан на религиозное паломничество в Мекку («хадж»), в том числе введено ограничение на участие в «хадже» несовершеннолетних граждан, а также не достигших 40 лет;
- строго регулируется получение религиозного образования гражданами, в том числе создание исламского учебного заведения разрешается только по государственным стандартам и программам, а получение нелегального или «домашнего» религиозного образования запрещается;
- из зарубежных религиозных учебных заведений, в том числе из Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии, Египта и т. д., в обязательном порядке возвращены на родину более 3500 учеников и студентов, которые получили религиозное образование; в дальнейшем получение религиозного образования за рубежом разрешается только по разрешению компетентных государственных органов;
- в стране введено обязательное всеобщее среднее образование светского характера, в том числе строго

контролируется процесс обязательного получения образования девушками; в случае препятствия образованию детей со стороны родителей закон предусматривает строгие штрафы и наказания;

- введено изменение в статью 28 Конституции Республики Таджикистан, в результате чего запрещено учреждение и функционирование политических партий религиозного характера; также Решением Верховного Суда Таджикистана от 28 сентября 2015 года запрещена деятельность единственной исламской экстремистской и политической организации – Партии Исламского Возрождения Таджикистана.

Направление №4: Организация идеологической и профилактической работы по предотвращению радикализации общества и экстремизма.

В качестве профилактических мер по предотвращении радикализации общества ведётся расширенная агитационная, пропагандистская, идеологическая и культурная работа среди населения. В том числе:

- созданы агитационные группы из числа госслужащих, ученых и представителей творческой интеллигенции, которые проводят регулярные встречи с различными слоями населения по оповещению об угрозах радикализации, экстремизма и терроризма;
- в государственных и негосударственных средствах массовой информации, в том числе по радио и телевидению, широко организованы различные программы, которые создают антирадикальную и антитеррористическую информационную среду;
- по закону установлен светский характер образования во всех учебных заведениях, независимо от их уровня, направления и формы собственности;

- в качестве противовеса радикальным исламским идеям и ценностям налажена широкая пропаганда национальных идей и ценностей, национальной культуры и идентичности, патриотизма и т.д.;
- приняты специальные государственные программы по молодежи и женщинам, которые предусматривают комплексную работу с этими уязвимыми слоями населения, в том числе их социализацию, повышению уровня их юридических и политических знаний, предупреждения их привлечения к радикализму и экстремизму;
- с целью ограждения женщин и молодёжи от радикализации государство развивает сеть культурных и развлекательных центров в городах и селах, в том числе сельские клубы, библиотеки, спортивные комплексы, профессиональные секции и кружки, курсы изучения языков и навыков и т. д.

Направление №5. Организация непримиримой силовой борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Наряду с политической и идеологической работой в Таджикистане ведётся непримиримая силовая борьба против радикализма, экстремизма и терроризма. Сегодня борьба с этим явлением считается приоритетным направлением работы всех силовых структур республики. Необходимость силовой борьбы исходит из того, что экстремистские организации на практике имеют полувоенный характер и планируют ведение насильственной деятельности на территории Таджикистана и стран Центральной Азии.

В этом направлении в том числе ведутся такие работы:

- постоянное повышение квалификации и про-

фессионализма сотрудников силовых структур в области борьбы с экстремизмом и терроризмом; в том числе проводятся регулярные антитеррористические учения;

- созданы специальные антитеррористические структуры и подразделения в составе правоохранительных и других силовых органов; в том числе в структуре Генеральной прокуратуры РТ организовано специальное управление по борьбе с экстремизмом и терроризмом;

- налаживается серьёзная работа в таких более специфических направлениях как борьба с кибер-терроризмом, интернет-рекрутингом, финансированием экстремизма и терроризма и т. д.; в том числе, Национальным банком РТ ежегодно объявляется список финансовых лиц, причастных к экстремизму и терроризму;

- введён строгий запрет на деятельность религиозных экстремистских организаций и групп; сегодня на территории Таджикистана официально запрещена деятельность 18 экстремистских организаций, в том числе «Хизб-ут-тахрир», «Исламское Движение Узбекистана», «Партия исламского возрождения Таджикистана», «Исламское движение Восточного Туркестана», движения «Ансоруллох», «ИГИЛ», «Джамаати таблиг» и т.д.

- за прошедшие годы задержаны и строго осуждены сотни членов и последователей указанных религиозных экстремистских групп, а также пересечена деятельность их эмиссаров и ячеек на территории Таджикистана.

Согласно статистическим данным, до сегодняшнего дня из числа граждан Таджикистана, участвовавших в вооружённых столкновениях зарубежных государств, 675 человек были задержаны и привлечены к уголовной ответственности. Число убитых составляет более 500 человек.

Указанные усилия силовых структур Таджикистана привели к полному уничтожению на территории республики деятельности экстремистских и террористических групп, а также обеспечению стабильности и безопасности в стране. Таким образом, в 2017-2018 году наблюдается снижение уклона молодежи к экстремистским группам, хотя опасность и угроза еще остается серьезной.

Направление №6: Налаживание международного сотрудничества в борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Борьба против экстремизма и терроризма является одним из приоритетных направлений внешней политики Таджикистана. В соответствии с пунктом 2.13 Концепции внешней политики Республики Таджикистан, «Республика Таджикистан выступает за создание эффективных механизмов обеспечения сочетания национальных интересов и международных усилий, объединения стремлений всех государств для подготовки адекватных мер противодействия современным вызовам и угрозам. На национальном уровне Таджикистан осуществляет политико-правовые, информационно-пропагандистские, социально-экономические и специальные меры, направленные на укрепление ключевых аспектов своей внешней политики в плане борьбы с международным терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, контрабандой оружия, религиозным радикализмом, незаконной миграцией, экологическими рисками, изменением климата и угрозами информационной и продовольственной безопасности».

На пути противодействия угрозам безопасности Республика Таджикистан непрерывно стремится к принятию соответствующих мер на национальном и региональном уровнях.

Борьба с экстремизмом и терроризмом стоит в повестке дня отношений Таджикистана со всеми региональными и международными партнерами, в том числе Китай, Россия, страны Центральной Азии, страны Европы, США и т.д. В этом направлении Таджикистаном подписаны более 80 межгосударственных соглашений.

***

Анализ сущности и основных направлений государственной политики Республики Таджикистан в борьбе с радикализмом, экстремизмом и терроризмом показывает, что Таджикистан выступает за консолидацию усилий международного сообщества в этом направлении на глобальном, региональном и национальном уровнях. О такой роли и позиции Таджикистана говорит и проведение под эгидой ООН международной конференции высокого уровня «Противодействие терроризму и насильственному экстремизму», которая прошла в Душанбе 3-4 мая 2018 года с участием высоких представителей 46 стран мира и более 40 международных организаций.

Поддержка усилий и инициатив Таджикистана в этом направлении имеет важное значение для обеспечения стабильности и безопасности всего региона.

***

Противодействие религиозному радикализму: зарубежный опыт

Динара Айтжанова

Проблема распространения религиозного радикализма как источника экстремизма и терроризма сегодня стала актуальной не только для отдельных государств, но и для международного сообщества в целом. Об этом свидетельствует значительный рост числа террористических актов, совершенных под влиянием радикальных религиозных взглядов и, как следствие, существенное увеличение причиняемого такими действиями ущерба. В складывающихся обстоятельствах возникает потребность в изучении усилий различных государств и примеров интеграции международного сообщества, направленных на противодействие религиозному радикализму. Результаты таких исследований помогут выработать рекомендации, адаптировать лучшую зарубежную практику и повысить эффективность уже применяемых мер. Статья посвящена обзору зарубежного опыта в противодействии религиозному радикализму и сотрудничеству в этой сфере институтов государства, гражданского общества и СМИ. В исследовании рассматривается опыт США, Великобритании, Германии и некоторых других развитых стран по координации усилий общества в борьбе с проявлениями религиозного радикализма. Особое внимание уделено оценке опыта реализации молодежной политики, в том числе в форме целевых проектов и программ по изучаемой теме.

Проявление радикальных взглядов у отдельной, небольшой части общества на существующий жизненный уклад,

события социального или политического характера сопровождало всю историю человечества. Такая особенность человеческого самовыражения, естественно, не обходила стороной и духовную сферу. Трудно найти религию, которая на различных этапах своего становления и развития не сталкивалась с проявлениями радикализма, выражавшегося в провокационном толковании ее основных догм. При этом показательным является тот факт, что религиозный радикализм приводил к столкновениям не только между разными конфессиями, но и к столкновениям внутри одной конфессии.

Одной из основных причин маргинализации религии можно назвать продолжавшееся длительное время отдаление науки, образования, культуры и других сфер общественной жизни от религии. Это, в свою очередь, запустило процессы, направленные на возвращение утраченных позиций, некоторые из которых привели к зарождению радикальных экстремистских взглядов. Однако здесь справедливо заметить недопустимость толкования или восприятия радикализма как производного от религии явления, скорее, его можно отнести к чисто пропагандистскому фактору в распространении экстремизма и терроризма. Религиозный радикализм подменяет и дополняет новыми идеями существующие религиозные догмы, а радикальные группы, являясь по сути квазирелигиозными, выступают как синкретические образования с заимствованными из религии атрибутикой и ритуалами [1].

Бурное развитие науки и наступление информационного века стало катализатором зародившихся еще в XX веке процессов, что, в свою очередь, привело к резкому росту числа религиозных течений с радикальными и экстремистскими взглядами.

По обобщенным статистическим данным, с начала XXI века в мире совершено более 72 тысяч терактов, в которых погибли около 170 тысяч человек [2]. За последние два года различными источниками хоть и отмечается снижение их количества, однако цифры остаются устрашающими. Так, в 2017 году это чуть более 8,5 тысяч терактов, в результате которых погибли более 18,7 тыс. человек [3], а в 2018 году около 15,3 тысяч, в которых погибли 13,8 тыс. человек [4]. В подавляющем большинстве теракты совершены под влиянием радикальных религиозных взглядов.

Значительная активизация религиозного радикализма отмечается не только статистикой преступлений, совершенных на его почве и разрастанием масштабов негативных последствий от них, но и повышением интереса международного сообщества к его изучению. Так, Е. И. Филиппова и Ж. Радвани видят причину распространения радикальных религиозных движений в реакции консервативного социума на процессы секуляризации [5]. Большое внимание изучению международного опыта противодействия религиозному радикализму уделено в исследованиях Е.Н. Егорова [6], В.В. Наумкина [7], Д.А. Нечитайло [8] и М.В. Козлова [9].

Для изучения мирового опыта по организации и функционированию институтов государства, гражданского общества и СМИ использовались методы подбора и анализа специальной литературы по теме исследования, представленной как первичными, так и вторичными источниками актуальных данных.

Значимость последствий религиозного радикализма как угрозы международной безопасности предопределяет повышенную озабоченность мирового сообщества в вопросах противодействия данному явлению. Вместе с тем

следует отметить, что международное право не использует понятие «религиозный радикализм», а акцентирует больше внимания на его проявления в форме исключительно экстремистской и террористической деятельности.

Одним из важных актов международного права по борьбе с экстремизмом, в том числе и религиозным, является Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанная в 2001 году. Борьба с данными явлениями является одной из приоритетных целей Шанхайской организации сотрудничества [10].

Одной из крупнейших некоммерческих неправительственных международных организаций, занимающихся исследованием проблем религиозного радикализма, является Международный центр по изучению радикализации и политического насилия («The International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence»), основанный в 2008 году в Великобритании (в Лондоне). Своей миссией Центр определил просвещение общественности, а также оказание помощи государственным органам в поиске наиболее эффективных методов борьбы с радикализмом и политическим насилием [11]. В числе исследовательских программ Центра изучение каналов финансирования, информационной стратегии и тактики радикальных религиозных течений (преимущественно в странах Азии и Ближнего Востока), а также осуществление независимой оценки численности религиозных радикальных группировок в разных странах. Результаты исследований Международного центра по изучению радикализации и политического насилия докладываются на специализированных мероприятиях ООН по данной проблематике и позволяют использовать возможности «больших данных» для эмпирического обо-

снования различных проблем международной безопасности и религиозного радикализма.

Аналогичные организации создаются и в рамках региональной интеграции. Так, с 2011 года в Евросоюзе по инициативе Еврокомиссии функционирует Европейская сеть осведомления о радикализации (Radicalisation Awareness Network), возможности которой позволяют странам-участницам обмениваться актуальной информацией о проявлениях религиозного радикализма и экстремизма, эффективных практиках их борьбы и методов профилактики. В сеть включены около тысячи специалистов из различных сфер деятельности, которые на местах отслеживают конкретные факты религиозной радикализации [12].

Республика Казахстан принимает активное участие в международном сотрудничестве, ратифицировав 15 из 19 резолюций ООН по борьбе с терроризмом. По результатам реализации предложений, отраженных в обращении первого Президента Н.А. Назарбаева к странам-членам Совета безопасности ООН, разработан проект «Кодекса поведения для достижения мира, свободного от терроризма», как основного документа по формированию Глобальной Анти-террористической коалиции. Казахстан принимает участие в санкционных комитетах, работа которых направлена на консолидацию усилий стран-членов ООН в сфере противодействия международным религиозным террористическим организациям, в том числе «Талибан», «Аль-Каида» и «ИГИЛ».

При этом проблема радикализации граждан Республики Казахстан, несущей впоследствии потенциальную возможность совершения ими насильственных экстремистских и террористических актов, является актуальной угрозой для

обеспечения национальной безопасности. Изучение зарубежного опыта участия государства, гражданского общества и средств массовой информации в противодействии религиозному радикализму позволит выявить лучшие практики, которые можно адаптировать к условиям казахстанского общества для успешного решения рассматриваемой проблемы.

В развитых странах проблемам профилактики религиозного радикализма на государственном уровне уделяется большое внимание. Об этом свидетельствует формирование специальных функциональных структур в системе государственных и правоохранительных органов. Так, в США создан Национальный центр по предупреждению преступлений, совершаемых экстремистскими группировками по мотивам расово-этнической вражды. В его полномочия входят оценка динамики и причин совершения таких преступлений, а также подготовка специальных рекомендаций для работы государственных и правоохранительных органов по их выявлению, раскрытию и профилактике.

В национальных правовых системах многих государств особое внимание уделяется ужесточению ответственности за совершение экстремистских преступлений, которые в США и странах Западной Европы делятся на так называемые «речи ненависти» (hate speech) и «преступления ненависти» (hatred crime). Следует отметить, что правовые акты, аналогичные закону Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» в системе права таких государств отсутствуют. Основным тезисом становится то, что положения таких актов могут противоречить и навредить реализации фундаментальных прав граждан, например, на свободу слова. Вместе с тем, несмотря на наличие в конституциях

большинства современных государств запрета на любую дискриминацию, в том числе по признакам религиозной принадлежности, в других нормах национального права этих государств предусматривается запрет на деятельность организаций и физических лиц по пропаганде религиозной вражды или дискриминации, оскорбление религиозных чувств верующих, разрушение чувства национального единства, поддержку и пропаганду деятельности экстремистов, сепаратистов и террористов [13].

События геополитического характера в конце XX и начале XXI вв. повлекли активизацию миграционных процессов из стран Азии и Ближнего Востока с традиционно сильным влиянием религии на жизнь человека. Следующее поколение «мигрантов», рожденных уже в развитых странах Европы и Америки, стало подвержено острому ценностному конфликту между ценностями западного мира и консервативными взглядами их традиционной религии, в духе которой они воспитываются. Выбор последних приводит к дезадаптации и неоправданным ожиданиям в достижении определенного социального статуса, что нередко является причиной участия молодежи в экстремистских религиозных группах. В этой связи на различных уровнях в развитых странах ведется работа по профилактике распространения идей религиозного радикализма в молодежной среде.

Государство в рамках молодежной политики инициирует различные программы по работе с молодежью, направленные на профилактику экстремизма. Так, в Великобритании реализуется проект «Muslim Youth Development Partnership», позволяющий привлечь молодых мусульман к волонтерской деятельности, участию в муниципальных школах лидерства [14]. Руководство Великобритании уде-

ляет большое внимание развитию толерантного отношения к представителям разных религий в образовательной среде, регулярно организуя для педагогов тематические курсы повышения квалификации, снабжая образовательные учреждения подробными инструкциями о поведении в случаях выявления фактов насилия и экстремизма на религиозной почве.

Следует отметить и потенциал программы «Выход», реализуемой уже более 10 лет в Германии и Швеции и направленной на поддержку выхода людей из экстремистской среды. В экстремистских группах часто практикуется тактика насилия и угроз по отношению к людям, вышедшим из их состава и воспринимаемых как «предатели» другими членами таких сообществ. Несмотря на то, что целевая группа программы – это сторонники праворадикального, а не религиозного экстремизма, ее потенциал в борьбе с последним очень высок: в период реализации программы только в Германии более 300 человек приняли в ней участие. Им оказывалась помощь в трудоустройстве, переезде, в исключительных случаях – изменении личных данных по аналогии с программами защиты свидетелей [15]. Данная программа получила развитие в программе «НАТИФ», направленная на оказание помощи людям, желающим покинуть религиозные радикальные сообщества. Спектр такой поддержки включает в себя не только материальную и иную помощь при получении угроз от радикальных групп, желающих выйти из них, но и помощь в организации контактов с государственными и муниципальными органами, учреждениями образования по реализации образовательных программ профилактического или разъяснительного характера антиэкстремистского содержания [16].

Среди институтов гражданского общества по противодействию религиозному радикализму в США следует отметить центры толерантности, действующие на уровне штатов и часто финансируемые за счет некоммерческих организаций и фондов. Их подразделения функционируют во многих мечетях, реализуя образовательные программы по пропаганде религиозной терпимости, работу волонтерского движения, организуя совместные мероприятия с представителями других религий и конфессий.

Большое влияние государственными органами и институтами гражданского общества уделяется информационной политике и сотрудничеству СМИ для профилактики религиозного радикализма.

В европейских странах, для которых вследствие миграционных проблем актуальна профилактика мусульманских радикальных настроений, сегодня активно налажена система взаимодействия с лидерами мнений исламского сообщества, в первую очередь – религиозными лидерами и имамами. По факту террористических или экстремистских актов имамы выпускают фетвы осуждающего характера. Подобные инициативы доказали свою эффективность в Италии, Франции, Германии, Нидерландах, Великобритании и Испании. Такие усилия поддерживаются укреплением отношений между мечетями и религиозными центрами, с одной стороны, и местными правоохранительными органами и органами муниципального управления, с другой.

Национальные правительства ряда европейских государств реализуют образовательные программы для имамов, обеспечивающие гарантии их лояльности государственной власти и понимание государственной политики в сфере религии и противодействия экстремизму. В итальянском

правительстве неоднократно обсуждалась перспектива «государственной аккредитации» имамов для работы в стране [17].

В некоторых федеральных землях Германии запущена и эффективно функционирует программа «Энди», представляющая собой серию комиксов для школьников и студентов 12-18 лет. В яркой визуальной форме, доступной к скачиванию через мобильное приложение или на компьютер, детям объясняются негативные последствия участия в экстремистских движениях, в том числе в движении религиозного радикализма [18]. Силовым структурам Германии, в силу исторических факторов постоянно борющейся с проявлениями неонацизма, вообще свойственна открытость в реализации коммуникационной стратегии и ее позиционировании. Средства массовой информации в стране постоянно транслируют материалы, направленные на разъяснение различий между понятиями ислама и радикального ислама для широкой аудитории. Акцент делается на предписании ислама доброжелательно относиться к людям, открыто не выступающим против него, а также на тот факт, что жертвами экстремистских акций часто становятся другие мусульмане.

Коммуникационную стратегию СМИ Германии по освещению проблем религиозного экстремизма следует признать в целом эффективной. Радикальные организации в медийном поле «разделены» по религиозному принципу и вряд ли цели таких организаций имеют что-то общее с целями определенного религиозного сообщества. Это препятствует вовлечению в общественный диалог последователей конкретной религии, представителей восточной и западной культуры, и вытеснению дискуссии в русло религиозных

споров [19]. В данном контексте коммуникационная стратегия стран объединенной Европы в борьбе с религиозным радикализмом требует определенной корректировки.

Во многих странах пропаганда религиозного экстремизма и терроризма является преступлением, а национальное законодательство, в антитеррористических целях, предусматривает определенные ограничения права на свободу выражения мнения, в том числе и при работе СМИ. Так, в Российской Федерации пропаганда террористических идей, распространение информационных материалов, содержащих призыв к осуществлению экстремистской или террористической деятельности, а также оправдывающих или обосновывающих необходимость ее осуществления, признается в уголовном праве одной из форм террористической деятельности. Вместе с тем, использование в уголовном праве некоторых стран таких понятий как «пропаганда» и «оправдание» не совсем корректно из-за обтекаемости их содержания, что потенциально содержит риски злоупотребления при квалификации действий представителей СМИ. Нередко эти термины заменяются дефиницией «подстрекательство к терроризму», рекомендованной многими международными организациями. В национальной правовой системе стран, использующих данное понятие при профилактике деятельности по распространению идей религиозного радикализма, уголовное преследование осуществляется в отношении умышленного публичного провоцирования к совершению террористической или экстремистской деятельности. В практике регулирования государством деятельности СМИ, применение термина «подстрекательство» представляется более обоснованным в контексте ограничения свободы выражения мнения, позво-

ляя при этом сократить риски манипулирования понятием «оправдание» [20].

Анализ практики участия СМИ в противодействии религиозному радикализму позволяет сделать вывод о целесообразности реализации ими следующих мер:

разъяснение и аргументация положений о неприемлемости радикальных идей и экстремистского поведения, нетерпимости по отношению к представителям иных религий или атеистов в контексте самой религии. К такой работе привлекаются авторитетные теологи, специалисты по религиоведению, популярные религиозные деятели;

юридической оценке экстремистских действий, акцентировании внимания на их неправомерности;

организация общественного диалога и систематического обсуждения антигуманности экстремизма и радикализма под религиозными лозунгами.

Коммуникационная стратегия радикальных религиозных организаций направлена на широкую аудиторию, носит транснациональный характер и продолжает основываться на использовании Интернета. Это обусловлено возможностью оперативного размещения больших объемов информации, использования всего арсенала аудиовизуальных средств воздействия на читателя, значительной экономией на издержках пропаганды. При этом проведенное в Великобритании исследование позволило установить, что посетителями интернет-сайтов радикальных религиозных организаций чаще становятся люди, которые предварительно ознакомлены с идейными установками и программными положениями данных организаций [21].

Таким образом, анализ зарубежного опыта противодействия религиозному радикализму свидетельствует о необ-

ходимости объединения усилий государства, гражданского общества и средств массовой информации для достижения этой цели. Профилактика религиозного экстремизма в развитых странах строится на интеграции механизмов нормативно-правового регулирования, социального партнерства с институтами гражданского общества и контроля над информационным пространством с обеспечением соответствующего межведомственного и межинституционального взаимодействия. Как показало проведенное исследование, особое значение имеет научно-исследовательская работа в сфере изучения проблем противодействия религиозному радикализму, способствующая накоплению и оценке эмпирического опыта и выявлению наиболее эффективных практик.

Список использованных источников:

1. Козлов М. В. Религиозный фактор в политическом радикализме на Ближнем Востоке, автореферат дисс. к.п.н. - М., 2013. - 27 с.
2. <https://petrsu.ru>, Статистика терактов в мире, материалы на основе информации ИА РИА «Новости».
3. <https://www.state.gov>, US Department State, Country Reports on Terrorism 2017.
4. <https://www.kommersant.ru>, Число терактов в 2018 году в мире сократилось на треть 25.03.2019 г.
5. Е. И. Филиппова и Ж. Радвани. «Религии и радикализм в постсекулярном мире», 2017г. - 330 с.
6. Егоров В. Н. «Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии»: автореферат дисс. к.п.н. - СПб., 2015. - 26 с.

7. Наумкин В.В. «Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов» - М.: КомКнига, 2005. - 64 с.
8. Нечитайло Д.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дисс. д.п.н. - М., 2017. - 633 с.
9. Козлов М.В. Религиозный фактор в политическом радикализме на Ближнем Востоке: автореферат дисс. ...к.п.н. - М., 2013. - 27 с.
10. Сигарев А.В. Правовое регулирование противодействия экстремизму: курс лекций. - Новосибирск, 2015 г. - 120 с.
11. <https://icsr.info/about-us>, официальный сайт Международного центра по изучению радикализации и политического насилия
12. Гегель Л.А., Казакова Е.О., Косых О.И. Государственная молодежная политика: российский и зарубежный опыт преодоления экстремизма // Вестник высшей школы. - 2016. - №5. - С. 59-64.
13. Bockstette C. Jihadist Terrorist Use of Strategic Communication Management Techniques // The Marshall Center Occasional Paper Series. - 2008. - № 20. - P. 14-22.
14. Хайнц Р., Бюринг О. Молодежь в центре внимания // Per Concordiam. Борьба с Насильственным Экстремизмом. 2013. - Т.4. - № 1. - С. 29 – 33.
15. <https://mgimo.ru>, Большова Н.Н. Молодежная политика в ЕС: роль образования в противодействии проявлениям экстремизма (пример Германии)
16. www.verfassungsschutz.de, Heraus aus Terrorismus und Islamistischem Fanatismus - NATIF! Beratung und Hilfe
17. Базаркина Д.Ю. Квазирелигиозный терроризм и борьба с ним в Европейском союзе в 2001–2013 гг.: комму-

- никационный аспект // Государственное управление. - 2015. - №51. - С. 261-278. с. 264-265]
18. Базаркина Д.Ю. Коммуникационное противодействие терроризму в странах ЕС: работа с молодежной аудиторией// Молодежь и медиа. Экология медиапространства: Сб. материалов II Международной научно-практической конференции «Молодежь и медиа. Экология медиапространства» (27–29.11.2012 г., г. Москва). - М.: РИЦ МГГУ им. М.А.Шолохова, 2012. - 496 с. - С. 106-117, с. 108-109
19. Базаркина Д.Ю. Коммуникационное противодействие терроризму в странах ЕС: работа с молодежной аудиторией// Молодежь и медиа. Экология медиапространства: Сб. материалов II Международной научно-практической конференции «Молодежь и медиа. Экология медиапространства» (27–29.11.2012 г., г. Москва). - М.: РИЦ МГГУ им. М.А.Шолохова, 2012. - 496 с. - С. 106-117. с. 109
20. Егоров В. Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: автореферат дисс. к.п.н. - СПб., 2015. - 26 с., с. 12
21. Bockstette С. Jihadist Terrorist Use of Strategic Communication Management Techniques // The Marshall Center Occasional Paper Series. - 2008. - № 20. - P. 14-22.

***

ВТОРАЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (В РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

К вопросу об экстремизме в сибирской части России и Северном Казахстане

Александр Ярков

Одним из «вызовов» обществу на рубеже XX и XXI вв. можно назвать наступление экстремизма и его сторонников (явных или пока «скрытых»), как считает часть мусульман и светские учёные, – неправомерно использующих отдельные положения ислама и проповедующих крайнюю нетерпимость не только к иноверцам, но и к единоверцам, придерживающимся умеренности, объединяя их всех в группу кафиров. Среди них оказываются и служители исламского культа (там оказались: бывшие члены и активисты КПСС – как владевшие опытом и приемами пропаганды, разуверившиеся в прежней идеологии; прежние диссиденты; маргиналы, не нашедшие места в новых социально-экономических условиях), стремясь по различным причинам и обстоятельствам выйти за границы приходов. Некоторые откликались на просьбы государственных структур и общественных организаций, участвуя в Круглых столах, в научных конференциях, посвященных крупным событиям в жизни России и Казахстана, в юби-

лейных мероприятиях, например, в 1996 г. в празднествах по случаю 600-летия распространения в приграничных зонах этих стран ислама. Сам по себе светский формат этих празднований в основном имел позитивный характер. Но «успокоительные резолюции» не отражали (и не отражают) опасные тенденции современного положения в умме и умах.

Не так давно начальник Главного управления по противодействию экстремизму МВД России О. Ильиных заявил, что Исламское Государство после поражения в Сирии смещает свои интересы в страны СНГ. По его словам, террористы нацелились на такие страны как Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Армения [1]. Если предположить, что вытесненные из Сирии и Ирака около 5 тыс. «добровольцев» из среднеазиатских государств попытаются вернуться на родину, то рисуемая учёными «Дуга мусульманской нестабильности» становится реальностью. Она опирается ныне в Синьцзянь-Уйгурский автономный район КНР, где, кроме того, остра проблема сепаратизма, затрагивающая этнические организации и отдельные группы за пределами Китая.

Стоит признать, что в истории мегарегиона ислам в течение нескольких столетий занимал особое место. Другой вопрос, как оценивалось обществом его значение в разных периодах.

Ныне же по всему пространству России и Казахстана актуален вопрос о фактическом разделении на мусульман и «этнических мусульман» (т. е. воспитанных в ценностях исламской культуры). И везде актуален вопрос о носителях экстремистской идеологии [2]. Ещё одно обстоятельство связано с тем, что выросло поколение муджахедов,

родители которых были связаны с радикальной оппозицией и вынужденно эмигрировали. Эти люди с детства «заряжены» на борьбу с кафирами. Новые муджахеды готовы войти в «мягкое подбрюшье России», создав на этой территории Вазаристан или иной аналог халифата.

В этой связи требует научного анализа развёрнутый во времени процесс политизации ислама с тем, чтобы определить направление этого развития, опираясь на знания прошлого. Общество должно знать, что лежит в основании конфессиональных особенностей, на что ориентирована та или иная идеология, где искать «противоядие» опасным тенденциям.

На протяжении человеческой истории межкультурные и межцивилизационные контакты исключительно важны, но, несмотря на актуальность, всё ещё ограничен круг исследований, касавшихся обозначенного названия вопроса в теоретической плоскости. Это связано с тенденцией, бытовавшей в постсоветской обществоведческой науке, где доминировала идея об изучении «всеобщих объективных тенденций развития». Не отрицая «всеобщности», заметим – локальный опыт противодействия экстремизму не менее (если не более) важен. Но исследователи фактически не касались «опасной» темы, поскольку она имела «исламский» характер. Характерно, что на ситуацию смотрели с определённых позиций, а специалистов по научному (просвещённому) атеизму вообще редко занимала задача понять специфику регионального религиозного сознания.

Деперсонализирующая логика общественного развития исключала положение о том, что всякая общественная система имеет субъективную сторону, состоящую не только из отдельных индивидов, но и социальных групп, жи-

вущих в конкретных условиях сегодняшнего дня и, увы, вчерашнего, но актуализированного бытия.

Если же рассматривались социальные структуры, то часто доминировало отношение к исламской умме как неспособной к модернизации системе. Это положение, полагаем, ошибочно. Что и следует рассмотреть и применительно к Сибири и северо-казахстанским регионам, как потенциальной зоне обозначенной выше «дуги мусульманской нестабильности». Так, особенности «кочевого ислама» до появления мечетей и молитвенных домов в российском Горном Алтае в 1990-е гг., были полем изучения лишь этнографов. При этом признаем: постепенно накапливаемый там опыт совместного проживания, преодолевая административные и идеологические ограничения, формировал в массовом сознании терпимое отношение к иноверцам.

Ныне российско-казахстанское пограничье стало зоной пристального внимания не только учёных, но и правоохранительных органов – из-за активной деятельности запрещённых организаций «Таблиги Джамаат», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и других [3]. Прежние научные схемы и выводы оказались ошибочными. Некоторые аналитики ищут причины в компенсаторной роли современного ислама – в связи с тяжёлым социально-психологическим состоянием общества в экономически депрессивном регионе. Соответственно, стоит ответить на вопрос и применительно к этой территории: является ли принадлежность к умме единственным маркером идентичности местных казахов? Если же подходить к исламскому социуму в целом как феномену лишь традиционного общества, не является ли это очередным заблуждением?

Очевидно, что в традиционном обществе принад-

лежность к религиозной группе долгое время являлось фактором стабильности, если исходить из того, что вкладывал в его характеристику В. Ростой: «Традиционным мы называем общество, структура которого определяется его ограниченными производственными функциями» [4]. Соответственно, традиционному обществу присуща как ограниченность в вертикальном перемещении индивида, так и в установлении горизонтальных связей с «другими». Но и ориентация на «всеобщее стремление к модернизации» применительно к консервативной по природе религиозной общности приводит к стратегическим заблуждениям. И здесь нужно заметить, что ещё в 1980-е гг. подвергся пересмотру тезис о несовместимости традиции и современности (С. Хантингтон, В. Дэвис, З. Бауман), что и лежит в плоскости нашего внимания. Более того, ценностный подход выводит к «антимарксистскому» выводу: в поступках этноса и индивида немало установок, детерминированных не только природой и экономическими условиями, но и культурой.

Межконфессиональные проблемы всегда существовали в исследуемом регионе, исходя из полиэтноконфессиональности населения, принадлежащего к двум типам хозяйства – кочевничеству и оседлому земледелию. И здесь важно в историческом прошлом найти примеры толерантности и уважения к праву человека исповедовать религию, которая отвечала его представлениям об истине. Да и правовые нормы носили всё же в этом пространстве относительный, временный характер, определяя правовое поле возможного, допустимого, запрещённого.

Разумеется, история ислама в сибирской части России и Северном Казахстане уходит корнями не только в Средне-

вековье (где ислам стал «внутренним» фактором развития социума), но и в иное географическое пространство (местная умма постоянно развивалась в контактах с буддийским и христианским мирами) и, как всякое сложное явление, требует всестороннего и глубокого изучения.

Чем ценен прошлый опыт? Тем, что даёт немало позитивных и негативных примеров выстраивания диалога и полилога* между различными стратами общества, их лидерами и властями (ханств, Российской империи, СССР, независимых государств). Необходимо отметить: совместная жизнь мусульман, христиан и «язычников» в одном пространстве, хотя и на определённом расстоянии, допускала примеры веротерпимости и лояльного отношения к иноверцам.

Особый вопрос – об отношении у салафитам (ас-салафия ас-салихуна). Для части мусульман это братья по вере, хотя и заблудшие. В 2001 г. в «Основных положениях социальной программы российских мусульман», разработанных Советом муфтиев России, дано определение салафитов, которые буквально трактуют Коран и хадисы, почти не пользуются рациональными методами выведения богословских заключений.

Салафиты, примечательно, отрицают традиции авлия (для мусульман Западной Сибири и Северного Казахстана – «святые люди», когда-то принёсшие ислам из Центральной Азии) и астана (их «святые могилы»), не признают законов и не хотят защищать свою родину. Во многом их появление в Северной Азии связано с тем, что в 1990-е гг. выросло число

---

* Полилог – расширенный коммуникативный образ (подход), где принимается во внимание и позиции той части социума, что не присутствует (не участвует) в диалоге.

общин, то катастрофически не хватало людей, имевших богословскую подготовку, а вышедшие «из подполья» муллы либо изучали ислам самостоятельно, либо – в глубоком детстве – из уст стариков или «неофициальных» мулл. Людей, получивших образование в медресе или мектебе – единицы. К тому же возник конфликт с теми из молодых имамов, кто благодаря поддержке иностранных фондов получил образование в странах Ближнего и Среднего Востока.

Отношение к салафитам в России и Казахстане, стоит отметить, неоднозначно в среде уммы. Неконтролируемая миграция привела к появлению в стратегически важных для экономики этих стран районах приезжих из «горячих точек», охваченных конфликтами и вооруженными столкновениями на религиозной почве. Появилось, в результате, значительное число сторонников, в т. ч. среди «русских мусульман». По другую сторону находятся сельские общины. Показательно мнение имама из сибирской деревни Новоатъялово М. Биктимирова: «К нам в деревню приезжали ваххабиты из Узбекистана в 1993–1998 гг. Один из них, Мирза, был очень грамотным, знал толкования Корана. А другие мало знали, одну-две книги. Они преподавали нам, говорили, что можно молиться без омовения. Народ истосковался по вере, а они принесли веру, агитировали, но слишком упрощённо – лишь бы молились, верили в Бога. Говорили, что нет мазхабов и тариката в исламе, нет святых (авлийа) ... наши старики не ходили, сами по домам молились и не поверили этим узбекам» [5].

Иногда в одном населённом пункте (или мечети) возникают параллельные структуры «традиционалистов» и салафитов, чьи лидеры стремятся через аффилированные бизнес-структуры и коррумпированных чиновников изме-

нить расклад сил, расширить число приверженцев и число неофициальных молельных залов.

Усиление радикальных настроений имеет серьезные причины, связанные не только с последствиями экономического кризиса, социальной нестабильностью в России и Казахстане, ростом мигрантофобских настроений, расслоением общества на богатых, бедных и маргиналов (при отсутствии стабилизирующего и мощного среднего класса), но и с серьезными упущениями в воспитании и образовании, где мало обращается внимания на исторический опыт, а он значим и должен быть востребован.

Список использованных источников:

1. Фахрутдинов Р. «Готовили теракты: ФСБ уничтожила боевиков ИГ в Тюмени» // <https://www.gazeta.ru/social/2019/04/12/12299569.shtml>
2. Controlling religious knowledge and education for countering religious extremism: case study of the uyghur muslims in China // Forum for International Research in Education, Vol. 5, Iss. 1, 2019, P. 22-43.
3. Ярков А.П. Особенности исповедания ислама казахами Горного Алтая // Орталық Азияның қазақ диалогтары: тарих – мәдениет – ескерткіштер: материалы Международной научной конференции. Алматы, 2014. С. 385-388.
4. Ростю В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк, 1961. С. 15.
5. Ярков А.П. К проблеме возникновения экстремизма в России // Ислам в Сибири: вызовы времени: сборник докладов Международной научной конференции. Омск, 2016. С. 216-219.

Мусульманские богословы ЦА против идеологии насильственного экстремизма и терроризма: ожидания и незапланированные эффекты

Бахтияр Бабаджанов

Кратко об исторической перспективе. Для адекватной оценки и понимания многообразных явлений в современной «исламской жизни» региона важно ясно представлять ближайшую историческую перспективу, чтобы более адекватно оценить формы и интенсивность процесса активизации ислама постсоветского времени. Ретроспектива даст возможность корректно оценить обстоятельства и последствия вторжения в общину привнесенных религиозно-политических идеологий, породивших конфликты и расколы, которые, в конечном итоге создали благоприятные условия для появления экстремистов и радикалов с религиозной мотивацией.

Ислам как богословская и правовая система в ЦА, формировался в течение многих столетий [1]. Его особенности во многом определены взаимодействием и взаимовлиянием местной общины и традиций кочевников, проживавших в регионе ЦА, или перманентно сюда проникавших. Последующая исламизация кочевых племен (в очень специфическом виде) повлияла на многие аспекты местных форм бытования ислама. Они проявлялись, например, в разного рода практиках, культе «святых», были связаны с сильными компонентами обычаев местных этносов (например, особыми конфигурациями похоронных или свадебных обрядов). Мобильно меняющаяся этническая карта региона побуждала богословов искать аргументы для легитимации

существования уммы в неисламском (секулярном) государстве, изрядной доли конфессиональной этнической и религиозной толерантности и т.д. В советское время именно эта форма бытования ислама оказалась наиболее живучей, проявив способности к социальной и политической адаптации, так как исторически имела достаточно сильные корни среди местных народов, особенно в провинции.

Навязанный в тот период материализм с параллельной культурной инженерией в отношении религиозных социумов, многолетнее доминирование атеизма в разных формах, светское образование и иные культурные проекты советской власти породили целые сословия и классы секулярно ориентированных и светски мыслящих персон. Однако и у них, как оказалось, сохранилась «религиозная память», которая была сведена к «религиозному минимализму» [2], проявлявшемуся, скажем, во время участия в ритуальной практике (похороны, участие в локальных, родственные или иных формах ритуальных собраний и др. формах коммуникаций, происхождение которых было связано с религиозными практиками) [3]. «Религиозный минимализм» [4] стал удачной нишей для сохранения части исламских предписаний, которые свободно сочеталась с национальной, культурной, региональной и даже советской традициями. По крайней мере, «советский вызов» религии мусульмане смогли преодолеть, ответив на него разными формами адаптации.

Создание в 1943 году Духовного управления Средней Азии и Казахстана (сокращенная аббревиатура – САДУМ), означало, что ислам был возвращен в социальное пространство. Улемы наладили религиозное образование в легальной (в медресе Мир-и Араб с 1946, в Исламском Институте с

1956) и нелегальной (т.н. *худжра*) формах. Связь местных мусульман с исламским миром ограничивалась. Изоляция привела к маргинальности локальных богословов, предпочитающих придерживаться собственных традиций*, негативно воспринимая реформы в исламском мире (например, попытки инициировать создание «секулярного ислама» в Египте, Сирии и др. арабских странах в 1960-70-х гг.).

Ограничения, изоляция и как следствие, маргинальность привели к тому, что большая часть консервативных богословов оказалась не готовой (ни качественно, ни количественно) к стремительным темпам возрождения исламских институтов, набравшей обороты со времен горбачевской перестройки. В результате богословы не смогли ответить на вызовы «молодых ревизионистов» из собственной среды, кто стал отрицать местные формы бытования ислама, догматическую и социальную гибкость, критиковали толерантность и политический конформизм «старых богословов». Это противостояние остается актуальным и на сегодняшний день, хотя в ситуации, когда ислам стал частью идеологии значительной части мусульман, «старые богословы» выживают, благодаря поддержке государств.

Новые толкования религии и ее функций ставили под сомнение привычные духовные ценности, разрушали социальные, локальные или родственные иерархии, которые были той самой удачной нишей, сохранившие «мусульманскость» значительной части общины региона в советское время, одновременно и без особых проблем смешиваясь с другими формами идентичностей (национальной, локаль-

---

* Однако советская модернизация общества, другие изменения не могли не повлиять на верующих и их лидеров, хотя большая их часть не восприняла секулярность «по-советски».

ной, семейной и даже советской). Новая волна «реформаторов» пыталась и пытается навязать моно-идентичность (исключительно в качестве мусульманина), предлагая религиозное, идентификационное и политическое возвращение в орбиту исламских стран (идея близкая к политическому толкованию «Халифат»).

Жизнь большинства мусульманской общины конца 80-х и особенно начала 90-х годов прошлого века (в Узбекистане, Таджикистане и на юге Кыргызстана) проходила под знаменем бурных дискуссий и столкновений консерваторов и новоявленных реформаторов. Религиозные аргументы обличались в разные формы морализаторства, дополняясь обвинениями своих визави в безграмотности, корысти, лицемерии, обидами и личной неприязнью. Стороны отстаивали свое понимание «правильного ислама»

Одновременно «Ревизионисты» советского времени (как сторонники модернизации местных форм бытования ислама) оказались в такой же ситуации, что и консерваторы, в смысле доступа к новым идеям реформаторов исламского мира. И только наплыв массы печатной продукции, вместе со студентами из мусульманских стран, обучающимися в ВУЗах Узбекистана, внесли более ясный смысл (как догматический, так и социальный) в их притязания на разрушение гегемонии консерваторов в религиозном и социальном пространствах, навязав им дискуссию о «правильном/чистом» исламе [5].

Эта дискуссия обрела еще более сложные формы, став многоголосной, когда в регионе появились новые партии и группы, так же претендующие на знание «правильного пути» для ислама и мусульман. Большая их часть уже имело реноме в качестве экстремистских, что особенно насто-

раживало местные правительства и побуждала к преследованиям.

«Исламское наследие» в идеологии: проявление толерантности или форма «официального фундаментализма». Итак, ислам в идеологии мусульманского населения стран региона не просто допущенный компонент. Неосмысленное «возрождение исламского наследия», его непродуманное и поспешное вовлечение в идеологическую сферу через официальные научно-популярную продукцию, СМИ и теперь уже через образовательную систему приводит к тому, что правительства принимают прямое участие в идеологическом возрождении ислама. Однако, наблюдая за этим целым океаном печатной и иной продукцией, выпускаемой под грифом «исламского наследия», все больше убеждаюсь в хаотичности этого процесса, в том, что политический истеблишмент не вполне понимает, для чего и что печатается, а главное – для кого. Создается впечатление, что и этот процесс выглядит как плата или реванш за запреты прошлого.

Едва ли можно предложить даже краткий обзор этой продукции в рамках одной статьи. Поэтому ограничусь общими замечаниями, которые, надеюсь, помогут более осмысленно оперировать таким понятием как «исламское наследие», имея в виду, прежде всего, его письменное наследие. Итак, важно понять, что принимая «исламское наследие» как категорию или компонент идеологии (или ее составляющую), следует иметь в виду, что оно очень разнообразно. Это, прежде всего, сложнейший пласт текстов, включая основные источники – Коран и хадисы (сунна).

Для большинства богословов региона, это единый комплекс «религиозного знания», освоение которого (с

многочисленными комментариями и супра-комментариями) было долгим процессом, а применение на практике – прерогативой разных «классов» богословов (комментаторов Корана – муфассиров; знатоков и собирателей хадисов – мухаддисов; юристов – факихов и т.п.). К тому же они обязаны были хорошо владеть арабским и иметь соответствующие «разрешения» (*иджаза*), пройдя школу прежних знатоков, чья духовная преемственность, как считалось, восходила к самому Пророку (с.а.в.), либо его сподвижникам.

Учитывая крайнюю сложность восприятия основополагающих текстов, которые были уделом профессиональных богословов, были выработаны иные (упрощенные) формы идеологического воздействия для простых мусульман. То есть, менее подготовленные муллы или простые верующие довольствовались механическим заучиванием коранических аятов, знанием основ отправления ритуалов, упрощенными письменными (в т.ч. поэтическими или прозаическими) или устными переложениями предписаний. Стихийной или систематической редукцией знаний занимались «знатоки» или ученые богословы (‘алимы).

Иными словами, существовала иерархия знаний и соответствующие иерархические сословия знатоков, которые складывались веками и позволяли сохранять баланс в, скажем, социальной жизни, устойчивость политической системы (особенно в системе отношений государства и граждан), в юридической сфере и т.п. Например, любое важное для общины решение в политической сфере (скажем, тот же «джихад против напавших на мусульман неверных») должны были выносить только носители знаний, кто принимал всю сложность собственно предписаний и текущего

положения мусульманской общины (скажем, ее готовности к противостоянию).

Теперь представим ситуацию, когда предписания «к священной войне», которые мы можем найти в ряде хадисов, например, в сборниках у Имама ал-Бухари или ат-Тирмизи, в виде перевода попали в руки неграмотного или малограмотного мусульманина (что в действительности происходит сплошь и рядом). Это серия хадисов, которые напрямую призывают к джихаду, содержат условия его ведения, раздела добычи во время джихада и т.п. Возникает ряд вопросов и главный из них: Какую пищу для размышлений получит от чтения этих хадисов читающий их в переводе на доступный язык неопытный молодой человек? Ведь в системе исламского образования вместе с текстом хадиса или соответствующих аятов Корана, учащиеся получали знания об условиях их применения, казуальности (*асбаб ан-нузул*) тех или иных предписаний. Такая система долгого и обусловленного обучения, выработанная за многие века, сохраняла элитарность религиозного знания, уберегала общину от непродуманных действий и т.п. То же самое можно сказать и о ряде других сочинений, в том числе и по фикху, которые когда-то были прерогативой знатоков, а теперь стали общедоступными, поскольку переводы их сейчас выходят в огромном числе и массовыми тиражами.

Наши реалии обширных информационных потоков и, как следствие, доступности источников, буквально разрушило внутренние сдерживающие механизмы обретения и права толкования религиозных знаний, в том числе и деликатного свойства. Уже сейчас очевидно, что это нарушение былой традиции передачи и освоения знаний и его элитарности становится прямой причиной фундамен-

тализации религиозного сознания, прежде всего молодых людей, которым посредничество знатоков уже не требуется. К чему спрашивать что-то у знатока, когда под рукой его же перевод или комментарий Корана, либо хадисов? Во всяком случае, после выброса на «бумажный» и особенно в виртуальный рынок переводов массы текстов (особенно Корана и хадисов) религиозный фундаментализм может праздновать победу**.

Кроме того, по нашим наблюдениям, после чтения таких переводов, полученное «самообразование» вполне готовит человека к восприятию уже других текстов, вышедших из-под пера носителей джихадистской идеологии. Он находит уже знакомую подборку аятов или хадисов и вполне верит предложенной нехитрой аргументации***.

Следовательно, массовые переводы и издания религиозной литературы (переводчики которых, чаще всего, руководствуются желанием «поставить свое имя») очень серьезно стимулируют фундаментализацию, вместо желаемой религиозной грамотности, которую почему-то рассматривают как самый эффективный способ противостояния идеологии экстремизма и радикализма.

Однако, основываясь на своем исследовательском опыте, полагаю, что и этот тезис – «религиозные знания

** Однако в этом процессе разрушения роли и способов получения знаний определенную роль играет государство, которое ради электорального рейтинга, либо в силу других причин, способствует не просто доступности сложных для восприятия религиозных текстов, но и вносит часть этой продукции в собственные конструкции идеологии и «просвещения».

*** Я сужу по своему опыту бесед с молодыми людьми, кто оказался под влиянием подпольно изданной продукции религиозных партий и групп.

против идеологии экстремизма» – не оправдал себя. Он не подтверждается на практике, по крайней мере, не является главным стимулятором роста экстремизма и радикализма. Во-первых, религиозная грамотность не всегда (а точнее, довольно редко) стимулирует иммунитет против экстремистских и террористических идеологий, что, как показано выше, видно из описанной религиозно-пропагандистской продукции виртуального пространства или системы вербовок в террористические группы. В этой пропаганде и вербовках сознательно и эффективно участвуют именно персоны с хорошим религиозным образованием, которое (что очень симптоматично и опасно!) получено именно в официально разрешенных религиозных учреждениях. Таким образом, повышение религиозной грамотности, как ожидалось, не приводит к дезавуированию проблемы вовлечения в террористические организации. Напротив интеллектуальный (а потому и самый опасный) костяк пропагандистов джихада в И-пространстве составляют именно религиозно грамотные персоны, основная часть которых училась в официальных религиозных учреждениях ЦА. Здесь мы столкнулись с неожиданным эффектом – стремления государств региона в централизованном повышении религиозной грамотности привело к усилению идеологических позиций «джихадистов», поскольку в их ряды влились религиозно грамотные персоны.

Во-вторых, основная часть верующих мусульман (до 92-95%) региона ЦА были и остаются религиозно безграмотными людьми. Между тем, подавляющая часть их сохраняет иммунитет к вербовщикам и идеологии религиозного экстремизма (особенно в среде трудовых мигрантов). Как мы полагаем, это происходит в силу традиционного

домашнего воспитания в силе местных традиций, устойчивости социальных связей, национального самосознания и т.п. факторов. Следовательно, апеллировать к пресловутой «религиозной грамотности» как основному фактору выработки иммунитета против идеологии религиозно мотивированного экстремизма – по меньшей мере устаревший тезис и не оправдавшая себя стратегия.

Таким образом, переводя ряд основополагающих исламских источников на местные языки, мы должны быть готовы к тому, что основная часть читателей (а это в основном молодые люди) будут воспринимать упомянутые части текстов буквально.

Исламская идеология в секулярном государстве. Дружба или конкуренция? Известный мусульманский психолог, Президент ассоциации исламских психологов Малик Бадри еще в 1970-х годах писал о «повальной секуляризации [мусульманского] общества и доминировании материализма в социальных науках»¹. Теперь можно сказать, что в исламском мире ситуация стремительно меняется на ровно противоположную, особенно, что касается региона Центральной Азии, мусульмане которой, как сказано, были изолированы от происходивших в исламском мире процессов.

Тем не менее, с момента независимости стран региона ЦА, ислам уверенно вернул себе роль социального регулятора [6]. Более того, на фоне крушения советской идеологии, ислам оказался востребованным в идеологическом поле. Политический истеблишмент стран региона, стараясь поспеть за стремительным возрождением ислама и попытаться перехватить инициативу в его регуляции, инициировали (и

продолжают предлагать) активное вовлечение исламского духовного наследия в идеологическую сферу. Между тем, само понятие «исламское наследие» было и остается плохо или вовсе не осмысленной категорией, которую в странах региона (исходя из реальной ситуации) пытаются сочетать с «национальными ценностями», тоже плохо осмысленными, однако воспринимаемыми как категория «гражданственности», либо даже светскости, имея в виду баланс между светским и религиозной духовностью. К чему это приводит, я скажу ниже. Сейчас хотелось бы поделиться своими наблюдениями по поводу главного вопроса, который я хочу обсудить. Речь идет о вовлечении богословов в борьбу против религиозно мотивированных форм экстремизма и агрессии, или по формулировке исламоведов – религиозной аргументации против идеологии нетерпимости и джихадизма.

Итак, после ряда террористических актов на территории ЦА еще в конце 90-х и начале 2000-х гг., общественные деятели, политики и сами богословы всех стран региона в один голос стали заверять, что настоящий ислам – это религия мира и созидания, и что террористы лишь прикрываются исламом и так далее. Эти аргументы хорошо известны и редко вызывали возражения. Как следствие, политики стали активней использовать исламскую риторику, а иногда и аргументацию, скажем, в виде толкования хадисов, что выглядело немного странно (если не сказать, забавно) и над чем можно было бы поиронизировать, если бы не проглядывались нежелательные последствия такого рода электоральной (или рейтинговой) риторики. С другой стороны, обращение к религиозной аргументации политиков едва ли назовешь стратегически продуманными акциями (см. ниже).

Теперь обратимся к другим последствиям упомянутых акций устрашения. Итак, какую реакцию мы видели и до сих пор видим в среде богословов на вовлечение в наспех и немного абстрактно сформулированные акции, призванные противостоять религиозно мотивированному экстремизму и радикализму? Напомню, что ряд богословов (из категорий т.н. «официальных» и «неофициальных»), которых руководство стран сочло более или менее политически лояльными (или политическими конформистами), были в массовом порядке вовлечены в пропагандистскую и идеологическую активность почти на всех уровнях и в разных формах. Об этом хорошо известно. Каковы были основные аргументы, к чему это привело и приводит?

Во-первых, массовая, но непродуманная апелляция официальных лиц к исламской аргументации привело к тому, что хаотичный, а во многих странах региона ЦА (имею в виду бывшие советские республики) вяло текущий процесс постсоветского возрождения ислама был серьезно стимулирован. Для многих мусульман (особенно молодых) религия стала восприниматься как альтернативная, либо даже самостоятельная и самодостаточная идеология. Причем, речь идет не только и не столько о маргинальной части общества.

Таким образом, в некоторых странах ЦА такая форма стимуляции исламизации идеологии и идентичности через прямую государственную поддержку, воспринималась некоторыми экспертами и политическим истеблишментом как форма мягкого контроля религиозной ситуации. Забегая вперед, уверенно заявлю – ни контроля, ни ожидаемого конформизма не получилось. Тем более, не удалось преодолеть хаотичность возрождения ислама.

Во-вторых, основная идея таких шагов (возможно, вполне логичных на то время) – получить какие-то инструменты по регулированию и контролю процесса «ре-исламизации», дабы ограничить его свободным отпращиванием повседневных ритуальных обязательств (в рамках фард/фарз), или, например, формированием норм семейной и общественной этики. Проще говоря, по неписаному джентельменскому договору, за либеральность хотелось получить лояльность, прежде всего от богословов. Причем, оставив ислам преимущественно в сфере религиозной, личной отчасти общественной этики.

И снова, забегая вперед, скажу, что это ожидание исходило из полного незнания богословской и общественно-религиозной природы самого ислама, который является самой социальной из известных монотеистических религий, в котором личное и общественное не разделены. Не следует забывать и о политическом контексте, в котором ислам обязательно оказывается в силу разных причин. Согласитесь, трудно допустить, что в государствах региона политика пройдет мимо мусульман.

Иными словами, перед политическим истеблишментом, определяющим внутреннюю политику, встал вопрос – как поспеть за такой стремительной эволюцией ислама, который естественным образом был вовлечен в сферу общественной жизни, часто в качестве альтернативной и, если угодно, параллельной идеологии. Правда этому процессу тоже пытались придать упорядоченное начало, то есть способствовать возрождению «исламских ценностей» в качестве исторического, или, скажем, культурного наследия, стараясь интерполировать эти не всегда конкретно сформулированные категории (или новые идео-

логемы) в национальные идеологии, частью которой, по задумке, должно было стать смутно сформулированное и совершенно не осмысленная категория «исламское наследие» (см. выше).

Такого рода шаги, то есть допущение ислама в идеологическую сферу, преследовали цель сохранить его известную толерантность, конформистское начало, политическую лояльность к светскому образу правления и тому подобные ожидания. Эти шаги тоже можно понять как попытки остановить хаотичность самого процесса возрождения ислама, в рамках тех же ожиданий ответной толерантности мусульманского истеблишмента, в первую очередь богословов. Не на последнем месте были идеи, вроде отстоять «чистый ислам», который, как предполагается, должен быть действенным оружием против идеологии насильственного экстремизма и радикализма.

Однако оправдались ли эти ожидания или нет – на этот вопрос в каждой из стран региона отвечают по-своему, в зависимости от многих обстоятельств. Как бы не оценивались ожидания в каждой стране, аналитики уже сейчас видят ряд проблем в такой стратегии беспорядочного и непродуманного вовлечения «исламского наследия» в идеологическую сферу, имея в виду, что пост-советское возрождение ислама, будучи вполне естественным процессом, часто выглядит как исторический и культурный реванш богословов за атеистическую политику прошлого, о которой очень любят напоминать в первую очередь наиболее активные улемы.

Однако масштабное вовлечение исламской аргументации в идеологическую сферу повлекло за собой небывалый рост влияния исламской апологетики в образовательной,

культурной сферах, породив феномен интеллектуальной исламизации. Это, видимо, естественный процесс, который не должен вызывать ответной исламофобии. Вопрос в том, в какой форме возрождается эта апологетика, захотят ли ее носители сочетать свою исламскую идентичность с национальной.

Это очень беглый и краткий обзор ситуации, но его достаточно, чтобы сформулировать следующий вопрос: К чему привели и приводят такого рода стратегии в религиозной политике?

Во-первых, на мой взгляд, религиозно воспитанные гуманитарии, получив своеобразный карт-бланш и будучи вовлеченными в процесс возрождения ислама как компонента национальных идеологий, стали еще одной и даже самой активной силой возрождения ислама. На деле именно они стали определять его формы, которые неожиданно для политиков, стали обретать формы конфессиональной нетерпимости. Одновременно многие правительства на деле потеряли контроль над этими процессами, как, например это происходит в Кыргызской республике.

Во-вторых, сами мусульманские богословы региона (особенно нового поколения) разные по образованию, а, следовательно, идеологическим кодам, внешним влияниям и т.п. Это стало следствием того, что многие из них учились или стажировались в зарубежных религиозных учреждениях, разных в богословско-правовом плане, в подходах и оценках современных политических процессов, норм этики мусульман и так далее. По моим многолетним наблюдениям, именно такая категория богословов и их ученики вносят серьезную агрессивность в риторику внутриконфессиональных дискуссий, особенно что касается оценок – что

такое «настоящий ислам», или «истинный мусульманин», либо стараются по-своему сформировать такое понятие как «права мусульман» и так далее. Эта категория особенно воинственна, а их «открытые письма» или видеоролики, которые активно помещаются в интернет-пространстве, вызывают иногда чувства оторопи, смешанной с тревогой.

Повторяю, я не против свободы слова или свободы религиозного самовыражения, однако, подчас не вижу большой разницы в риторике этой категории богословов, особенно в их аргументации, с доступными мне «Хукмами» (Решениями) или воззваниями, которые выходят из-под пера знаменитых идеологов джихадистов, либо тех богословов, за кем закрепился имидж воинствующих экстремистов.

Главное, что эту риторику подхватывают некоторые имамы (иногда исламизированные общественные деятели), цель которых очевидна – снискать общественную популярность и затем капитализировать ее (надеюсь мне нет нужды повторять известные аксиомы, что религия в наше время становится одним из видов доходного бизнеса, а в случае имамов, их доход напрямую зависит от общественного престижа служителей культа. В их случае, добиться престижа можно через общественную полемику, обращаясь к самым «горячим темам» – о современном месте ислама в социуме и в политической жизни).

Все эти явления стали следствием того, что использование религиозной аргументации в противостоянии идеологии экстремизма и терроризма стимулирует упомянутые процессы, которые таят в себе другие угрозы, о которых сложившиеся правила политкорректности как бы не позволяют говорить публично. Имею в виду, прежде всего, неконтролируемые и подчас довольно агрессивные формы

возрождения исламской идеологии. Этого мы не ожидали, но это стало частью сегодняшних реалий.

В конечном итоге именно желание обыграть террористическую идеологию, мотивированную джихадизмом, привело к тому, что ислам (или, согласно неологизму последних 10-15 лет, «мирный ислам») стал стимулировать на всех уровнях. Однако сформировать ясно сами понятия, вроде «мирного ислама», «правильного ислама» или похожих терминов, наполнить их конкретным содержанием пока не получается. Можно сказать, что и здесь ожидания не оправдались.

Причем, увлечение исламской риторикой в борьбе с идеологией насильственного экстремизма, отодвигает на второй план, более действенные, на мой взгляд, аргументы. Например, при очевидной доминанте религиозных аргументов, мы почти не говорим, что терроризм есть тягчайшее нарушение Закона. Мало кто говорит о юридической культуре самих мусульман. Еще меньше говорится о высокой исламской культуре (в самом широком понимании этого определения), о которой крайне смутное представление имеют сами современные богословы региона. Это культурное наследие (архитектура, поэзия, народные сказания и т.п.) – суть продукт высокой толерантности и цивилизации, что само по себе есть самый лучший аргумент против идеологии насильственного экстремизма. Увы, такие аргументы большая редкость в контрпропаганде.

Кроме того, увлечение исламской риторикой приводит к укреплению ислама и как параллельной идеологии. Само по себе это тоже часть естественного процесса. Однако речь идет о формах этой идеологии, которая не довольствуется статусом «компонента идеологии», а выступает как аль-

тернатива национальной культуре и идеологии, особенно учитывая движение за «общемусульманскую унификацию», что стало реальностью современного мира.

Таким образом, пришло время переосмысления пригодности упомянутых выше регуляторов (и не только религиозных), на которые мы полагаемся как на эффективное средство борьбы против религиозно мотивированной идеологии терроризма и экстремизма. Достаточно ли мы знаем ислам, или хорошо ли понимаем мотивации самих богословов, чтобы быть так уверенными в этом, условно говоря, «исламском инструменте»? Все ли богословы захотят быть, опять же условно говоря, «послушным классом клерикалов», либо сама богословская и социальная суть ислама будет побуждать их играть самостоятельную роль, в том числе и в политическом поле? А оснований в исламских доктринах для этого можно найти сколько угодно, учитывая насколько сложными и противоречивыми текстами являются основные источники ислама – Коран и сунна (т.е. хадисы). Таких вопросов современная политическая и религиозная ситуации в нашем регионе порождает все больше и больше. Отвечать на них нам придется здесь и сейчас, чтобы не получилось как в притче, спасаясь от огня водой, не утонуть бы в этой самой воде.

Список использованных источников:

1. Наиболее полное обоснование теория о взаимодействии общеисламских принципов и их региональных форм получила в работах российского исламоведа С.М. Прозорова. (Ислам как идеологическая система. С. 78-88, 375-380).

2. Термин введен американским исследователем Брюсом Привратским. См.: – Privratski Bruce G. *Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory*. Richmond, Surrey: Curzon Press. 2001. Н. 12, 14 and oth.
3. По замечанию проф. Девина ДеВиза, с религией в советское время не было покончено, даже в среде вполне секулярных сословий советской действительности: Devin DeWeese. *It Was a Dark and Stagnant Night ('til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia // Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2016. Vol. 59. No. 1-2. Pp. 37-92.
4. Babadjanov B. *The Economic and Religion History of a Kolkhoz Village: Khojawot from Soviet Modernization to the Aftermath of the Islamic Revival // In: St. Douduanion & Kr. Noac "Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinization, Privatization and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950-2000s)"*. Berlin: Klaus W.S., 2014. P. 204-5.
5. *Disputes of Muslim Authority in Central Asia (20th Century): Critical Editions and Source Studies / Ed. of the text, transl. and comments by B. Babadjanov, A. Muminov, Anke von Kügelgen*. – Almaty: Daik-Press, 2007, С. 14-17.
6. Badri M. *The Dilemma of Muslim Psychologists*. Kuala Lumpur, Islamic Book Trust. 2016, p. 4 (introduction to the First ed.). Русский перевод: Бадри М. *Теория и практика исламской психологии / под ред. О.С. Павловой, В.С. Полосина*. М.: АНО НПЦ «Аль Васатыя – умеренность», 2018, с. 9.

***

Проявления экстремизма в странах Центральной Азии: основные тренды и тенденции

Ирина Черных

Традиционно под экстремизмом понимают приверженность крайним взглядам и методам действий (обычно в политике), это – «идеология допустимости использования крайних мер, экстремумов социального поведения, для получения желаемого эффекта».

Исследование экстремизма затруднено рядом факторов, основным из которых является оценочный компонент: восприятие экстремизма в значительной степени определяется ценностями, политическими убеждениями, нравственными ограничениями исследователя, что приводит к ситуации, когда одни экстремистские действия некоторыми исследователями рассматриваются как приемлемые и даже необходимые (например, «борьба за свободу»), а другие экстремистские действия – как несправедливые и аморальные.

Преодоление исследовательских сложностей лежит в фокусировке на экстремистской активности, связанной с применением насилия, то есть активности, которая в современных исследованиях экстремизма принято обозначать как «террористическую» (в расширенном толковании терроризма, когда политическая мотивация террористических акций рассматривается как необязательная).

В этой связи, проявления экстремизма в странах Центральной Азии будут интерпретироваться через призму насилия, то есть как акции террористические (в широком смысле понимания этого термина).

В Центральной Азии, на региональном уровне, отсутствует единое понимание и определение экстремизма. Поэтому для анализа проявлений экстремизма в странах Центральной Азии необходимо зафиксировать национальный уровень определения этого явления.

В центральноазиатском нормативно-правовом поле как некоторой целостности экстремизм определяется на основе документов Шанхайской организации сотрудничества, в которую входят все государства региона, за исключением Туркменистана. В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанной в Шанхае 15 июня 2001 года, экстремизм определяется как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них». Таким образом в данном документе акцентируется именно насильственная составляющая экстремизма.

В подписанной 9 июня 2017 года в Астане Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму наряду с насильственной составляющей фиксируется то, что экстремизм выходит за рамки, установленные законом (конституциями стран-участниц ШОС). Экстремизм здесь определяется как «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий». Соответственно, понятие «экстремист-

ский акт» включает в себя как определение, введенное в 2001 году, так и следующие пункты:

- организация вооруженного мятежа и участие в нем в экстремистских целях;
- создание, руководство и участие в экстремистской организации;
- разжигание политической, социальной, расовой, национальной и религиозной вражды или розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его политической, социальной, расовой, национальной и религиозной принадлежности;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний;
- массовое изготовление, хранение и распространение экстремистских материалов в целях пропаганды экстремизма.

Безусловно, толкование 2017 года является «расширенным» и размывает четкость понимания экстремизма, закрепленного в ШОС в 2001 году. Так, остается неясным, что понимается под «разжиганием социальной розни» и ряд некоторых других положений.

На национальном уровне также фиксируется несколько вариантов понимания экстремизма. Страны Центральной Азии могут быть разделены на две группы. Государства, входящие в первую группу – Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан – четко фиксируют угрозу экстремизма в специальных законах и дают расширенное понимание экстремизма, включающее не только насильственные акции и призывы к ним, но и более размытые характеристики, такие, как «возбуждение социальной розни». Вторая груп-

па (Туркменистан и Узбекистан), в целом принимая в той или иной степени установку на восприятие экстремизма как угрозы, не закрепляет ее на законодательном уровне и, соответственно, отказывается от введения каких-либо дефиниций экстремизма. Таким образом, фиксируется фрагментация регионального понимания экстремизма и, соответственно, определения того, какие акции являются экстремистскими, а какие – нет, что затрудняет возможность взаимодействия стран по противостоянию экстремистской активности (прежде всего – насильственной).

Говоря о позиционировании экстремизма в странах Центральной Азии, необходимо отметить, что дискурс экстремизма и терроризма (преимущественно религиозно мотивированного) является ключевым, когда речь касается вопросов безопасности как на национальном уровне, так и на региональном.

Начиная с 1990-х годов политические дискурсы стран Центральной Азии как свой обязательный компонент включают отсылку к вопросам безопасности, которые, начиная с террористических атак 1999 года в Ташкенте, а затем – активизации боевиков Исламского движения Узбекистана в приграничных областях Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в 2000 и 2001 годах, начинают прочитываться через призму угрозы терроризма.

Показательной для понимания роли дискурса безопасности в странах Центральной Азии может быть Международная конференция по вопросам безопасности и устойчивого развития в Центральной Азии «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания», прошедшая 10-11 ноября 2017 года в Самарканде. На конфе-

ренции приняли участие президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, главы и представители МИД всех пяти стран Центральной Азии, Афганистана, Ирана, Индии, Пакистана и Турции, а также руководители и представители ряда заинтересованных международных организаций (ООН, ОБСЕ, ШОС, ЕС и других). Среди главных тем конференции были обозначены:

- проблемы безопасности в Центральной Азии;
- сотрудничество в водно-экологической сфере;
- содействие по предотвращению вызовов и угроз в Центральной Азии;
- также перспективы дальнейшего взаимодействия.

Таким образом, тематически как минимум половина вопросов, поднимаемых на конференции, имела прямую отсылку к вопросам безопасности, противодействию терроризма и экстремизма (особенно это читалось в выступлениях экспертов, как отечественных, так и зарубежных).

Доминирующий тренд в позиционировании вопросов экстремизма и терроризма в странах Центральной Азии – секьюритизация данной проблемы. Хотя есть и эксперты, десекуритизирующие феномен экстремизма в регионе, это - крайне незначительное количество специалистов.

О секьюритизации вопросов экстремизма и терроризма в Центральной Азии пишут и авторы доклада «Центральная Азия: пространство “Шелковой демократии”. Ислам и государство», подготовленный группой исследователей в рамках Almaty-Club – структуры, действующей при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта. Одним из основных трендов, который выявлен в докладе, является секьюритизация ислама. По мнению авторов доклада, религиозно-мотивированные протесты являются одной из

фобий властей в странах Центральной Азии, но такие протесты могут произойти, только если нет иных форм воздействия населения на власти.

Относительно экстремизма в странах Центральной Азии в настоящее время присутствуют две доминирующие позиции. Согласно одной, принятой большинством исследователей и закреплённой в официальных дискурсах, экстремизм – угроза безопасности стран региона, при этом основным его источником рассматриваются внешние факторы. В соответствии с другой позицией, экстремизм – скорее совокупность рисков, с которыми сталкиваются страны Центральной Азии, причина которых – сложившиеся социальные и экономические реалии, приводящие к слишком большой дифференциации между бедными и богатыми группами населения. При этом масштабы экстремистской активности серьезно преувеличены.

Оценка относительной значимости террористической активности в странах Центральной Азии может быть определена на основании тех или иных глобальных индексов, например, Глобального индекса терроризма (Global Terrorism Index). Это – комплексное исследование, осуществляемое международной группой экспертов под эгидой Института экономики и мира (The Institute for Economics and Peace) Сиднейского университета, измеряющего уровень террористической активности в 162 странах мира. Индекс рассчитывается на основании четырех показателей:

- количество террористических инцидентов за год,
- количество погибших,
- количество пострадавших,
- уровень материального ущерба.

Расчетная часть индекса выполняется на основе информации из Глобальной базы данных терроризма.

Ситуация в странах Центральной Азии, с учетом количества инцидентов, которые могут интерпретироваться как террористические, а также количества погибших и пострадавших, материального ущерба, не может рассматриваться как критическая и оценивается как находящейся под нижним средним влиянием терроризма. Основными объектами террористических инцидентов в странах Центральной Азии являются правительственные объекты и государственные служащие (в том числе – полицейские). В 2018 году, в соответствии с данными Глобального индекса терроризма, Казахстан и Таджикистан были отнесены к странам с низким уровнем влияния терроризма, Кыргызстан и Узбекистан – к странам с очень низким уровнем влияния терроризма, а Туркменистан – к странам, где влияние терроризма практически не фиксируется.

***

Некоторые аспекты совершенствования политики профилактики насильственного экстремизма в Казахстане

Серик Бейсембаев

В Казахстане профилактика насильственного экстремизма включает в себя обширный комплекс мероприятий. Это - диагностика и анализ ситуации, проведение информационно-разъяснительных мер, индивидуальные работы с группами риска, а также методические разработки и консультации государственных органов со стороны профильных ведомств.

Одним из важных результатов в данном направлении является расширение участия неправительственных организаций в профилактике насильственного экстремизма. Это происходит, прежде всего, за счет финансовой и организационной поддержки со стороны республиканских и местных органов исполнительной власти.

Государственная поддержка оказывается через систему государственных социальных заказов или специальных грантов. По информации из открытых источников, казахстанские НПО получают финансирование на повышения религиозной грамотности граждан и оказания консультативной, психологической и информационной помощи лицам, оказавшимся жертвами деструктивных течений. Например, в рамках партнерства НПО и госорганов в стране функционируют ряд интернет-ресурсов, ориентированных на теологическое и религиозное просвещение граждан. В 2016 году на обеспечение деятельности специального исламского интернет-портала "E-Islam" государство выделило грант на сумму 47,8 млн. тенге [1].

Для организации работы «Горячей линии» по оказанию консультативной и практической помощи в сфере религиозных отношений также выделено 17,5 млн. тенге. Эта линия работает уже несколько лет, и, по оценкам, представителей НПО, пользуется популярностью у казахстанцев. Так, в период с 2014 по 2015 года в телефонную службу поступило около 1000 обращений [1].

Также отдельные НПО работают в рамках международной грантовой поддержки. Основными донорами здесь выступают Посольство США, а также международные организации, как, например, Penal Reform International.

В регионах роль неправительственных организаций в предупреждении насильственного экстремизма менее выражена, чем в крупных городах. Сказываются факторы, связанные со слабой кадровой и ресурсной обеспеченностью НПО в регионах.

В целом, вовлечение НПО в реализацию политики протекции насильственному экстремизму является положительным трендом, хотя, существует много вопросов по поводу результативности проводимой ими работы. В частности, неправительственные организации, занимающиеся профилактикой экстремизма остаются недостаточно прозрачными, что затрудняет общественную экспертизу результатов их деятельности.

Следующее важное направление – профилактика тюремной радикализации и работа с осужденными. По данным Комитета по правовой статистике и специальному учету Генеральной прокуратуры, на сегодняшний день в казахстанских тюрьмах более 800 человек отбывают наказание по статьям экстремизма и терроризма [2].

Как следует из официальных источников, реабилитация радикализировавшихся лиц осуществляется через

индивидуальную работу и теологическое переубеждение. Для этого госорганы обращаются к помощи представителей официального духовенства, а также специализированных неправительственных организаций. На сайте Министерства по делам религий и гражданского общества РК сообщается, что идет активное сотрудничество с Реабилитационными центрами и региональной сетью из 23 организаций [3].

Насколько общественные организации в Казахстане успешны в плане реабилитации радикализовавшихся граждан трудно судить, так как отсутствует альтернативная и независимая оценка их деятельности. На фоне других стран центральноазиатского региона, подходы, используемые в Казахстане, выглядят более действенными [4]. Хотя, как считают некоторые эксперты, систему реабилитации осужденных за экстремизм и терроризм в Казахстане нужно пересмотреть. Необходимо кроме теологического переубеждения подключать к работе психологов со специальной квалификацией [5].

В целом, благодаря проводимым мерам, угроза религиозно мотивированного насилия за последние годы заметно снизилась, а профилактическая работа стала более системной. Однако, вместе с тем, в связи с чрезмерной централизацией политики, а также участия значительного числа институтов в этой работе, произошла бюрократизация процесса управления. Эффективность работы профильных ведомств сведена к статистическим отчетам о численности последователей салафизма и количеству проведенных мероприятий. Также критике подвергаются эффективность информационно-разъяснительных мер, которые при всей своей массовости проводятся формально, для отчетности.

Можно выделить следующие проблемы в системе проведения профилактической работы со стороны государственных органов:

Во-первых, отсутствует преемственность в реализации государственной политики в сфере религиозных отношений. Как в концептуальном, так и организационном плане данная политика часто подвергается изменениям, особенно, в результате кадровых изменений на уровне центрального органа.

Это приводит к отсутствию системного подхода в решении проблем экстремизма и рефлексии только на проблему «нетрадиционных» течений ислама. Например, на уровне госорганов политика профилактики радикализации подменяется борьбой с распространением идей салафизма.

Во-вторых, нет научно обоснованной методологии по работе с группами риска. Чаще всего, на местах имеют дело с общей установкой из центра по снижению количества членов т.н. «деструктивных течений», однако инструкций как это делать не существует. В этой связи на местах специалисты самостоятельно разрабатывают методы профилактической работы. Это приводит к разночтениям в работе отдельных регионов, а также затрудняет сравнение результатов между отдельными областями.

Наиболее проблемным аспектом является тюремная радикализация. Контингент осужденных по статьям экстремизма и терроризма накапливают недовольство как по поводу собственного положения, так и действий правоохранительных органов. Работа психологов и теологов в исправительных учреждениях не дает желаемого эффекта, так как нет внешних условий для успешной адаптации и дерадикализации представителей группы риска [6].

В-третьих, недостаточно эффективно проводится координация деятельности структур, занимающихся профилактикой экстремизма. Главным образом, это касается Антитеррористической комиссии (АТК), действующей в каждой области. АТК, по оценкам экспертов, плохо справляется со своей задачей по согласованию усилий различных ведомств. Кроме того, слабая работа ведется по обработке и анализу поступающих данных.

В-четвертых, ощущается острый дефицит специалистов в сфере профилактики радикализации. Кадровое обеспечение религиозной политики остается системной проблемой на уровне всей страны. Как отмечают представители профильных ведомств, приходится самостоятельно возвращать своих специалистов, рекрутировать из других сфер, но, это очень длительный процесс. Чтобы добиться хороших результатов требуются дополнительные курсы повышения квалификации, а также карьерные и материальные стимулы.

В целом, государственная политика в области профилактики экстремизма требует дальнейшего совершенствования. Можно выделить следующие направления:

Нужны специализированные образовательные программы для повышения сопротивляемости граждан радикальной пропаганды. Прямолинейная информационно-разъяснительная работа не дает желаемого эффекта. Нужны адаптированные программы для разных аудиторий, которые подготовлены профессиональными тренерами, а также учитывает потребности людей в знаниях.

Кроме того, требуются меры по удовлетворению запроса со стороны практикующих верующих на включение в общественную жизнь. Сейчас часть мусульман, придер-

живающихся более фундаментальных взглядов, изолированы и находятся под постоянным натиском со стороны контролирующих структур. Это является одним из сильнейших драйверов радикализации, так как происходит изоляция общины от большинства и растет враждебность между людьми.

Отдельного внимания заслуживает реализация комплекса мер по повышению уровня квалификации специалистов, работающих с группой риска. Из-за большой нагрузки, а также отсутствия достаточных стимулов, привлекаемые специалисты недостаточно эффективны в плане дерадикализации и оказания психологической помощи уязвимым лицам. Нужно давать специалистам больше возможностей для разработки индивидуальных методик. Также рекомендуется отправлять их на различные семинары по совершенствованию профессиональных навыков. В целом, необходимо готовить узкоспециализированные кадры, хорошо разбирающихся в вопросах профилактики экстремизма и насильственной радикализации.

Также рекомендуется улучшать тюремные условия и не допускать притеснения практикующих верующих. В целом, требуется отдельный анализ проблемы тюремной радикализации, так как именно здесь находится потенциальный источник насильственного экстремизма.

Список использованных источников:

1. Официальный сайт АО «Центр поддержки гражданских инициатив. Победители второго конкурса государственных грантов НАО «Центр поддержки гражданских инициатив» // <http://cisc.kz/ru/grants/254/>

2. Казахстанские общественники просят доработать закон о религии. // http://dincentr-krg.kz/katalog/novosti/kazahstanskije_obshestvenniki_prosjat_dorabotat_zakon_o_religii-75/
3. Статистические отчеты Комитета по правовой статистике и специальному учету Генеральной прокуратуры РК. // <https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat>
4. Как Казахстан борется с терроризмом? // https://bnews.kz/ru/analysis/reviews/kak_kazahstan_boretsya_s_terrorizmom
5. Надежда Попова. Поговорим об экстремизме. // <https://www.kp.ru/daily/26483/3353296/>
6. Почему борьба с терроризмом в Казахстане трещит по швам? // http://bnews.kz/ru/analysis/reviews/pochemu_borba_s_terrorizmom_v_kazahstane_treshchit_po_shvam

Институциональные факторы религиозно мотивированного экстремизма

*Елена Бурова
Асель Назарбетова*

Современная ситуация такова, что глобализационные влияния в обществе приводят к существенной трансформации системы ценностей; информационные и политические технологии направляются на формирование и воспроизводство нестабильности в разных регионах мира; религия нередко становится фактором камуфлирования геополитических интересов, а терроризм выступает в формате религиозно-мотивированного.

Терроризм, превратившись в серьезную угрозу для глобальной и региональной безопасности, поставил проблему поиска путей построения адекватной системы мер противодействия (профилактики, предупреждения, подавления, преодоления последствий). В силу многообразия по своей природе, движущим силам, целям и формам, терроризм по-разному проявляет себя в различных регионах мира и поэтому требует не только общих, а также дифференцированных подходов.

Целью противодействия терроризму в Республике Казахстан является защита личности, общества и государства, в связи с чем выработалась и совершенствуется система мер обеспечения безопасности общества и государства от террористических угроз, накоплен определенный опыт в выявлении и пресечении деятельности террористических организаций; проделана значительная работа по созданию и совершенствованию законодательной и организационной

базы для выявления и пресечения предпосылок терроризма и экстремизма. Непременным условием для борьбы с террористическими угрозами в силовом поле является непримиримость, решительность и жесткость ответа на угрозу терроризма.

Исходя из принятых в Казахстане уголовно-правовой доктрины и парадигмы прав и свобод человека и гражданина, запрещению и наказанию посредством уголовного закона подлежат только сами деяния, а идеология и состояние сознания могут быть (в какой-то степени) отражены лишь в качестве мотивов или целей действий («по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды»). Однако именно соответствующие мотивы и цели, понимаемые в широком смысле как система побуждений человека к деятельности, могут «превратить» любое преступное деяние в экстремистское.

Практика показывает, что сама по себе уголовная репрессия не способна оказать существенного влияния на феномен терроризма, обеспечить защиту интересов общества и государства. Реализация предложений по ужесточению уголовного законодательства, как правило, не дает ожидаемых результатов без изменения социальной среды, социальной политики, без мер по улучшению духовного и нравственного здоровья нации, без организации и теоретических исследований, и реализации прикладных практик, направленных на профилактику, реабилитацию и в целом на переход от конфликтологической к согласительной парадигме в преодолении угроз и блокировании экстремизма и терроризма. Имеются пробелы и противоречия, свойственные антиэкстремистскому законодательству. Важна превентивная деятельность, осуществляемая разными

институтами. Поэтому в Казахстане актуальна разработка и реализация комплексной программы, включающей политический, социальный, экономический, правовой, идеологический, образовательный, религиоведческий и другие аспекты противодействия терроризму.

Религиозно мотивированный экстремизм представляет собой сложное явление, реализующееся в четырех формах: как состояние сознания, идеологическая система, совокупность действий по ее реализации, а также как организационные структуры. Основные тенденции религиозно мотивированного экстремизма связаны с а) формированием устойчивых социальных групп, поддерживающих идеологию экстремизма; б) формированием в обществе убеждений о допустимости использования насилия для разрешения любых конфликтов; в) ростом числа «наднациональных» религиозных групп, деятельность которых сопряжена с посягательствами на личность и права человека и гражданина; г) повышением уровня организованности экстремистских групп, включая создание своеобразной системы преемственности и подготовки кадров; д) слиянием экстремистских объединений с организованными преступными группами транснационального, общеуголовного и экономического характера; е) институционализацией и легализацией экстремистских организаций, их лидеров; проникновение таких организаций и их членов в политическую элиту страны; ж) глобализацией экстремизма; з) использованием конституционных прав и свобод в целях пропаганды идей экстремизма; и) использованием традиционных религиозных институтов для распространения радикальных идей.

Экстремизм на псевдорелигиозной основе проявляется как приверженность крайним взглядам и действиям, за-

камуфлированным под деятельность религиозной организации, движения, преследующих политические цели, но его предпосылки имеются в невозможности для определенной части общества осуществить личностные и семейные идентификационные стратегии. Вместе с тем, не только исследование политических рисков для государства, но и начавшийся процесс протестного выражения отношения к власти, указывает на переход экстремистских угроз из латентной стадии развития к форме очевидного проявления. Это, в свою очередь, свидетельствует о сформированных целевых установках на протестное поведение у определенных социальных групп населения, их организационной обученности, подверженности (восприимчивости) деструктивным установкам и влияниям, наличию корпуса теневого «лидеров» и др.

Очевидно, что так называемая «религиозная карта» разыгрывается в пространстве Центральной Азии и в Казахстане, религия и религиозность обретают политически акцентированные статусы. Институт религии в общественном и экспертном мнениях получает амбивалентные (как положительные, так и негативные) оценки. Вопрос о времени достижения «пороговых» критериев и о соответствующих маркерах, которые сопровождают процессы разнообразной мировоззренческой идентификации, включая квазирелигиозную, как никогда актуален. Казахское общество стоит на пороге серьезных рисков утратной мировоззренческой идентичности (причем, не только религиозной), что проявляется не только на микроуровне, но и в обществе в целом.

Влияние религиозного фактора на достижение идентичности в Казахстане посредством мировоззренческой

социализации уже имеет далеко не однозначные последствия потому, что через религиозное мировоззрение осуществляются разнонаправленные воздействия, что приводит не только к утрате традиционного культурного ландшафта, но выступает серьезным социетальным риском нестабильности общества и государства. Религиозность населения и религия (используемая как политический инструмент) стали основными «линиями наступления» на аутентичную, исторически сложившуюся в Казахстане модель этнокультурной, конфессиональной, гражданской и политической идентичности, основанной на факторах стабильности и согласия.

Погружение все большего числа казахстанцев (включая женщин, молодежь) в маргинальные квазирелигиозные практики и соответствующий образ жизни не коррелируют с задачами развития конкурентоспособности, интеллектуализма, прогресса как векторов казахстанского пути. Выделяются две основные группы риска для развития религиозности населения: к первой группе эксперты относят деятельность представителей радикального ислама, ко второй - активную экспансию со стороны многочисленных зарубежных миссионерских движений и псевдорелигиозных организаций. В настоящее время все чаще аналитики солидарны в том, что (квази)религиозный экстремизм исламского и неисламского толка имеют почву и потенциал для расширения в РК, несмотря на тот факт, что идеология радикальной псевдорелигиозности была принесена извне.

Религия воспринимается в широком диапазоне статусов (в понижении значимости): как традиционный историко-культурный атрибут; как пространство этнокультурной

идентификации; как сфера, исключительная для понимания сущности человеческой духовности; как средство личного спасения и ниша общения с Богом; как истина и смысл жизни; как нравственный императив и регулятор образа жизни; как способ укрепления духа; как необходимая к исполнению обрядность; как средство управления массовым сознанием, заблуждение и самообман, устаревшая идеология*.

Религиозная идентичность существенным образом влияет на выбор образа жизни все большего числа казахстанцев, при этом выделяются три основных тренда, связанные с религиозным обращением: исламизация как потенциально мусульманского, так и традиционно немусульманского населения, евангелизация потенциально мусульманского населения и вовлечение разных групп населения (с потенциально предписанными этносоциокультурными, в том числе – традиционными конфессиональными статусами) в неориенталистские культы и практики (духовное исцеление, психотренинг).

Поиск идентичности, включая ее религиозную компоненту, проявляется со всей очевидностью, и на него влияют не столько собственно устремления к духовности, но также и более контекстные мотивации. Такие, как вы-

---

* Здесь и далее по тексту используются данные количественных социологических исследований, проводимых Институтом философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК по репрезентативной национальной выборке с охватом 2000-3500 респондентов методом анкетирования “face to face”, а также экспертных опросов среди религиоведов, политологов, представляющих вузы, аналитические структуры, НПО, а также государственных служащих, работающих в профильных министерствах и в региональных управлениях при акиматах.

бор смысложизненных стратегий, реакции на кризис социокультурной идентичности, переживание ситуации утраты ценностей, прежних статусов (включая экономический), а также внешние воздействия направленного характера. К последним относится интернет-агитация, направленная на формирование определенного типа религиозной идентичности.

В массовом сознании укоренена идеологема о традиционных/нетрадиционных религиях, имеется четкое восприятие, различение, оценивание традиционных и новых религий, дифференцированное понимание их роли и влияния на жизнь общества. Религии, называемые и воспринимаемые как «традиционные», идентифицируются с национальным образом жизни, с культурой и типом цивилизации, принадлежность к которым для представителей этнической группы естественна. Традиционные религии имеют глубокие корни в психологии, менталитете, в бытовании, системе праздников и обрядов, типе и способе мышления этносов, в обычаях. Новые религии больше ориентированы на процессы адаптации к быстроменяющимся социокультурным и политическим условиям. Новые религии и культы вытесняют традиционные религии достаточно агрессивно, применяя современные формы и методы манипулятивного воздействия и используя потребность в реализации актуальных функций, не предоставляемых по тем или иным причинам светскими и традиционными религиозными институтами. Религиозные институты новой формации выполнили в условиях трансформации общественного уклада ряд социализирующих функций, обрели немало сторонников из числа трех поколений казахстанцев, имеют мощную поддержку между-

народных наблюдателей, покровительство казахстанских экспертов и даже претендуют на статус традиционных в отечественной социокультурной среде.

Самоидентификация респондентов с традиционными религиозными конфессиями и новоиспеченными культурами показывает, что последние проводят неоправданно стремительную и агрессивную работу по вербовке сторонников и обращению неопитов, что является объективным критерием для констатации и признания заданности всего этого процесса, придания ему проблематичного и актуального характера. Нередко рейтинг религиозных организаций оказывается более весомым, чем органов государственной власти и общественных организаций, призванных способствовать решению социальных вопросов граждан. Вовлечение в религиозные организации нового толка осуществляется под «флагом» решения социальных проблем, оказания помощи в преодолении трудных жизненных ситуаций, которые объективно имеются в жизни каждого человека. В противостоянии деструктивным организациям, спекулирующим на социальной «заброшенности» граждан могут и должны оппонировать органы местной власти, общественные и политические организации, деятельность которых должна быть направлена на улучшение жизни казахстанцев.

В деятельности ряда религиозных объединений, зарегистрированных и действующих как религиозные, не всегда четко представлены цели присутствия в Казахстане, часто подменяются ее мотивы. Под видом религиозной пропаганды и просвещения осуществляется политическая контрпропаганда; проповедуются идеи социального разделения, религиозной исключительности, нетерпимости

к иноверцам; распространяются установки на протестное поведение по отношению к родным и близким верующих, к рядом живущим согражданам, к органам государственной власти и управления; воспроизводятся условия для экстремизации сознания и поведения адептов по отношению к иноверцам, институтам государства и общества; проводится вовсе не религиозная, а иная деятельность и др.

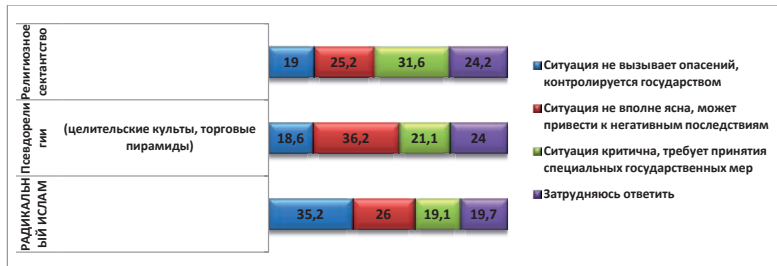
Для многонационального и поликонфессионального Казахстана реальность экстремизма и проявления терроризма (в том числе – религиозно мотивированного) не стали исключением. В общественном мнении оценивается как среднезначимая возможность возникновения в казахстанском обществе агрессивности и противостояния на основе несовпадения религиозных убеждений, в том числе – проявлений религиозного радикализма. (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Возможно ли возникновение в казахстанском обществе агрессивности и противостояния на основе несовпадения религиозных убеждений, в том числе – проявлений религиозного радикализма? (%)

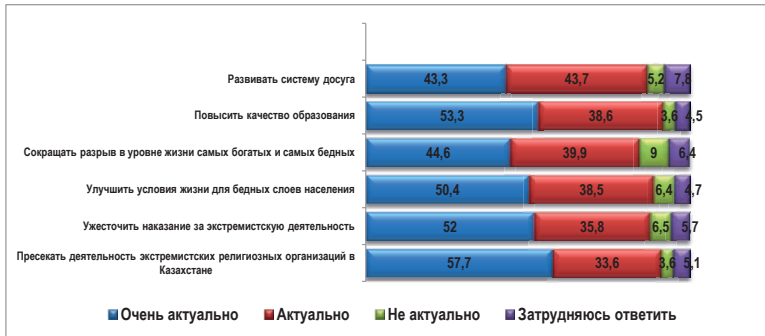
Массовое сознание отчетливо распознает религиозно-камуфлированную деятельность. Как известно, в мировоззренческом пространстве казахстанского общества развернуты различные тенденции, за которыми стоят

институциональные структуры. Понятны для массового восприятия «агенты» экстремизма: религиозное сектантство, псевдорелигии (в том числе – целительские культы, финансовые пирамиды) и радикальный ислам, в отношении которых респонденты оценивали проблемность ситуаций, связанных с их деятельностью. (Рисунок 2). По сравнению с оценкой рисков влияния псевдорелигий, религиозного сектантства, оценка с проблемами распространения радикального ислама предстает в несколько ослабленной версии, когда более трети респондентов (35,2%) считают, что ситуация контролируется государством, четвертая часть (26%) указывают на скрытый характер процесса и возможные негативные проявления, пятая часть (19,1%) оценивает ситуацию как критическую и требующую принятия специальных государственных мер.

Рисунок 2 – Насколько проблемна ситуация в связи с распространением и деятельностью религиозных сектантов, псевдорелигий, радикального ислама? (%)

Казахстанцы обозначили приоритетность мер противодействия распространению экстремизма, необходимых со стороны государства. (Рисунок 3).

Рисунок 3 – Что необходимо делать, чтобы искоренить экстремистские идеи? (оцените по степени важности) (%)

Проникновение нетрадиционных религиозных течений, призывающих к экстремизму и терроризму в странах постсоветского пространства (Узбекистан, Россия, Кыргызстан и др.), в последние годы связано с агрессивным и прозелитистским миссионерством, вторжение которого и для Казахстана может иметь негативные последствия в разрушении толерантного религиозного ландшафта. Опасения эти небезосновательны. В ходе религиозной конверсии казахстанцев по радикальным лекалам «сдвигаются» многие социокультурные маркеры, которые определяют образ жизни, осуществляют связь с традицией, с подходами к воспитанию подрастающих поколений, с политическими ориентациями, с гражданскими позициями.

Все чаще обнаруживается, что активизация процессов религиозной конверсии проявляется в крайних формах негативизма, в том числе – в религиозно-мотивированном экстремизме и терроризме. Для конвертитов, попавших в квазирелигиозные структуры, действуют условия, вызывающие ограничение социальных контактов, контроль

сознания и поведения, запрет на получение информации, не одобренной организацией, требования отказаться от критического мышления и др. Все это в организациях деструктивной направленности приводит к преобразованию конвертитов в психологически и идейно зомбированную публику с нарушенной ценностной структурой восприятия и превращенным гражданским сознанием, подавленной волей к самостоятельному действию.

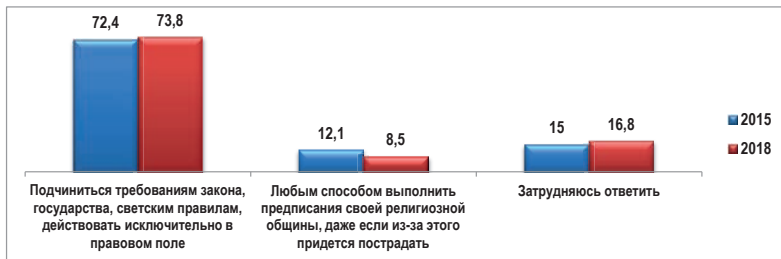
Наложение этих процессов на функционирование в рекомендованном организацией информационном пространстве коммуникативных сетей с альтернативной идеологией (претендующей на религиозно-политическую), с проявлением в квазирелигиозных структурах строгой организационной дисциплины, с направленным и методически организованным воздействием на сознание, с постановкой под контроль сферы мышления и т.д. из adeptов формируются так называемые «воины духа».

В Казахстане пока не проявлены в полной мере, но фактически реализованы системы альтернативного идеологического влияния. Их деятельность фиксируется количеством явно обнаруживаемого протестного населения, которое ставит цели пребывания в квазирелигиозной организации выше гражданских обязанностей и нравственных императивов. Особую актуальность получает процесс развития общенационального менталитета, основанный на принципах воспроизводства человеческого духа (общегражданского сознания, воли, смысла жизнедеятельности), с возвращением к традиционным культурным архетипам духовности, для Казахстана важен подход, связывающий религиозное сознание не только с этнокультурной идентичностью, но также и с артикулированным отношением к

гражданской самоидентификации, которая проявлялась бы «поверх» религиозной.

В контексте мотиваций поведения, сопряженных с выполнением гражданских обязанностей и соизмерением их с установлениями религиозной общины, имеется дилемма, которую верующему индивиду необходимо решать в реальных жизненных ситуациях. Как должен поступить верующий человек, если требования государства, противоречат установлениям его религиозной общины, выявляется объем потенциально протестного поведения части населения, которая в ситуации выбора осуществит его не в светско-правовом, а в так называемом «религиозном» поле решений.

Сравнительный анализ суждений (2015 г. и 2018 г.) показывает, что происходит медленное увеличение представлений о том, что в светском государстве верующие обязаны подчиняться требованиям закона, государства, светским правилам и нормам и действовать исключительно в правовом поле. (Рисунок 4).

Рисунок 4 – Как должен поступить верующий, если требования государства, светских законов противоречат установлениям его религиозной общины? (%)

Изучение профиля респондентов, выбирающих индикатор для поведения верующего, если требования го-

сударства, светских законов противоречат установлениям его религиозной общины в значении «любим способом должен выполнить предписания своей религиозной общины» изучалось с трехлетним интервалом (2015 г. и 2018 г.). (Таблица 1).

Таблица 1 - Профиль респондентов, которые считают, что, если требования государства, светских законов противоречат установлениям его религиозной общины, то верующий любим способом должен выполнить предписания своей религиозной общины

Маркеры	Параметры	2015 г.	2018 г.
Пол	мужчины	14,1	8,5
	женщины	10,7	8,5
Возраст	18-24	14,7	8,1
	25-34		8,9
	35-44	12,5	8,9
	45-54	10,9	8,5
	55-65		7,1
	66+	7,9	8,9
Этнос	казах	12,1	9,7
	русский	13,1	7,3
	другая национальность	8,8	5,8
Образование	Высшее, со степенью (магистр, кандидат или доктор наук)	8,3	35,1
	Высшее (бакалавр, специалист)	11,5	7,6
	Незаконченное высшее	26,3	7,5
	Среднее специальное, профессиональное образование	10,4	9,0
	Общее среднее	14,4	8,6
	Неполное среднее	5,6	4,3

Маркеры	Параметры	2015 г.	2018 г.
Доход	Менее 15 000 тенге	9,0	10,6
	От 15 001 до 37 000 тенге	13,5	9,2
	От 37001 до 75 000 тенге	12,4	14,8
	От 75 001 до 100 000 тенге		11,0
	100 001 до 150 000 тенге		11,2
	От 150 001 тенге и более	7	7,5

Несмотря на достаточно сильные и преобладающие устремления казахстанцев к стабильности, в стране, тем не менее, в силу ряда геополитических факторов складывается ситуация нагнетания конфликтности на квазирелигиозной основе, которая носит сугубо импортируемый характер. Цель такой деятельности – деструктивное воздействие на массовое сознание и поведение, формирование управляемого (эластичного) массового сознания, создание сети конспиративно действующих политических организаций, прикрывающихся религиозной риторикой, которые методично занимаются переориентацией массового сознания на «размытые» ценности глобального/квазирелигиозного порядка – с одной стороны и стремятся изменить существующий государственный строй – с другой. Для предотвращения экстремизма на псевдорелигиозной основе требуется постоянный мониторинг параметров развития напряженности в разных сферах социальной жизни, изучение удовлетворенности актуальных потребностей всех групп населения.

Казахстанское общество толерантно по отношению к представителям самых различных вероисповеданий, религиозное разнообразие в стране создает условия для интенсивного религиозного обращения, а отсутствие ую-

рененной традиции в религиозности – способствует темпам и скорости этого процесса. Из-за постоянного реформирования системы образования и исчезновения практики просвещения не формируется и не воспроизводится структура ценностно ориентированного сознания, благодаря чему индивиды не проходят требуемую гражданскую социализацию. Потенциально сограждане из разных социальных слоев и когорт становятся уязвимыми для достижения их сознания экстремистскими организациями квазирелигиозного толка. Подростки и молодежь в силу возрастных психологических особенностей, социальной уязвимости представляют наиболее благоприятную среду для культивирования экстремистских идеологий: они вступают в религиозные экстремистские организации, не будучи в состоянии справиться с проблемами повседневной жизни. В предупреждении криминального религиозного экстремизма в подростковой и молодежной среде особое место необходимо отводить воспитательным мерам. Школа может и должна стать одним из ключевых субъектов ранней профилактики этого явления, осуществляя принцип «воспитание через образование». Это предполагает возвращение нравственного и духовного воспитания в школьные программы. Необходимы не только разработка учебно-методических материалов, пособий и учебников с воспитательно-образовательным (а не только образовательным) содержанием, но и принятие новых государственных стандартов в области общего среднего образования, которые бы «узаконили» функции антиэкстремистского школьного воспитания.

Введение в школах, колледжах и в вузах Казахстана преподавания дисциплины «Основы противодействия терроризму» было бы весьма своевременным решением.

Сейчас его следует осуществлять «залпово», одновременно создавать учебно-методическую базу и методически обучать квалифицированных педагогов. В условиях нарастания угроз террористического воздействия разных видов и масштабов острой стала необходимость подготовки всех специалистов и руководителей к практической деятельности с учетом возможной реализации угроз террористических воздействий. Воспитание подрастающего поколения в духе признания и уважения многообразия религиозных, национальных, этнических традиций, стремления к реализации своих прав и обязанностей без нарушения прав других людей, будет способствовать разрушению мифов и предрассудков, формированию привычки использования правомерных способов разрешения конфликтов.

Однако подобная деятельность не принесет желаемых результатов при нерешенности следующих проблем: безнадзорности несовершеннолетних, их социальной неустроенности; маргинализации широких слоев населения; отсутствия эффективной системы психологической реабилитации лиц, участвовавших в квазирелигиозной, религиозно-камуфлированной, а по сути – террористической деятельности; отсутствия государственной идеологии, способной объединить казахстанское общество, дать стимулы для формирования новой идентичности вне связи с вероисповеданием или этнической принадлежностью; дефицита профессиональных кадров, способных осуществлять религиозно-педагогическое образование в школе, а также религиозное образование в специализированных учебных учреждениях, религиозной просвещения в организациях реабилитации. Такие условия, как организация досуга несовершеннолетних и молодежи, помощь в трудоустройстве,

социальная поддержка неблагополучных семей - неотъемлемые составляющие деятельности по ранней профилактике криминальных проявлений религиозно мотивированного экстремизма.

Мониторинг процессов религиозности в Казахстане позволяет выявить тенденции а) к либерализации восприятия религии населением (как в личностном, так и в групповом и в общественном измерениях), б) к росту числа респондентов, открыто манифестирующих свое несогласие с векторами государственной политики в сфере религии, в частности, с утверждениями о необходимости придерживаться историко-культурных парадигм и традиций, в) с существенным масштабированием общественного дискурса через расширение регионов, критически оценивающих деятельность традиционных религий и положительно оценивающих деятельность новых религиозных практик, г) к увеличению ожиданий в связи с возможностью проявления радикализма на религиозной почве.

На уровне экспертных оценок и общественного мониторинга, а также в массовом восприятии необходимо четко различать религиозно мотивированную и культуuroобразующую в своей основе и религиозно камуфлированную деятельность, которая направлена на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти, проведение специально организованной подготовительной пропагандистской и обучающей деятельности.

Такую деятельность важно определять как деструктивно направленную и связанную с экстремизацией сознания

и поведения граждан на основе религиозных (псевдорелигиозных) мотивов через их вовлечение, обучение и непосредственное участие в организации, движении (часто политического типа), как деятельность, которая не совместима с правовыми нормами государства. Попытки интерпретировать религию исключительно в терминах власти над человеком, как в духовном, так и в политическом отношении также должны быть отнесены к деструктивным воздействиям. Можно ожидать нарастания противоречий между традиционными религиями Казахстана и новыми религиями (течениями, объединениями, движениями). Хотя открытого противостояния и фиксированности конфликта не проявляется, в то же время растет число сограждан с толерантным отношением к религиозному выбору родных и близких, с безразличной реакцией на утрату традиционных ценностно-смысловых регуляторов. Религиозность в Казахстане формируется с большей степенью неопределенности конечного результата.

Очевидно, что Казахстану для достижения искомой идентичности необходим современный подход в развитии человеческого капитала, эффективное становление поколений лично зрелых граждан, социально мобильных и компетентных, могущих выстраивать жизненные стратегии в условиях многообразия и конкуренции, самостоятельно и ответственно принимать решения в отношении себя и других. На практике происходит обратное: ряд условий и факторов объективного и субъективного характера форсируют темпы снижения доступа граждан к системе образования, к должной трудовой социализации, к достаточности условий для формирования успешных семейных стратегий.

Наличная социоэкономическая и идейная ситуации обязывают осуществлять сильную научно-обоснованную политическую идеологию как способ консолидации общества.

В плане эффективного противодействия религиозно-экстремистским попыткам навязывания несвойственной менталитету казахстанцев псевдорелигиозной идентичности, необходимо:

- инициировать практику комплексного социогуманитарного исследования феномена экстремизма в целом и религиозно мотивированного экстремизма – в частности, в казахстанских условиях;
- разработать эффективный в применении и непротиворечивый глоссарий (положения о псевдорелигиозной, квазирелигиозной, деструктивной деятельности, имеющей политический характер и оказывающей негативное воздействие на личностное развитие, групповую идентичность и общественную безопасность) для законодательного применения;
- законодательно ввести концепты «псевдорелигиозной», «деструктивной» деятельности, разработав критерии для определения такой деятельности;
- предложить религиозным объединениям представить гражданскому обществу свои социальные программы и результаты их претворения для всестороннего обсуждения;
- провести мониторинг деятельности всех международных организаций, так или иначе вмешивающихся в духовно-культурную ситуацию в Казахстане;
- создать цикл просветительских программ о традиционных религиях на государственных ТВ и радиоканалах;

- сформировать единый банк данных социогуманитарных исследований религиозности в РК;
- проявить политическую уязвимость терминологических споров о толерантности, свободе совести;
- осуществлять мониторинг публикаций по тематическим рубрикам «Религия в Казахстане», включая Интернет порталы и блоги, изучая уровень напряженности дискуссий по предмету;
- разработать Государственную программу досуга (выделив ее специальной строкой в Республиканском бюджете как приоритетную) для различных групп населения, направленную на гражданскую социализацию и формирование общности мультикультурного и многоконфессионального характера.

Отсутствие в республике специализированного систематического изучения, мониторинга ментальных процессов на основе современных методов и технологий исследования, приводят к утрате действенных рычагов управления и влияния на массовое сознание, социальное самочувствие сограждан. В обществе должны действовать механизмы упреждающего реагирования на возможные протестные проявления недовольства, которые ведут к подрыву гражданской консолидации и ослаблению доверия к институту власти.

ТРЕТЬЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ И ПРОФИЛАКТИКА
ЭКСТРЕМИЗМА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ**

**Классификация осужденных за терроризм и
экстремизм (по материалам полевого исследования,
проведенного в местах лишения свободы в 2017 г.)**

Нургуль Эсенаманова

Одним из наиболее актуальных проблем для стран, столкнувшихся с вопросами радикализации, является дерадикализация осуждённых за терроризм и экстремизм (ТиЭ). Необходимость классификации по категориям обоснована тем, что осуждённые за ТиЭ являются неоднородными, монолитными (разная идеология, организация, уровень религиозных знаний и т. д.), обычно выделяют агрессивных, лидеров, рядовых. В разных странах существуют разные классификации и в соответствии с этим с ними работа ведётся по-разному. Классифицирование осужденных за терроризм и экстремизм позволит вести адресную работу по дерадикализации и рисками, отслеживать изменения в поведении, мировоззрении лиц осуждённых за ТиЭ.

Одним из вызовов для современного Кыргызстана стала ситуация в местах заключения среди осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность. Озабоченность вызывает увеличение количества данного

контингента, большинство которых, отбыв срок, выходят на свободу, не меняя своих убеждений. Дерадикализационные мероприятия в местах заключения чрезвычайно затруднены и предпринимаемые меры носят несистемный характер. Более того, широкомасштабных исследований состояния и изменения ситуаций среди осужденных за терроризм и экстремизм ранее не предпринималось и в основном изучение происходило фрагментарно [1] в силу относительной новизны проблемы. Усиление внимания к проблемам дерадикализации проявилось и связано с выездом, а также возвратом граждан Кыргызстана из зон боевых действий в Сирии и Ираке. Меры в этом направлении начали предприниматься практически только в 2017 году с приходом в Государственную систему исполнения наказания (ГСИН). Предпринимаются активные попытки проведения системной оценки имеющихся проблем, выработки первоочередных и стратегических шагов по работе с данной категорией заключенных.

В этих условиях весьма полезным является помощь, оказываемая ГСИН со стороны профильных международных организаций по внедрению в Кыргызстане зарубежного опыта, обучению сотрудников уголовно-исполнительной системы страны международным стандартам оказанию материально-технической помощи.

Вместе с тем, представляется крайне необходимым правильно адаптировать международный опыт к местным условиям. Для этого, целесообразно провести ряд исследований и комплексный анализ ситуации среди осужденных за терроризм и экстремизм. На наш взгляд, наряду с усилиями в этом направлении со стороны международных организаций, крайне важно осуществлять такую работу

силами собственных национальных экспертов, имеющими допуск к закрытой информации.

В частности, международный опыт свидетельствует о необходимости классификации осужденных для дифференцированного подхода при организации мероприятий по дерадикализации, а также разработки методологии и организационных механизмов дерадикализации радикалов в условиях Кыргызстана. Проведенное данное полевое исследование[2] было направлено на комплексное изучение, анализ состояния и изменения ситуации с осужденными за терроризм и экстремизм для применения классификации. Главный фокус был направлен на классификацию данной категории осужденных в закрытых учреждениях, необходимо оговориться, что эта первая попытка классификации с применением пяти инструментов [3], таких как теологический опрос (анкетирование), интервью с осужденным, интервью с сотрудниками (их наблюдения изменений), психологических методик и в некоторых случаях анализ документов (судебных решений). Комплексный подход при классификации приближает к достоверности информации и повысит эффективность проведения дерадикализационных мероприятий. Кроме этого, несмотря на свою сложность инструменты классификации требуют систематической доработки и она сама не сможет быть статичной, так как осужденные в закрытых и открытых учреждениях различаются и применение одной и той же классификации в силу их разнородности для них иногда не допустимо. И это говорит о том, что классификация должна быть гибкой, расширяться, систематически обновляться так как контингент осужденных обновляется и классифицируемые могут переходить из одной категории в другую и т. п.

Общее число опрошенных, осужденных за терроризм и экстремизм, в учреждениях ГСИН составило 276 респондентов. Из них:

- по закрытым учреждениям (ИК, СИЗО) – 160,
- по уголовно-исправительным инспекциям – 60,
- по колониям-поселениям – 56.

Кроме того, было опрошено 37 заключенных, осужденных по другим статьям, а также 31 сотрудников учреждений ГСИН.

При этом опросы, теологическое анкетирование и психологическое тестирование проводилось членами рабочей группы со всем контингентом осужденных по соответствующим статьям на добровольной и конфиденциальной, анонимной основах.

Исходя из поставленных перед исследованием задач, были применены следующие методология и инструменты исследования.

В частности, для разработки базовой классификации организации работы в уголовно-исполнительной системе с осужденными за ТиЭ, исследованы разные факторы (биографические, психологические, религиозные, политические и т.д.), влияющие на данную работу, а также были разработаны соответствующие инструменты в виде:

- вопросника-интервью с несколькими блоками вопросов, предусматривающими реконструкцию жизни осужденного, выявление религиозной идентичности, мотивов и обстоятельств вовлечения в ТиЭ, пребывание в тюрьме и общеполитические знания;
- теологической анкеты, с целью апробирования способа определения с ее помощью уровня и направленности религиозных знаний, степени радикальности ре-

лигиозно-политических взглядов и возможных рисков продолжения ТиЭ деятельности;

- психологических тестов, для изучения текущего состояния осужденного и его общих личностных характеристик, для возможного использования полученных результатов в работе по дерадикализации;
- вопросника-интервью для персонала учреждений, с целью получения дополнительной информации по интересующему контингенту и улучшению работы с ними.

Кроме того, в исследовании преследовалась цель изучить нынешнее состояние в системе ГСИН, связанное с факторами и рисками негативных тенденций в местах заключения, в том числе возможность сращивания или смыкания террористических, экстремистских и криминальных элементов, а также вероятность негативного влияния на сотрудников учреждений осужденных экстремистов.

В целях изучения интересующей нас категории осужденных, с учетом опыта других стран, нами предлагается следующая их классификация по степени идеологизированности, подталкивающей к насилию:

1. Воинствующие экстремисты.
2. Идеологические экстремисты.
3. Соучастники, косвенно причастные.
4. Раскаявшиеся.
5. Не поддающиеся на текущий момент достаточно

точному определению.

Как уже выше отмечено, классификация проведена на основе анализа материалов интервью с осужденными и персоналом учреждений, теологической анкеты, психологического тестирования, а также справки с места отбыва-

ния срока осужденного и с учетом характера совершенных преступлений (статей, вида и срока наказания, рецидива).

Методология классифицирования была разработана рабочей группой, исходя из квалификации и опыта каждого эксперта и коллективного обсуждения. При этом она не претендует на абсолютную достоверность результатов, так как основана на субъективном характере исследователя и субъективных особенностях личности заключенного. Вместе с тем, достаточно корректна и без сомнений необходима в работе оперативных и режимных подразделений ГСИН, так как судебные материалы на осужденного не охватывают личностные особенности, в том числе идеологизированность, политические убеждения и религиозные знания, анамнез и психологическое состояние, отношение к условиям заключения.

Прежде всего, при выработке классификации и ее критериев была поставлена задача выделить из всей исследуемой категории наиболее опасную часть, с точки зрения рецидива их преступной, насильственной деятельности непосредственно в местах лишения свободы и после их возможного освобождения. Данную категорию осужденных мы назвали «Воинствующие экстремисты».

В числе характерных признаков выбраны:

- признание в ходе интервью и теологического анкетирования самим осужденным возможности применения насилия (вооруженный джихад) против государства, светского общества, правоохранительных органов, шиитов, евреев, обвинение в неверии мусульман не соблюдающих фарзы и т. д.;
- факт применения в прошлом осужденным вооруженного насилия, его участия в терактах, убийствах, раз-

бое, вооруженных конфликтах за рубежом и т. д., из идеологических побуждений. Это устанавливалось нами из собственных признаний респондентов, информации от других знакомых с ним осужденных, а также статьи, по которой он осужден (ст. 226, 375...);

- неповиновение и отсутствие уважения к законам и тюремным правилам в сочетании с сильным желанием доминировать над другими заключенными и манипулировать ими. Это устанавливалось с учетом:

а) ответов на определенные вопросы интервью, затрагивающие отношение заключенного к государству, силовым структурам, ГСИН на момент опроса;

б) совершения рецидивов преступлений и других правонарушений в период отбывания наказания;

с) характеристики заключенного со стороны администрации и сотрудников учреждений, где он пребывает.

- информация оперативных работников об активной террористической деятельности респондента в прошлом или попытках ее продолжения в местах заключения.

Ярким примером представителя этой категории является осужденный к пожизненному лишению свободы (ПЛС) С. К., который в интервью прямо озвучил необходимость «джихада» по отношению ко всем тем, кто не придерживается радикальной религиозно-политической идеологии.

Следует признать, что в отношении отдельных лиц представляется довольно сложным вскрыть их воинствующие устремления. В ходе исследования мы столкнулись со случаями, когда респонденты отвечали на вопросы интервью и анкеты последовательно, непротиворечиво и психологически убедительно, доказывая свою непричаст-

ность к терроризму и экстремизму. Однако, дополнительная информация, полученная от оперативных работников, свидетельствовала об обратном. Чаще всего, такие лица оказываются наиболее опасными и интеллектуальными лидерами из числа террористов.

Например, приговоренный к ПЛС К.И. в ходе интервью проявил максимальную логичность и последовательность утверждений о своей непричастности к преступлениям террористического характера, а также его внешние проявления не содержали противоречий и были убедительны. Кроме этого, его автобиография, уровень образования и интеллектуальный уровень соответствуют человеку из среды интеллигенции. В то же время, статьи, по которой он дважды осужден, и комментарии оперативных работников ГСИН СИЗО и ГКНБ в отношении него свидетельствуют о том, что данное лицо является очень опасным рецидивистом, который сумел, будучи в условиях заключения, сыграть важную роль в попытке организации террористической деятельности вне зоны. Косвенным признаком, указывающим на причастность К.И. к террористической деятельности, является результат психологической экспертизы, согласно которой он, несмотря на долгий срок отбывания наказания и демонстрируемую им разочарованность жизнью, является сильной личностью с лидерскими качествами.

Следующая категория осужденных – «Идеологические экстремисты», была предложена, исходя из наличия среди них лиц, явно менее опасных, а именно, несклонных к совершению насильственных действий, но одновременно имеющих устойчивые убеждения экстремистского характера.

В частности, к этой категории отнесены значительная часть членов религиозно-экстремистской организации

(РЭО) «Хизбут-Тахрир», не поддерживающих насильственные методы достижения религиозно-политических целей до тех пор, пока «всемирное исламское государство» (халифат) не создано. Вместе с тем, ее приверженцы, находящиеся в закрытых учреждениях, обычно открыто признавали свое участие в запрещенной организации и враждебность по отношению к светскому государству.

Кроме того, к этой категории отнесены и некоторые другие лица, придерживающиеся и распространяющие идеологию радикального исламизма (установление халифата, введение шариата, враждебность и неприятие светских норм общественной жизни, других религий и мазхабов). Например, осужденный Т.К. в своем интервью отметил «...чтобы избежать террористических актов в КР, религиозным авторитетам Кыргызстана необходимо обратиться к руководству ИГИЛ и Ан-Нусра (как к халифу), что в Кыргызстане нет притеснений мусульман». Тем самым, он фактически оправдывает цели (установление халифата) и деятельность перечисленных террористических организаций, призывая к их признанию.

Анализ полученных материалов свидетельствуют о наличии еще одной категории заключенных, названной нами «Соучастники, косвенно причастные». Главным признаком принадлежности к ней является отсутствие радикальной идеологизированности осуждённого и отсутствие у него намерений продолжать в будущем террористическую или экстремистскую деятельность. При этом такой человек мог ранее принять участие в террористической и экстремистской деятельности. Например, выезжал или имел намерение выехать в зону боевых действий, но не успел это сделать, оказал пособническое содействие террористам и т.д.

Отсутствие же радикальной идеологизированности определяются нами по ответам в ходе интервью и на вопросы теологической анкеты.

Колоритным примером является М.У. По его признанию: «... выходил на даават на 3 дня в Араван... заряда мне от даавата хватало на 1 месяц, но после 15 дней заряд падал... потому что я играю в азартные игры в карты, умею мухлевать... в тюрьме жизнь интересная, здесь выносят справедливые решения... хочется в Европу в Германию, хочу английский выучить».

Большинство из лиц, осужденных за попытку выезда в зоны боевых действий за рубежом - молодые люди, и тот факт, что они не успели совершить террористические действия и не имеют устойчивых радикальных идеологических убеждений, позволяет выделить данную группу и применять к ним отдельные методы дерадикализации. При этом, имеются сведения о том, что некоторые лица, возвратившиеся из Сирии, сознательно сдались властям и пошли на сотрудничество, разуверившись в джихадистской идеологии и не желая далее участвовать в террористической деятельности, одновременно опасаясь за свою безопасность перед лицом возможных угроз прежних единомышленников.

Еще одним характерным примером осужденного данной категории является Ш.М. Анализ полученных в отношении него данных свидетельствуют в пользу того, что он по характеру, пристрастиям и поведению близок к криминальному миру, однако, ранее оказал содействие группе террористов, предоставив им жилье. В местах заключения открыто, активно конфликтовал с администрацией учреждений и осужденными за терроризм и экстремизм, но, в

тесном окружении последних, постепенно начал сближаться с ними. Представляется, что к подобным лицам нельзя относиться также как к «воинствующим или идеологическим экстремистам» и содержать с ними в одних камерах.

Главной целью профилактической работы с осужденными за ТиЭ является их дерадикализация. Иногда в результате целенаправленной работы администрации и под влиянием внутренних побуждений (усталость от тюремной жизни) некоторые лица отходят от экстремистской идеологии. Данную категорию мы назвали «Раскаявшиеся». Критериями отнесения к ней являются:

- признание своих преступлений в прошлом и открытый отказ от идеологии и организации;
- готовность к сотрудничеству с силовыми органами;
- соответствие других внешних проявлений поведения и убеждений искреннему раскаянию.

Примером такого осужденного является Т. в ИК-27, который пробыл в Сирии 2 месяца в составе международной террористической организации (МТО) «Джабхат-ан-Нусра», задержан и осуждён на 4 года лишения свободы. В ходе интервью он достаточно подробно рассказал о своем участии в террористической деятельности, признает свою вину и раскаивается. Мотивы выезда и поведение указанного лица также свидетельствуют в пользу его искреннего раскаяния.

Важно вовремя и эффективно построить работу с данной категорией лиц, чтобы закрепить их исправление и, возможно, использовать в дерадикализации других осуждённых, а также в профилактической деятельности за пределами мест заключения (например, с помощью привлечения их к видео-интервью).

Последняя категория осуждённых — это «Не поддающиеся на текущий момент достаточно точному определению». Критериями отнесения осужденных к ней являются:

- полное или преимущественное отрицание участия в ТиЭ деятельности, в то время как приговор суда свидетельствует об обратном, а в ходе опросов выявляются элементы радикальных религиозно-политических убеждений;
- отсутствие в результатах опросов проявлений явного экстремизма при наличии признаков сознательного сокрытия радикальной идеологии;
- отказ принимать участие в исследовании.

В ходе исследования респонденты часто отказывались от выдвинутых против них и доказанных судом обвинений в участии в преступлениях террористического характера. При том, что исключать вероятность следственной или судебной ошибки в отношении них нельзя, мы исходили из предположения, что она не больше чем среднестатистическая по всем категориям преступлений. В большинстве случаев осужденные пытаются сознательно или несознательно оправдать себя.

Так, среди не признающих своё участие в ТиЭ оказались лица, осуждённые по «тяжелым» статьям и приговоренные к большим срокам.

Кроме того, в ответах, полученных от представителей данной категории, достаточно часто прослеживается противоречивость, целенаправленный отказ отвечать на многие вопросы, связанные с выявлением радикальных политических и религиозных убеждений, наличие отдельных радикальных высказываний. Некоторые отказались совсем

от участия в исследовании. Все это может указывать на попытки сокрытия ими своих истинных взглядов.

Есть предположение, что ряд представителей исследуемого контингента имеют неустойчивые взгляды, так как слабо представляют радикальную идеологию. Они почти не получили общеобразовательных знаний, так как многие из них не окончили даже начальную школу или совсем плохо учились.

При этом других уточняющих сведений (от администрации, сотрудников учреждений) в отношении подобных лиц получить не удалось.

Соответственно было трудно сделать выводы об их настоящей идеологической приверженности и уровне риска, которую представляют, а потому они отнесены к данной категории.

Одновременно, нельзя исключать, что некоторые из них имели косвенное отношение к террористической деятельности, не будучи идеологизированы и сами того не осознавая до конца всех последствий, а в настоящее время пытаются отрицать свою причастность полностью. То есть, при дальнейшем изучении возможно выделить среди них «соучастников, косвенно причастных».

Также к «Не поддающимся определению на текущий момент» мы отнесли ряд лиц, которые ранее были явно из числа воинствующих, но в настоящий момент по разным причинам потеряли открытую агрессию, о чем свидетельствует интервью и психологическая экспертиза. В их числе, например, Б.А. в СИЗО-1. Результаты рис.теста: регрессия, торможение. Возможности слуховой галлюцинации или болезненно воспринимает критику окружающих о себе. Плохая ориентировка в пространстве. Сосредоточенность

на цели, принятие некоторого порядка. Непринятие реальности. Поиск самоутверждения и контактов. Тревога, связанная с мышлением или воображением. Тенденция к импульсивному поведению. Непостоянство в поведении. Нехватка устойчивости, настойчивости, упорства. Чувство нехватки психологической теплоты дома. Примитивная агрессия. Возможности плохой личностной организации. Отказ реально смотреть на вещи. Страх. Присуща вербальная агрессия. Большая речевая активность (болтливость).

С данной категорией осужденных должна проводиться системная работа, направленная на дальнейшее выделение из нее представителей перечисленных выше категорий, для более точного определения подходов в работе с ними.

При этом к «Не поддающимся на текущий момент достаточно точному определению» экстремистам необходимо повышенное внимание ввиду наличия среди них скрытых «Воинствующих экстремистов», которые могут вынашивать опасные террористические намерения. С другой стороны, отдельные из них могут относиться к «Соучастникам, косвенном причастным» экстремистам и легче воспринимать воздействие в плане их дерадикализации.

Необходимо еще раз акцентировать внимание на том, что определение осужденных в ту или иную категорию не является безошибочным и неизменным, может меняться с течением времени. Требуется систематически и разными способами уточнять, перепроверять и корректировать информацию в отношении исследуемого контингента и сделанные на ее основе выводы. Вместе с тем использование данной классификации может послужить одним из достаточно полезных оценочных инструментов, в рамках методологии работы по дерадикализации осужденных экстремистов.

Список использованных источников:

1. Эсенаманова Н.С., Вейцель Р.В. «Хизб ут-Тахрир» в Кыргызстане: состояние и тенденции. - Бишкек. 2015.
2. Данное полевое, аналитическое исследование «Организация работы сотрудников уголовно-исполнительной системы с контингентом осужденных за экстремистские и террористические преступления» было проведено коллективом авторов государственной межведомственной группы при технической поддержке Фонд развития духовной культуры «Ыйман». Статья основана на аналитическом отчете «Организация работы сотрудников уголовно-исполнительной системы с контингентом осужденных за экстремистские и террористические преступления». Бишкек, 2018 г. и предназначена для сотрудников Государственной системы исполнения наказания КР в качестве помощи при проведении дерадикализационных, реабилитационных работ.
3. Следует отметить, что для классификации в Алжире применяется инструмент с 180 вопросами. Более подробно см.: Справочник по работе с заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации в тюрьмах. ООН, Нью-Йорк, 2017 г. С. 45. Кроме этого, отечественными исследователями предлагается следующая градация - отсутствие радикализации, экстремизм, воинствующий экстремизм, терроризм. См.: В отчете по итогам мониторинга исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Кыргызской республики по работе с осужденными за преступления террористического характера и экстремистской направленности. Бишкек, 2018. С. 48-49

***

Эволюция восприятия террористической и экстремистской угрозы

Мурат Лаумулин

В эпоху, когда наше поколение выросло, терроризм четко разграничивался советской пропагандой со «знаком плюс и со знаком минус». Причем о тех, кого мы ставили под знак +, слово «терроризм» не употреблялось, хотя на Западе они рассматривались как террористические организации. Самое ругательное слово было «Левацкие группировки». Мои ровесники помнят, кто имелся в виду: это ИРИ - Ирландская республиканская армия, ООП – Организация освобождения Палестины и ряд других.

Я лично до сих пор не считаю ИРИ террористической организацией, которая в реальности представляла собой боевой отряд ирландского национального освободительного движения, и который ведет национально-освободительную борьбу со времен, когда англосаксы во главе с Кромвелем захватили этот чудесный остров. Англичане отторгли северную часть и разделили страну в 1920-е годы. Для характеристики подобного рода движений существуют и другие дефиниции: есть термины инсургенты, партизаны и т.д., но никак не террористы. Примерно то же самое можно о басках сказать, по крайней мере, в эпоху диктатуры Франко. В ту эпоху существовал четкий национально-освободительный и в большей степени антифашистский контекст. Но когда Франко не стало, и начались серьезные изменения в политическом устройстве Испании, баскские националисты уже перешли к откровенному террору, и население их уже перестало поддерживать.

С некоторыми оговорками, можно поставить вопрос и об Организации освобождения Палестины: это террористическая организация или это борцы за освобождение своих территорий от израильской оккупации? Все это представляется очень спорным. Поэтому ООН и другие международно-правовые организации не могут определиться с термином, что такое «терроризм». В наше время, не открыто, но иногда, чувствовалась симпатия советской пропаганды, журналистов и общественного мнения. И кстати не только в СССР, но и в Западной Европе, которая была на стороне этих левых группировок, самая известная среди которых, как я уже отмечал, это ИРА, и еще ряд других. Мне в свое время доводилось работать в Германии, встречаться с бывшими работниками спецслужбы ГДР – штази: они вспоминали свои контакты и работу с западногерманскими юношами и девушками, в специальных военизированных лагерях, где их обучали стрелять из миномета, взрывать, т.е. проводить теракты, если называть вещи своими именами. Как правило, это были наивные молодые люди, которые искренне верили в то, что они делают, в то, что они борются с мировым капитализмом и империализмом. Среди их «достижений» - атаки на американские военные базы в Западной Германии, убийства руководителей крупных банков, похищения и прочее.

Ну, а в отношении знаменитых в свое время «красных бригад» в Италии существуют разные мнения. Некоторые эксперты говорят, что часть их, видимо, действовала как марионетки, за которыми стояли американские спецслужбы. Об этом позволяет говорить теракт 1978 года – взрыв вокзала в Болонье, или убийство бывшего премьера Альдо Моро. В целом эти факты имеют место. Их результа-

том стала дестабилизация страны, а конечный результат – срыв прихода к власти левых сил во главе с Компартией Италии. Тем не менее, с точки зрения нашей пропаганды их цели негласно рассматривались как благородные, поэтому террористами их никто не называл.

Потом наступила другая эпоха, исламская революция в Иране, наша интервенция в Афганистан с целью поддержки прогрессивной революции, и в результате на сцене появился новый игрок, это был воинствующий исламизм, исламский радикализм, который перерос в дальнейшем в исламский терроризм. Для меня как для историка, например, в истории с исламским терроризмом, прослеживается четкая парадигма по отношению к роли и месту нашего региона Средней Азии воинствующего исламизма. В разное время их называли по-разному: басмачи, душманы, моджахеды. Последний термин использовался ими самими. Не секрет, что этих людей использовали внешние силы, на севере Афганистана существовали еще с эпохи гражданской войны и с начала 1920-х годов целые лагеря, их снабжала оружием из Британской Индии Великобритания.

В 1970-е и 1980-е годы США пытались устроить дестабилизацию Советской Средней Азии, сорвать эксперимент по модернизации этого региона, начиная с событий в Афганистане. В 1990-е годы, когда размах террористической деятельности принял уже для всех очевидные масштабы, ученые-аналитики стали искать причины данного процесса. При этом причины искались повсеместно, в первую очередь, социально-экономические. Причем их рассматривали не только марксисты, но и наши, так сказать, бывшие идеологические противники. Однако всех

отрезвили и удивили события 11 сентября 2001 г. Оказалось, что этого объяснения далеко недостаточно. Выяснилось, что этими террористами были 19 арабов, в основном – выходцы из Саудовской Аравии, за которыми кто стоял в реальности, мы не знаем до сих пор. Известно, что это были выходцы из благополучных семей с западным образованием, что они к обездоленным и несчастным никакого отношения не имеют. Помимо причин социально-экономического характера тогда в 1990-е годы среди идеологических причин назывались, такие как поиск лучшей жизни, ислам как противодействие в западной альтернативе, борьба с неравноправием, с американским терроризмом, поддержка со стороны США Израиля и т.д.

Что касается постсоветского пространства, то причины роста террористической деятельности очевидны: это распад СССР, крушение советской экономической модели, дикое и повсеместное падение системы образования, это выход на сцену нового молодого поколения, которое выросло в спортзалах в 1980-е годы еще при существовании СССР. Это чаша никого не миновала. Я не знаю, как в странах Прибалтики, но эти процессы так или иначе коснулись практически всех республик бывшего Советского Союза, некоторые республики превратились просто в анклав бандитизма, как Грузия при Шеварднадзе, домайдановская и особенно постмайдановская Украина, где открыто содержались так называемые добровольческие батальоны, которые представляют собой на самом деле сборище бандитов и садистов, что показали события на Донбассе. Я работал после Майдана в ходе командировки в мониторинговую миссию ОБСЕ на Украину, и мне пришлось, как очевидцу, вспоминать, все, что я видел: маши-

ны, наполненные оружием, захват моих коллег по ОБСЕ в качестве заложников и т.д.

В отношении так называемого исламского экстремизма, джихадизма на постсоветском пространстве, есть интересные соображения. В свое время мне доводилось читать лекцию в Германии по приглашению Гумбольдтовского университета. Но мои выводы резко контрастировали с тем, что западная пропаганда связывает с крушением социалистической модели и победой т.н. либеральных ценностей, демократии и рынка.

На самом деле все гораздо хуже, это глубинные процессы, связанные с крушением индустриальной модели XX века в глобальном масштабе, уничтожение среднего класса, особенно в бывших социалистических странах, и то, что я называю «реконкиста»: процесс, при котором деревня, хутор, аул, кишлак и пр. берут своё и захватывают городскую цивилизацию, в которой мы живем и к которой мы все привыкли. Можно сказать, что традиционные институты переживают ренессанс. То есть, запущен механизм демодернизации.

Очень яркий пример тому – Словацкая часть Чехословакии после распада Австро-Венгрии, когда немецкое население было изгнано из Словакии. Надо отметить, что оно было довольно многочисленным, проживало в основном в городах. После изгнания немцев из Братиславы и других городов страны, с гор спустились местные жители, как говорят, «в одежде из козьих шкур» (т.е. пастухи), и стали селиться там, где ранее жили немцы, неся с собой определенный (сельский) уклад жизни, соответствующее мировоззрение и т.д. Все то же самое повторилось на постсоветском пространстве, каждый в своей республике может

наблюдать, как и какими темпами идет демодернизация. Она включает в себя исламизацию, дерусификацию, десовьетизацию и т.д. Как следствие, наступает падение уровня образования, рост религиозного мракобесия, не побоюсь использовать советский термин, все это составные части этого, видимо исторически неизбежного, процесса. При этом неизбежно возник интересный фактор, связанный с тем, что называют «терроризмом».

Радикализм, переходящий в терроризм, имел место и на других континентах. Взять, например, США, которые пережили еще совсем недавно бурную эпоху, когда социально-этнические группировки в период вьетнамской войны в 1960-1970 годы, начали бороться за свои гражданские права. Все знают о «черных пантерах», несколько меньше известно об индейских движениях, которые также прибегали к террористическим методам. Но, оказывается, были и белые радикалы, небезызвестные «синоптики», которые действовали в аналогичном духе, т.е. взрывали и грабили банки, занимались похищениями и нападениями на официальные силовые структуры. Тогда еще был жив бессменный директор ФБР Э.Гувер, который был вынужден дать свой последний бой. По иронии судьбы, он с чего начинал, к тому и вернулся, т.е. к противостоянию левому радикализму. По количеству заключенных относительно числа населения США опережают все страны мира. Существует такая немного конспирологическая версия, согласно которой повсеместное внедрение употребления наркотиков США было грандиозной операцией американских спецслужб по уводу молодежи от радикализма, от всех сил, кто может дестабилизировать капиталистическую систему.

Тоже относится и к созданию системы массового потребления. Специалисты говорят сейчас о другом, и при этом бьют тревогу в связи с этими проявлениями терроризма, это массовые социальные движения, где потенциальные и реальные террористы объединяются в группировки. У них есть структура, иерархия, система финансирования, четко обозначенные цели. Но мы вступили в период, когда оказывается, что все большую угрозу человечеству представляют террористы-одиночки. Вот яркий пример такого явления: норвежский боевик Брейвик, который уничтожил чудовищное для одного человека количество невинных людей. И это происходит повсеместно, буквально на наших глазах, за последние 10-15 лет максимум, такие же симптомы наблюдались и в других странах. Вспомним о событиях конца 1960-х годов, когда стрелок-убийца взобрался на башню и стал просто так отстреливать прохожих людей. Это был старт к появлению данного вида террора. Сегодня говорят, что работать надо на индивидуальном уровне, начиная со школы, с помощью учителей, священников, психологов, порой и психиатров, но всех и каждого не проверишь.

Человеческий ресурс изначально несет некий процент, как говорит наука, в том числе естественные дисциплины, что определенное количество людей склонны к сексуальным отклонениям, шизофреническим отклонениям, и, видимо, часть этих людей паталогически склонна к насилию. Мы можем регулировать масштабы численности этих людей путем влияния на их когнитивность, но полностью искоренить эту проблему невозможно. Так утверждают передовые современные дисциплины – генетика, нанотехнологии, психиатрия и т.д.

Формы и методы работы с осужденными различных категорий с целью профилактики идеологии экстремизма и терроризма

Алексей Старостин

Согласно данным «Портала правовой статистики» <http://crimestat.ru>, в Российской Федерации происходит постепенное снижение числа совершаемых преступлений, хотя их число остается значительным: если в 2010 г. было зафиксировано 2628799 преступлений, то в 2018 уже 1991532. В это число входит 112201 преступлений особой тяжести, 200306 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и др. Также в 2018 г. было зарегистрировано 1679 преступлений террористического характера и 1265 преступлений экстремистской направленности. Вроде бы преступлений экстремистского и террористического характера немного по сравнению с преступлениями общеуголовной направленности, но, как известно, данные преступления имеют высокую степень общественной опасности.

Современные дефиниции экстремизма понимают данный феномен как совокупность деструктивных псевдо-исторических идей, реализуемых в форме радикальных публичных призывов и практических действий, зачастую носящих насильственный характер и направленных на раскол общества и разрушение государства.

В России на законодательном уровне указывается на приоритет мер, направленных на профилактику экстремистской деятельности, а также на важность взаимодействия государственных органов с институтами граждан-

ского общества (конфессиями, национально-культурными объединениями и иными общественными объединениями), активными и ответственными гражданами в противодействии экстремизму.

Так, в действующей Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года концептуально закрепляется приоритетность профилактики экстремизма, по отношению к уголовно-правовым методам.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в ст. 2 среди основных принципов противодействия экстремистской деятельности указывает приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, а также на необходимость сотрудничества государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности.

Крайней формой экстремизма считается терроризм, понимаемый как уголовно наказуемое публичное использование насилия в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. При этом речь в Федеральном законе «О противодействии терроризму» идет не только о самом насилии, но и об угрозе применения данного насилия.

Среди террористических преступлений присутствуют не только и не столько сами террористические акты, сколько вовлечение и вербовка в террористические организации, участие в них, их финансирование, распространение материалов террористических организаций и т.п.

Однако международный и отечественный опыт про-

тивоедействия терроризму свидетельствует о том, что силовые методы способны предупредить лишь конкретную угрозу совершения террористического акта. Для радикального снижения угрозы терроризма необходимо разрушить саму систему его воспроизводства, основу которой составляет идеология терроризма, её носители, а также каналы распространения.

То есть огромное значение имеет профилактическая работа, главной целью которой является снижение уровня радикализации различных групп населения, прежде всего молодежи, и недопущение их вовлечения в террористическую деятельность.

Ввиду того, что лица, совершающие преступления экстремистской и террористической направленности, оперативно выявляются правоохранительными органами и после осуждения помещаются для отбывания наказания в пенитенциарную систему, возникает серьезный риск распространения различного характера деструктивной идеологии в местах лишения свободы. Также этому может способствовать увеличение числа иностранных граждан, попадающих в места лишения свободы за преступления общеуголовного характера, т. к. они являются группой риска, среди которых идеологи экстремистских и террористических организаций могут найти сторонников, особенно если речь идет о радикальных исламистских движениях.

Дело в том, что численность мигрантов в России составляет в среднем около 10 миллионов человек. При этом, по разным оценкам, примерно четверть из них (около 2 миллионов человек в 2018 году, 2,6 миллиона человек в 2017 году) находится на территории России нелегально.

Иностранные граждане совершают различные правонарушения, в том числе уголовные и попадают в места лишения свободы. Среди наиболее распространенных: незаконный оборот наркотиков, преступления против личности, кражи, использование поддельных документов и другие.

В «Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 гг.», утвержденном Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 28 декабря 2018 г., большое внимание уделяется профилактической работе в местах лишения свободы. В частности:

- реализация социально-экономических мер, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в отношении лиц, отбывших наказание за совершение преступлений террористического характера, направленных на их ресоциализацию;
- проведение с лицами, отбывающими наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, информационно-пропагандистских мероприятий по разъяснению преступной сущности и общественной опасности терроризма с привлечением представителей религиозных и общественных организаций, психологов;
- осуществление с лицами, отбывающими наказание за совершение преступлений террористического характера, в том числе не связанное с лишением свободы, профилактических мер, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в форме индивидуальных профилактических бесед с привлечением представителей религиозных и общественных организаций, психологов, в ходе которых разъяснять указан-

ным лицам их моральную и правовую ответственность перед обществом, государством, социальные и правовые последствия террористической деятельности.

Распространение идеологии терроризма среди осужденных является серьезной проблемой, поскольку значительная часть осужденных оппозиционно настроена по отношению к государственной системе, многие имеют навыки обращения с оружием, а обещание заступничества «на зоне» и прощения всех грехов, которое, например, обещают представители террористических группировок исламистского толка, для некоторых может являться привлекательным стимулом для вступления в подобные организации.

Общественные организации в «Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации» указаны не случайно. Одной из таких организаций является Уральская ассоциация «Центр этноконфессиональных исследований, профилактики экстремизма и противодействия идеологии терроризма» - некоммерческая организация, созданная в Екатеринбурге в январе 2017 года. Общественная организация объединяет ветеранов антитеррористических подразделений, ученых и других специалистов, имеющих богатый опыт теоретической и практической работы антиэкстремистской и антитеррористической направленности.

Целью деятельности «Центра этноконфессиональных исследований...» является содействие органам государственной власти различных уровней в изучении этноконфессиональных процессов, гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, противодействию идеологии экстремизма и терроризма, патриотическом вос-

питании граждан. А также содействие укреплению мира и согласия между представителями различных народов и последователями различных конфессий.

Основными формами деятельности являются:

- проведение аналитических и научных исследований в области межнациональных и межконфессиональных отношений, миграционных процессов;
- организация лекториев, проведение лекций, круглых столов и конференций на этноконфессиональную тематику, антиэкстремистской и антитеррористической, патриотической направленности;
- помощь и поддержка сотрудников правоохранительных структур и ветеранов подразделений, принимавших участие в борьбе с терроризмом.

Данные мероприятия осуществляются как с помощью экспертов из Свердловской области, так и с привлечением лучших специалистов из различных регионов Российской Федерации. «Центром этноконфессиональных исследований...» разработано 10 информационно-просветительских программ, нацеленных на различные категории населения.

В частности, сотрудники «Центра этноконфессиональных исследований...» уделяют серьёзное внимание работе по профилактике идеологии экстремизма и терроризма в местах лишения свободы.

У нашей общественной организации существует «Концепция работы с теми, кто сделал неверный шаг». Она сводится к тому, что каждый человек может оказаться в сложной жизненной ситуации: особенно тяжело приходится детям из неблагополучных семей или тем детям, которые не имеют родителей и воспитываются в детских

домах. Изначально они попадают в зону риска и есть вероятность, что не найдя понимания или поддержки, они могут избрать неверный путь и окажутся вовлечены в противоправную деятельность. В том числе их могут вовлечь в различного рода экстремистские и террористические организации. С целью профилактики нами проводятся встречи с ребятами из воспитательных учреждений для детей, лишившихся родителей или оставшихся без их попечения, а также детей, нуждающихся в помощи и защите государства. Такая встреча, например, состоялась в Невьянском районе Свердловской области в феврале 2018 г. Также проводятся встречи с подростками, состоящими на профилактическом учете в отделениях по делам несовершеннолетних. Такая встреча, например, прошла в отделе полиции №14 г. Екатеринбурга. А с группой «трудных подростков» из ряда школ г. Нижний Тагил, второго по величине города Свердловской области, проводится регулярная воспитательная работа на протяжении уже двух лет. Первая встреча с ними состоялась в мае 2018 г. Президент «Центра этноконфессиональных исследований...», член Международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» Сергей Александрович Павленко и полковник внутренней службы в запасе, бывший начальник Лечебно-исправительного учреждения № 51 г. Нижний Тагил Юрий Евгеньевич Касимов поговорили со школьниками о жизни, ее трудностях и радостях. В ходе разговора выяснилось, что ребята проводят бесцельно время, не занимаются спортом, имеют проблемы в учебе и поведении, они в курсе событий, происходящих в криминальных кругах города, знают по кличкам преступных авторитетов, но совсем не имеют представления об

истории своей страны и ее героях. Сергей Павленко рассказал ребятам о своем детстве, проведенном в Нижнем Тагиле, о том, что многие из его знакомых юности выбрали неверную дорогу, и в итоге жизнь их сложилась очень драматично. «Я принял для себя решение с детства о том, что хочу служить в спецназе, много занимался спортом, и в итоге моя мечта осуществилась, главное, ставить себе цель и стремиться к ее достижению». Далее много говорили о российской армии, о различных родах войск, новейшем вооружении и подготовке военнослужащих. «Вот там, в армии, в спецназе у нас было и есть настоящее братство, которое сохраняется до сих пор, - рассказал Сергей Александрович, - мы всегда приходили и приходим друг к другу на помощь в трудную минуту, поддерживаем семьи погибших бойцов, чтим их память, а то, что вам рассказывают о «воровском братстве» - это миф. Я много лет жизни посвятил борьбе с преступностью и террором и хорошо знаю устройство преступного мира, они живут по своим законам, используют молодых людей в своих корыстных интересах».

Бывший начальник ЛИУ № 51 г. Нижний Тагил Юрий Касимов обратился к ребятам: «Ребята, поверьте мне, тюрьма не то место, куда нужно стремиться, это не курорт и не санаторий, не нужно романтизировать преступный мир, он вовсе не так красив, как о нем рассказывают. В места лишения свободы попадают, как правило, люди в молодом или среднем возрасте, то есть лучшие годы своей жизни они тратят, отбывая наказание за совершенные преступления, а, выйдя на свободу, не могут устроиться на нормальную работу, за годы, проведенные за решеткой, у человека прерывается связь с друзьями, с которыми он

раньше общался, вырастают дети, которые не видели своих отцов, многие становятся больными, нужно ли к этому стремиться?» Встреча оказала влияние на подростков и подобные встречи стали проходить регулярно, по меньшей мере, раз в два месяца, для ребят устраиваются различные встречи: встречи с ветеранами, которые показывают им элементы рукопашного боя, походы в театр и другие учреждения культуры, ведется работа по их будущей профориентации и пр. И уже можно отметить положительные изменения: увлечение субкультурой АУЕ (Арестантско-уркаганское единство) проходит, их поведение скорректировалось в лучшую сторону, повысилась успеваемость и интерес к учебе.

Проводится профилактическая работа с несовершеннолетними правонарушителями. Хоть и верна народная мудрость «от сумы и от тюрьмы не зарекайся», и есть подростки, пошедшие неверной дорогой, но до них также важно донести, что бывают преступления, общественная опасность которых несопоставима с преступлениями террористической направленности. Чтобы поговорить об этом, 18 ноября 2017 г. была проведена встреча в Кировградской воспитательной колонии. Воспитанникам рассказали о трагедии в г. Беслан в сентябре 2004 г., показали видеоролики, цель которых – оградить детей от воздействия экстремистских и террористических организаций.

Отдельно проводится профилактическая работа с взрослыми осужденными:

Самым масштабным по охвату антитеррористическим проектом «Центра этноконфессиональных исследований...» стала фотовыставка «Вечная память тебе, Беслан!» Экспозиция была основана на фотоматериалах,

предоставленных «Центру этноконфессиональных исследований...» музеем школы-гимназии №1 имени героев спецназа России в г. Беслан, а также размещенных в свободном доступе в Интернете. В августе наша организация вышла с инициативой использовать данную фотовыставку и созданный на ее основе видеоролик в мероприятиях, приуроченных ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом. Нашу инициативу поддержало Министерство общего и профессионального образования Свердловской области, Департамент молодежной политики Свердловской области, ряд ВУЗов г. Екатеринбурга, администрации 12 муниципальных образований Свердловской области и Главное управление ФСИН России по Свердловской области. Фотовыставка получила широкое освещение в СМИ. Таким образом, с фотовыставкой, призванной сформировать неприятие идеологии терроризма, смогли ознакомиться тысячи жителей Свердловской области.

Отдельная категория – это осужденные, исповедующие ислам. По определенным обстоятельствам, с 2016 г. осужденные, исповедующие ислам, отбывающие наказание в колониях Свердловской области, не имели возможности встречаться с исламскими священнослужителями.

Стремясь помочь в решении этого вопроса, в мае 2017 года исправительные учреждения Свердловской области (ИК-2, ИК-10 в Екатеринбурге, ИК-13 в Нижнем Тагиле, ИК-46 в Невьянске) по приглашению «Центра этноконфессиональных исследований...» и ГУФСИН России по Свердловской области посетил член ОНК Кемеровской области, первый заместитель председателя ЦРО «Духовное управление мусульман Кемеровской области, имам-хатыб соборной мечети «Мунира» Рубин Муниров для проведе-

ния бесед с осужденными, исповедующими ислам, на духовно-нравственные темы, профилактики экстремистских и террористических настроений. В ходе бесед с осужденными имам уделил особое внимание недопустимости проявления насилия, богословски аргументировал необходимость соблюдения правил внутреннего распорядка в местах лишения свободы, ответил на волновавшие осужденных, исповедующих ислам, вопросы. Во встречах с имамом приняло участие свыше 150 осужденных.

С целью систематизации работы по работе с осужденными, исповедующими ислам, Региональное ДУМ Свердловской области юрисдикции ЦДУМ России, подписало Соглашения о сотрудничестве с «Центром этноконфессиональных исследований...» и ГУФСИН России по Свердловской области.

В рамках реализации этих Соглашений 26 февраля 2018 г. состоялся методический семинар для имамов Свердловской области с целью их обучения работе с осужденными, исповедующими ислам с участием администрации губернатора региона и ГУФСИН.

На следующий день состоялся методический семинар с участием имам-ахунда Свердловской области Радифуллы Гиндуллина и имама-хатыба мечети «Мунира» Рубина Мунирова с замначальниками колоний Свердловской области. Во встрече приняли участие более 50 сотрудников ФСИН.

В рамках указанных семинаров также состоялся визит Рубина Мунирова в колонии г. Ивдель, находящийся в 500 км от Екатеринбурга. Во встречах с имамом приняли участие более 100 осужденных из 4-х колоний.

«Центр этноконфессиональных исследований...»

ищет новые формы работы с осужденными. Так, 27-28 апреля 2018 г. Свердловскую область по приглашению «Центра этноконфессиональных исследований...» посетили руководитель Музея школы №1 имени Героев Спецназа России Надежда Ильинична Гуриева и ее дочь Ирина, которые были в заложниках в школе в 2004 г., для проведения встреч на антитеррористическую тематику с ответственностью, со студентами высших учебных заведений г. Екатеринбурга, журналистами, а также осужденными, находящимися в местах лишения свободы и сотрудниками учреждений ФСИН. Встреча с более чем 200 осужденными состоялась в Исправительной колонии №10 г. Екатеринбурга (строгий режим). Рассказ этой героической женщины, потерявшей во время теракта двоих детей, задел осужденных до глубины души и имел серьезный воспитательный эффект. 3 сентября 2018 г. в День солидарности в борьбе с терроризмом Президент «Центра этноконфессиональных исследований...» Павленко С.А. посетил Исправительную колонию №2 г. Екатеринбурга для встречи с осужденными. На встрече присутствовало 600 человек. Он рассказал о горе, которое приносит терроризм на примере Беслана и других терактов, совершенных за последние годы в Российской Федерации. Это выступление было снято на видео и показано в других колониях Свердловской области.

Эксперты «Центра этноконфессиональных исследований...» регулярно проводят семинары для сотрудников федеральной службы исполнения наказаний с целью информирования их о деятельности различных экстремистских и террористических идеологий, формах и методах распространения своих воззрений, в частности, в местах

лишения свободы. Так в феврале – марте 2019 г. с участием экспертов Академии наук Республики Татарстан и экспертов «Центра этноконфессиональных исследований...» состоялось несколько встреч с руководителями исправительных учреждений и личным составом для проведения лекций на тему противодействия идеологии радикальных субкультур и противодействия распространения идеям религиозного экстремизма в подведомственных учреждениях.

Это лишь некоторые, наиболее интересные примеры системной работы, которая проводится «Центром этноконфессиональных исследований...» совместно с ГУФСИН России по Свердловской области в направлении профилактики идеологии терроризма, которая была презентована в Новосибирске на расширенном заседании Научного совета Антитеррористического центра стран СНГ в апреле 2018 г. и получила положительную оценку экспертов данной международной организации, как хорошая модель, которая может быть применена и в других странах и регионах.

***

Профилактика экстремизма: казахстанский контекст

Анастасия Решетняк

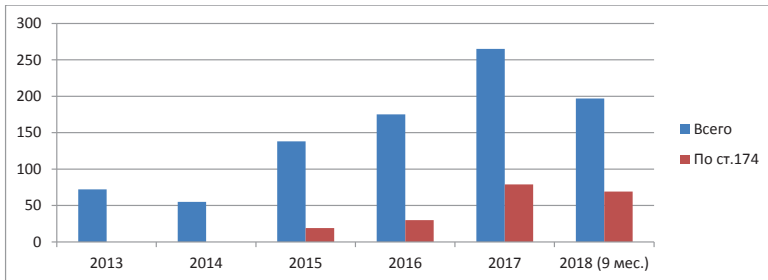
География распространения насильственного экстремизма в Казахстане, согласно данным силовых структур, такова: моногорода, чаще всего далёкие от областных центров и переживающие сложный период развития в связи с трансформацией производства (высокий уровень безработицы, отсутствие перспектив и ограниченность доступа к социальным лифтам у молодых людей), а также крупные города с большим количеством внутренних мигрантов (Астана и Алматы). Согласно данным казахстанских исследователей, наибольшей угрозе радикализации подвергается молодёжь [2]. По оценкам экспертов, из-за кризиса идентичности и социально-экономических проблем именно этой возрастной группе сложнее всего противостоять идеологической обработке со стороны вербовщиков [3].

Диаграмма 1. Индекс терроризма, Казахстан [4]

В то время как, согласно Глобальному индексу терроризма, угроза насильственных актов в Казахстане невысока (страна занимает 75 строчку по уровню опасности из 130) и составляет 2,23 пункта из 10, в стране растёт количество осуждённых по статьям, связанных с экстремиз-

мом. Исследователи связывают это с активизацией работы Министерства информации и общественного развития (ранее – Министерство информации и коммуникаций), которое серьёзно подошло к вопросу мониторинга интернета на предмет выявления противоправного контента [5].

Диаграмма 2. Количество осуждённых за преступления, связанные с терроризмом и экстремизмом

Считается, что в Казахстане основная проблема связана с религиозной радикализацией, где ключевыми игроками выступают адепты «нетрадиционных (или деструктивных) религиозных течений». Большой проблемой, не только в Казахстане, но и на глобальном уровне становится придание актам насильственного экстремизма и терроризма «религиозной» окраски. Так, согласно исследованию, проведённому в Алабамском университете, террористические атаки, совершенные мусульманами, привлекают на 357% больше внимания, чем те, которые произвели немусульмане [6].

Известный специалист по Центральной Азии Ноа Такер отмечает: «...все, кто строит свою жизнь и поведение вокруг религиозных убеждений, будут казаться в определённой степени радикальными для тех, кто организует своё бытие по другим принципам. Есть серьёзные проблемы с

тем, как этот вопрос адресуют в Центральной Азии (и во многих других регионах), где, как правило, считают, что экономические проблемы или иностранное влияние делают людей «более религиозными», и что, становясь «более религиозными», эти люди будут «радикализироваться» и стремиться к свержению своего правительства» [7].

В 2014 году Генеральной прокуратурой РК распространяется «портрет террориста» в Казахстане, составленный на основе данных о гражданах страны, осуждённых по соответствующим статьям: «безработный молодой человек со средним образованием. Без специального религиозного образования. Женат, имеет нескольких детей» [8].

В то же время исследование среди заключённых, проведенное С. Бейсембаевым в 2013 году, демонстрирует: в Казахстане не существует единой модели радикализации, ведущей к (насильственному) экстремизму и терроризму. Осуждённые по соответствующим статьям выросли в разных условиях, по-разному строили взаимоотношения в семьях и воспринимали религиозные догмы; среди них есть люди с разным уровнем достатка и социальным статусом. Автор при этом отмечает, что объединяет эту группу три основных фактора: маргинализация (социальная или религиозная), симпатия (либо принадлежность, до радикализации) к криминальной субкультуре (влияние «уличной» среды, девиантное поведение, нелегальная экономическая активность) и влияние «идеологии апокалипсиса» в рамках салафи-джихадизма [9].

Дефиниции и эволюция государственной политики по профилактике экстремизма.

Противодействие терроризму и религиозному экстре-

мизму в Казахстане имеет глубокие правовые основы: с принятием в 1998 году Закона РК «О национальной безопасности» и в 1999 – Закона РК «О борьбе с терроризмом», предупреждение насильственных действий в этой области получило продолжение в виде: (2005) Закон РК «О противодействии экстремизму», (2009) Закон РК «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путём и финансированию терроризма», (2011) Закон РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях».

В Казахстане определение экстремизма дается в Законе РК «О противодействии экстремизму», где это явление определяется как организация и (или) совершение действий «от имени организаций, признанных в установленном порядке экстремистскими», либо «преследующих экстремистские цели», которые делятся на 3 типа: политический, национальный и религиозный экстремизм [10].

Помимо этого, в Законе дается трактовка понятий «противодействия» и «профилактики» экстремизма: первое сводится к деятельности государственных органов по предупреждению, выявлению, пресечению экстремизма и ликвидации его последствий, а также выявлению и устранению причин и условий, способствующих осуществлению экстремизма. Второе определяется более широко – как «система правовых, организационных, воспитательных, пропагандистских и иных мер, направленных на предупреждение экстремизма» [там же].

Теоретико-методологические разработки, связанные с необходимостью ведения структурированной политики в данном направлении, появились как реакция на акты терроризма 2011-2012 гг. Поскольку эти преступления лицами,

принимающими решение, ассоциировались с религиозным подтипом экстремизма, изменения в законодательстве коснулись и регулирования взаимоотношений государства и религиозных объединений: Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» от 15 января 1992 года был заменён на Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», устанавливающий более жёсткие рамки в части регистрации деятельности религиозных объединений, а также миссионерской деятельности [11]

В этот же период (2013-2014 гг.) начинается достаточно активная кампания по воплощению новой редакции Закона – формируется государственная политика контрмер в этом направлении, выразившаяся в основополагающем документе – Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013-2017 гг. Главная цель, декларируемая здесь, - это «развитие толерантности и иммунитета к радикальной идеологии», для чего необходимо было решить три основные задачи:

- совершенствование мер профилактики религиозного экстремизма и терроризма, направленных на формирование в обществе толерантного религиозного сознания и иммунитета к радикальной идеологии;
- повышение эффективности выявления и пресечения проявлений религиозного экстремизма и терроризма, в том числе путем совершенствования системы обеспечения деятельности специальных государственных и правоохранительных органов;
- совершенствование системы мер минимизации и ликвидации последствий экстремистской и террористической деятельности.

В то время как последние 2 задачи решались преимущественно силовыми структурами и другими ведомствами, отвечающими за безопасность, для выполнения первой, согласно Программе, должно быть привлечено как большое количество государственных органов, так и институты гражданского общества, широкие круги населения. В комментарии Совета безопасности РК к Указу Президента об утверждении Программы сказано следующее: «Большинство профилактических мероприятий, которые предусмотрены программой, будут реализованы впервые и рассчитаны на активную гражданскую позицию жителей страны, что в совокупности позволит укрепить в обществе толерантное религиозное сознание и иммунитет к радикальной идеологии»[12].

Интересующая нас задача состоит из 47 пунктов, из которых 17 засекречены, а 20 требуют вложения средств. Общий бюджет Программы составляет 103,176 миллиарда тенге [13]. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что основная часть средств, выделяемых на реализацию Плана мероприятий по данной программе, включает в себя, в первую очередь, организацию досуга и спорта для молодёжи – на эти цели за пятилетний срок выполнения программы планируется потратить в общей сложности 32 миллиарда тенге – это треть всех выделенных средств.

Кроме того, в 2013 г. Закон РК «О противодействии терроризму» был дополнен статьёй 10-1 «Информационно-пропагандистское противодействие терроризму», согласно которой компетентные госорганы обязуются организовать такую деятельность в целях:

- «разъяснения опасности терроризма;
- разоблачения форм, методов и приёмов, с помощью

которых террористы осуществляют пропаганду своих взглядов и идей;

- формирования в обществе антитеррористического сознания;
- объединения усилий государственных органов, осуществляющих противодействие терроризму, и институтов гражданского общества в профилактике терроризма;
- сокращения социальной базы поддержки терроризма» [14].

В основе информационно-разъяснительной работы, проводимой госорганами в РК, лежат следующие так называемые «идеологические признаки», призванные сформировать контрнарративы радикализму:

- Светское общество и высокая духовность – наши главные ценности. Духовные и религиозные ценности должны способствовать процветанию страны, созданию благоприятных условий для развития всех сфер.
- Единство и согласие – основа развития Казахстана.
- Патриотизм, национальные традиции и культура – духовный фундамент нации.
- Борьба с радикализмом и экстремизмом – задача всего общества [15].

Целевой аудиторией проводимой работы являются: молодёжь, верующие, госслужащие и «широкие слои населения, в том числе рабочее и сельское население» - то есть, по сути, весь народ Казахстана. Конечная же цель кампании состоит в повышении правовой культуры, распространении толерантности и общественного единства, профилактике межконфессиональных и межэтнических конфликтов, распространения псевдорелигиозных течений,

экстремистской идеологии, а также в реабилитации пострадавших от деструктивных течений и работе с приверженцев радикальных религиозных идеологий.

По итогам реализации Госпрограммы на 2013-2017 гг. достигнуты все целевые показатели по первой задаче: охват широкой аудитории информационно-разъяснительной работой, проведение адресной работы и профилактических мероприятий [16].

Если в течение первых пяти лет в качестве индикатора успеха профилактики терроризма и экстремизма рассматривался процент населения, охваченного профилактическими мероприятиями, то в действующей программе (для разработки которой привлекались международные консультанты) это «снижение численности лиц, разделяющих экстремистские идеи, направленные на разжигание религиозной вражды или розни» [17]. Авторы Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2018-2022 гг., пришедшей на смену первому программному документу, более детально подходят к проблеме профилактики, которой посвящена одна задача из четырёх: «Совершенствование мер профилактики религиозного экстремизма и терроризма, направленных на формирование в обществе иммунитета к радикальной идеологии и нулевой терпимости к радикальным проявлениям» [18], а её результативность выражается следующими показателями:

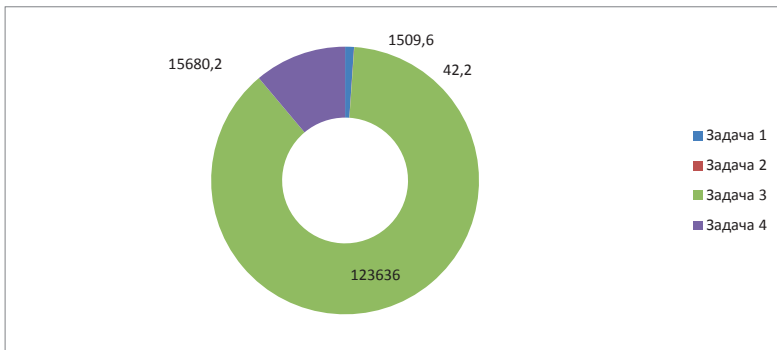
- охват религиозных групп и общин информационно-разъяснительной и контрпропагандистской работой, направленной на формирование иммунитета к радикальной идеологии;
- охват осужденных лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы информационно-

разъяснительной и контрпропагандистской работой, направленной на формирование иммунитета к радикальной идеологии и на дерадикализацию;

- степень укомплектованности информационно-разъяснительных групп специалистами-теологами [19].

Для их достижения предусмотрено проведение 26 видов мероприятий, из которых 7 являются секретными, а оставшиеся связаны с повышением религиозной грамотности и формирования у граждан «антитеррористического сознания и иммунитета к радикальной идеологии», а также ростом профессионализма специалистов, занимающихся этой деятельностью. Всего на данную задачу планируется в течение 5 лет выделить чуть больше 1,5 млрд. тенге, что составляет около 1% от всех предусмотренных средств. Большая часть финансов будет израсходована на выстраивание антитеррористической инфраструктуры, обучение сотрудников соответствующих служб.

Диаграмма 3. Распределение бюджетных средств для реализации Госпрограммы на 2018-2022 гг. (по задачам), млрд. тенге [там же]

Несомненным достоинством нынешней Госпрограммы является фокус непосредственно на специфических инстру-

ментах ПНЭ, с выделением групп риска и налаживанием методического взаимодействия с ними. Рассчитанная на 5 лет, Программа ставит одной из основных своих целей формирование пула профессионалов, достаточно компетентных, чтобы работать с целевыми группами, а также для обучения специалистов, способных разъяснить государственную политику по противодействию терроризму и экстремизму гражданам страны.

В сравнении с предыдущей Госпрограммой, расходы на профилактику сократились практически вчетверо. Если в 2013-2017 гг. 95% средств, выделенных на профилактику, были потрачены на обеспечение досуга и занятости населения (в основном молодёжи) [20], то нынешняя Программа, сообразно её целевым показателям, почти целиком выстроена вокруг религиозной проблематики и не затрагивает pull-факторы радикализации, в части профилактики сосредоточившись на идеологической борьбе с религиозным экстремизмом.

В то же время государством инициируются «параллельные» проекты по профилактике экстремизма. Одним из них является «молодёжное движение против экстремизма» Q-one, созданное в рамках одного из приоритетов «Третьей модернизации Казахстана» - предупреждения пропаганды и организация деятельности неправительственного сектора в борьбе с радикальными течениями и экстремизмом. Оператором проекта является общественный фонд «Ризалык», организующий тренинги и семинары, а также занимающийся созданием «волонтёрской сети в регионах в виде пулов молодых специалистов» для дальнейшей информационно-профилактической работы [21].

На примере двух последовательно реализуемых госу-

дарственных программ видна эволюция политики по профилактике и противодействию экстремизма в Казахстане. В то же время существует ряд законодательных, процедурных и кадровых ограничений, которые не позволяют гибко перестраивать текущую политику.

Одна из рекомендаций, которые на сегодняшний день (на основе серьёзных теоретико-методологических, практически верифицированных исследований) дают ведущие институты, занимающиеся вопросами радикализации: «интервенции должны основываться на поведении, а не на убеждениях» - практические меры, направленные на снижения уровня экстремизма в обществе, должны быть преимущественно ориентированы на недопущение и профилактику конкретных, обозначенных законом, насильственных действий, а не ставить своей задачей коренным образом изменить мышление людей.

Таким образом, остается критически важной задача теоретической проработки данной проблематики: изучение природы радикализации в Казахстане, общественных отношений и того, как существующая политика влияет на статус-кво.

Список использованных источников:

1. Что означает тысяча завербованных из Казахстана в ИГ? – Радио Азаттык // <http://rus.azattyq.org/content/terrorism-igil-kazakhstan/27075180.html>
2. Черных И. Интернет-коммуникации в Казахстане: степень мобилизационного потенциала (по результатам социологического исследования) - Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2014

3. Шибутов М., Абрамов В. Терроризм в Казахстане – 2011-2012 годы. - Алматы, 2012
4. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2018: Measuring the impact of terrorism, Sydney, November 2018. Available from: <http://visionofhumanity.org/reports>
5. За разжигание розни в соцсетях стали судить все чаще — статистика // <https://365info.kz/2018/10/za-razzhiganie-rozni-v-sotssetyah-stali-sudit-vse-chashhe-statistika/>
6. Kearns, Erin and Betus, Allison and Lemieux, Anthony, Why Do Some Terrorist Attacks Receive More Media Attention than Others? (April 2, 2018). Justice Quarterly // <https://ssrn.com/abstract=2928138>
7. Ноа Такер: Ислам и политический процесс в Центральной Азии / Central Asia Analytical Network, 2015 // <http://caa-network.org/archives/5528>
8. Составлен социальный портрет террориста в Казахстане. (9 04 2014 г.). Получено из Tengrinews: <https://tengrinews.kz/crime/sostavlen-sotsialnyi-portret-terrorista-v-kazahstane-253308/>
9. Серик Бейсембаев. Религиозный экстремизм в Казахстане: между криминалом и джихадом // https://carve.org/components/com_jshopping/files/demo_products/.pdf
10. Закон РК «О противодействии экстремизму» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2016 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865
11. ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.12.2016 г.)
12. О Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике

- Казахстан на 2013 - 2017 годы // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648>
13. Комментарий к Указу Президента Республики Казахстан от 24 сентября 2013 года № 648 – СБ РК // www.akorda.kz/upload/Ж%20№648%20p.doc
  14. Об утверждении Плана мероприятий по реализации Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013 - 2017 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 октября 2013 года № 1141, 2013)
  15. Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416-І о противодействии терроризму (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.11.2015 г.)
  16. Сост. Ж.Ж. Карашулаков, Сборник материалов по основным вопросам религиозной сферы: В помощь государственным служащим, 2014
  17. Заключение по итогам оценки реализации Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013-2017 годы // <http://economy.gov.kz/ru/pages/zaklyuchenie-po-itogam-ocenki-realizacii-gosudarstvennoy-programmy-po-protivodeystviyu-0>
  18. Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 – 2022 годы // <http://knb.gov.kz/ru/article/ob-utverzdenii-gosudarstvennoi-programmy-po-protivodeistviu-religioznomu-ekstremizmu-i>
  19. План мероприятий по реализации Государственной программы по противодействию религиозному экстре-

мизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 – 2022 годы // <http://knb.gov.kz/ru/article/ob-utverzdenii-gosudarstvennoi-programmy-po-protivodeistviu-religioznomu-ekstremizmu-i>

20. Подробнее см. Бейсембаев С. Пушкой по воробьям. Почему в Казахстане не эффективна профилактика религиозного экстремизма? // <https://vlast.kz/politika/17906-puskoj-po-vorobam-pocemu-v-kazahstane-ne-effektivna-profilaktika-religioznogo-ekstremizma.html>
21. О проекте // <http://q-one.kz/about/>

***

РОЛЬ И МЕСТО ГОСУДАРСТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Уркия Смаилова

Вопросы противодействия религиозному экстремизму и терроризму остаются на повестке дня всех государств мира. Потребность обеспечения глобальной, региональной и национальной безопасности заставляет выделять значительные средства из государственного бюджета на решение данной проблемы. Фундаментальной основой для распространения религиозного экстремизма служит идеологический фактор. Поэтому, в то время как расходуются огромные суммы на борьбу с результатом этого мировоззрения (мышления) - происходит лишь устранение последствий проблемы, но не решение. Указанное, не отменяет ценность предпринимаемых мер безопасности, но они далеко не всегда достаточны. Необходимо обратиться к глубинным источникам, подпитывающим насильственный экстремизм.

Информационная составляющая выступает в качестве одного из ключевых направлений идеологической борьбы с экстремистским мировоззрением. Так, система профилактики экстремизма в Казахстане включает в себя воспитательные и пропагандистские меры [1]. Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 - 2022 годы предполагает, в числе прочего, улучшение качества проводимых информационно-разъяснительных мероприятий

за счет повышения эффективности формирования анти-террористического сознания и иммунитета к радикальной идеологии, информационно-разъяснительную работу посредством технологий информационного воздействия; создание базы контрпропагандистских и методических материалов, а также подготовку информационных продуктов [2]. Другими словами, предусматривается информационное противодействие религиозному экстремизму и терроризму в информационном пространстве.

Информационное пространство сегодняшнего дня – это новое социальное пространство с высокой степенью влияния на социум: культуру потребления, процессы социализации личности, межличностные отношения, процессы мобилизации общества, формирования общественного мнения, активации гражданского общества, экономику, культуру и т. д. Посредством определенных каналов влияния создаются мода, стиль и образ жизни населения, программируются электоральные предпочтения и общественное мнение.

В Концепции информационной безопасности Республики Казахстан до 2016 года, информационное пространство понимается как «сфера деятельности, связанная с формированием, созданием, преобразованием, передачей, использованием, хранением информации, оказывающая воздействие, в том числе на индивидуальное и общественное сознание, информационную инфраструктуру и собственно информацию» [3].

Анализ научных трудов позволил выделить два основных подхода к описанию понятия информационного пространства: технический и гуманитарный. Технический подход определяет в качестве объектов информационного пространства информационные ресурсы, средства инфор-

мационного взаимодействия и информационную инфраструктуру [4]. Так, А.И. Ненашев придерживается точки зрения, что «структуру информационного пространства определяют информационные технологии и материальные носители информации» [5].

С точки зрения гуманитарного подхода к пониманию термина «информационное пространство», акцент делается на содержательном аспекте данного понятия, то есть на контент. Например, российский ученый С.М. Сороко дает следующее определение: «информационное пространство — это концептуальное пространство, отражающее мировосприятие людей современной эпохи» [6]. Приведенные выше подходы не являются взаимоисключающими, а скорее, наоборот, в полной мере дополняют друг друга. Однако, в данной статье автор рассматривает именно содержательный или гуманитарный компонент информационного пространства, то есть, информационные потоки в виде идей, мнений и знаний.

Многообразие информационных потоков, расширение методов и средств подачи информации, модернизация института СМИ, скорость коммуникации - все это следствие глобализации и цифровизации. Как и любое явление, данные тренды имеют как положительную, так и негативную стороны. Последняя актуализирует вопросы обеспечения информационной безопасности государства. Так, например, защита информационного пространства с точки зрения психологического воздействия - важный вопрос, волнующий умы мирового политического сообщества, в том числе, и в Казахстане. В Концепции информационной безопасности Республики Казахстан от 2006 года говорится: «Сфера духовной жизни, как ни одна другая чувствительна к информа-

ционно-пропагандистскому воздействию, идеологическому давлению, культурной экспансии, осуществляемым преимущественно, через средства массовой информации» [7].

В соответствии с Законом РК «О национальной безопасности» от 2012 года, одним из приоритетных национальных интересов для нашего государства является «поддержание и развитие конкурентоспособного и защищенного национального информационного пространства» [8]. Информационная безопасность, согласно данному документу, это «состояние защищенности информационного пространства Республики Казахстан, а также прав и интересов человека и гражданина, общества и государства в информационной сфере от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечивается устойчивое развитие и информационная независимость страны» [8].

Вместе с тем, современные войны переходят к стратегиям не прямых асимметричных действий, включающих в себя методы информационного и психологического воздействия на противника. Таким образом, информация в современном обществе является не только ресурсом, но и оружием. В США еще в 1955 году было принято новое положение «Ведение психологической войны», в котором говорилось, что: «специальные методы войны - это соединение приемов, форм и методов психологической войны с другими средствами, направленными на подрыв противника изнутри. Они расширяют поле боя и превращаются из временно действующего тактического средства ограниченного воздействия в мощное стратегическое оружие, имеющее большие потенциальные возможности» [9].

Другими словами, информационно-технологическая революция заменила крупномасштабные вооруженные

столкновения нелинейной парадигмой войны - войной смыслов. Все большее распространение получает легальная информационная разведка (анализ открытых стратегических документов, научных исследований, СМИ, социальных сетей и т. д.). В современных спецслужбах существуют специализированные подразделения для осуществления информационно-психологических атак, офицеры информации и интеллектуальные агенты. Подобные специалисты есть и в «международных террористических организациях». Более того, Big Data и Data Mining автоматизируют процесс определения психологических особенностей как группы, так и отдельных индивидов.

Как отмечает Джордж Сорос, председатель компании Soros Fund Management и фонда Open Society Foundations: «Быстро совершенствующиеся инструменты контроля, которые можно создавать благодаря машинному обучению и искусственному интеллекту, обеспечивают репрессивным режимам естественное преимущество. Улучшенные инструменты контроля помогают таким режимам; а открытые общества они подвергают смертельной опасности» [10].

Новые цифровые технологии и использование возможностей прикладной психологии позволяют реконструировать объект воздействия, спрогнозировать его поведение, выявить его слабые стороны или же уязвимые социальные слои населения, темы и методы подачи информации для последующей «раскачки» общества в заданном направлении.

В данном контексте, государству важно занять проактивную позицию по отношению к вышеназванным вызовам, предполагающую разработку и использование аналитических инструментов и политических мер для решения проблем, способствующих радикализации населения,

особенно среди групп риска. Также, по мнению автора, следует уделить особое внимание разработке политики и стратегий использования (в т.ч. анализа) социальных сетей с применением наиболее успешных практик PR области, проведения исследований, публичной дипломатии и общественных коммуникаций, включая социальный маркетинг.

Опыт показывает, что подобные методы воздействия посредством цифровых технологий активно применяются религиозными экстремистскими организациями в процессе рекрутирования новых членов. Так, по оценке экспертов, видеоролики ИГИЛ смонтированы по всем правилам высококачественного кинематографа, с использованием профессиональной аппаратуры: «Видеоматериал проходит качественный монтаж в стиле эпического кино с эффектом *slow motion*» [11, С. 56].

Проблема деструктивного воздействия на общественное сознание населения не обходит и Казахстан, так как, мы интегрированы и тесно взаимодействуем в глобальном информационном пространстве. Действенным ответом на эту угрозу служит повышение конкурентоспособности государства в информационном пространстве на локальном, республиканском уровне.

Вместе с тем, в данном направлении имеются и внутренние проблемы организационного характера: целостность и управление, низкая конкурентоспособность государства и слабый казахстанский контент.

Целостность и управление. Информационное пространство, в современном его виде, относительно новая форма взаимодействия государственных структур с социумом, где принципы взаимоотношений еще не сформированы. Тем не менее, в документах политических, социальных

и коммерческих организаций, посвященных развитию информационного сектора, приоритет регулирования всей совокупности информационной инфраструктуры отдается государству.

Глобализация и широкое распространение сети Интернет порождают огромное множество субъектов информации, которые по объективным причинам, не могут эффективно взаимодействовать между собой без присутствия управленческого элемента (в т. ч. правовое регулирование).

Автор разделяет позицию исследователя Ковалевой Н.Н. о том, что «создание единого информационного пространства - сложнейший интегративный процесс. Полное единение всех его субъектов и ресурсов – это труднодостижимый идеал, приближение к которому может быть целенаправленным, последовательным и достаточно длительным. Соединить эти разрозненные элементы станет возможным только благодаря целенаправленным действиям всех его участников» [12, С. 37-38]. Иными словами, информационное пространство представляет собой сложную многоуровневую систему, целостность которой невозможна без координации деятельности ее участников. Ответственность за реализацию данного пункта полностью лежит на государстве.

Исторически сложилось так, что в Казахстане существуют две языковые среды - казахоязычная и русскоязычная. Данная модель проецируется на социокультурное пространство, а, следовательно, и на медиaprостранство, которое разделено на два лагеря. Соответственно существует разница и между контентом циркулируемым в этих информационных полях, то есть информационное пространство страны, в данных условиях, не отвечает требованиям целостности. Более

того, возникает вопрос о вероятности реализации принципа единства в информационном пространстве Казахстана. Это один из проблемных элементов, в направлении которого необходимо предпринять комплекс мер, делая акцент на интеграции этих двух миров, посредством единого контента, разработанного на языке потребителя. Последнего необходимо дифференцировать не только по языковому, но и половозрастному, социальному и культурному признакам.

Еще одной проблемой является управление вредоносным контентом (особенно в сети Интернет), лежащим в основе деструктивного влияния на массовое сознание. Демократический режим предполагает свободный доступ к информации, что в корне правильно. Но, по данным отчета Freedom House «Freedom of the Net 2018» [13], дезинформация и пропаганда получают все большее распространение в сети Интернет, неконтролируемый сбор личных данных разрушил традиционные представления о конфиденциальности. Вследствие этого группа стран движется к цифровому авторитаризму, используя китайскую модель широкой цензуры и автоматизированных систем наблюдения. К слову, Китай несколько лет подряд занимает последнее место в рейтинге стран по свободе Интернета. Система «Золотой щит» блокирует нежелательные интернет-ресурсы, интернет-сервисы и поисковые запросы (всего заблокировано около 1,3 млн сайтов).

В Казахстане, по данным этого же отчета, отсутствует свобода в интернет – пространстве. В информационном секторе существует жесткая цензура и регуляторное воздействие: блокируются социальные медиа и коммуникативные платформы, а также политический, социальный, религиозный контент. В связи с этим, в рейтинге стран по свободе

интернета наша республика занимает 62 место из 88 стран [13]. Вместе с тем, цензура и удаление экстремистского контента неэффективны. Существует огромное множество программ (различные анонимайзеры, VPN и т.д), которые позволяют пользователям посещать запрещенные сайты. Наиболее действенной мерой здесь будет идеологическое контрпредложение и повышение цифровой грамотности. Последняя становится все более важной и заключается в критическом потреблении онлайн-контента, в целях развития естественной устойчивости к онлайн-экстремистской пропаганде.

В данных условиях, правительство, бизнес и гражданское общество должны совместно разрабатывать решения проблем манипулирования социальными сетями и непропорционального сбора данных. Многосторонняя и межсекторальная координация необходима для продвижения цифровой грамотности, выявления злоумышленников и отказа им в инструментах, используемых с целью укрепления своего деструктивного влияния на население. При этом, принятие решения в области управления Интернетом не должно ограничиваться функцией контроля и блокировки ресурсов, так как данная стратегия является заведомо провальной с точки зрения безопасности и эффективности. Таким образом, роль государства в информационном пространстве сводится к обеспечению его целостности и безопасности, а также к управлению информационными потоками и консолидации субъектов информационной деятельности для принятия управленческих решений.

Низкая конкурентоспособность государства. Как субъект информационного пространства, в качестве источника новостей, государство проигрывает слухам. На данный мо-

мент, по мнению экспертов, в Казахстане царит слухократия (власть слухов). «Последняя девальвация, а потом паника вокруг банков опять подняла тему, что у нас не Нацбанк доминирует в информационном поле, не правительство, а ОБС - одна бабка сказала. Вот ОБС, по сути, сейчас главный медийный игрок», — уверен Досым Сатпаев [14]. По данным исследования, проведенного Общественным Фондом «Стратегия», две трети (73%) опрошенных в качестве источника получения новостей указали личное общение с родственниками, знакомыми и соседями [15]. Более того, в экспертном сообществе остро стоит вопрос об иностранном влиянии на отечественное информационное пространство.

Ключевым ресурсом современного мира является информация, оформленная в виде знаний, идей и мнений. Информационное пространство современного демократического государства — это рынок идей, знаний и конструкций идентичности. Конкуренция, как закон любого рынка, подразумевает борьбу за потребителя. Исходя, из вышеизложенного, следует вывод, что на сегодняшний день у государства существует риск проиграть эту борьбу. По мнению автора, одной из причин низкой степени доверия общества к государству и его институтам, является неэффективная коммуникационная политика. Это снижает степень управляемости государством с точки зрения эффективной реализации информационной политики. В данном контексте актуализируется риск возникновения информационной экспансии.

Слабый казахстанский контент. С другой стороны, существует проблема профессионализма местных СМИ. «Слабые KZ медиа-бренды и заказная журналистика», «СМИ не в рыночном поле» - негативные тренды развития

государственных коммуникаций в Казахстане, отмеченные Асель Карауловой, Президентом Kazakhstan Press Club/ PG Communications [16]. Такое положение СМИ порождает слабый контент, что вынуждает общество удовлетворять информационные потребности в альтернативных источниках. Другими словами, происходит отвод населения из информационного пространства страны и порождается информационная зависимость. Ярким примером такой несостоятельности субъектов отечественной информационно-коммуникационной политики служит кейс Украинских событий, расколовший общество на два лагеря. Решение этого аспекта видится в создании условий для повышения конкурентоспособности субъектов информационного пространства Казахстана в целом, и медиа-пространства в частности. Развитие профессионализма института СМИ также необходимое условие для развития отечественного контента. Ведь СМИ «не только скрепляют нацию в некоем психологическом смысле, но и предлагают идеи, контекст и повестку дня» [11, С. 45].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что роль государства в информационном пространстве заключается в эффективном управлении информационными потоками, тем самым обеспечивая его целостность и безопасность. При этом важно не только управлять контентом, но и генерировать его, используя широкие возможности государственного аппарата, а также создавать условия для развития конкурентоспособности среди конструкторов различных сегментов информационного пространства.

Цензура и удаление экстремистского контента неэффективны. Существует необходимость принятия более эффективных мер по борьбе с корнями радикализации, которые

обусловлены идеологическим призывом, культивируемым в настоящее время экстремистскими группами в интернете. Важно развивать и расширять международное сотрудничество в поддержку создания и распространения достоверного контента для противодействия экстремистским идеям в режиме онлайн и вне его.

Государство, ввиду наличия у него арсенала необходимых ресурсов, является главным субъектом обеспечения информационной безопасности и информационной политики. Свою деятельность, в свете решения поставленных задач, оно реализует совместно с индивидами и обществом, но при этом в вопросах обеспечения безопасности решения играют определяющую роль.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года № 31-III «О противодействии экстремизму» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2016 г.) // Электронная база нормативно-правовых актов «Законодательство».
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года № 124 «Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 - 2022 годы» // Электронная база нормативно-правовых актов «Законодательство».
3. Указ Президента Республики Казахстан от 14 ноября 2011 г. № 174 «О Концепции информационной безопасности Республики Казахстан до 2016 года» // Электронная база нормативно-правовых актов «Законодательство».

4. Жилкин В.В. К вопросу понимания сущности термина «информационное пространство» [Электронный ресурс] // Центр системного анализа. — URL: <http://rosanaliz.ru/Post.aspx?Post=107> (04.03.2014).
5. Ненашев А.И. Информационное пространство современного общества: коммуникационный аспект: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. — Саратов, 2008. — 32 с.
6. Сороко С.М. Структура информационного пространства культуры // Педагогические науки: Культурология № 15 // Вестник ПГУ. Серия Е. — 2012. — № 15.
7. Указ Президента Республики Казахстан от 10 октября 2006 г. № 199 «О Концепции информационной безопасности Республики Казахстан» // Электронная база нормативно-правовых актов «Законодательство».
8. Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями по состоянию на 10.07.2012 г.) // Казахстанская правда. — 2012 г. — 17 янв. — № 19-20 (26838-26839).
9. Колесов Э.Е. Информационная война в военных конфликтах второй половины 20 столетия: исторический аспект. // Национальная академия обороны Украины. — 2007.
10. Сорос объявил войну Си Цзиньпину. // Обзорно-аналитический журнал «Exclusive» — 2019 - [Электронный ресурс] - URL: <http://www.exclusive.kz/expertiza/politika/115552/> (7.03.2019).
11. Информационная безопасность Казахстана: защита данных и смыслов. Сабитов Д. // ИМЭП при Фонде Первого Президента Респ. Казахстан — Лидера Нации. Астана, 2016. — с.70.

12. Общая характеристика единого информационного пространства. Н.Н. Ковалева. Современное право №7. - 2011.
13. Freedom of the Net 2018 (report). // Freedom House. – 2018 - [Электронный ресурс] – URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/freedom-net-2018/rise-digital-authoritarianism>.
14. В Казахстане предложили запретить ретрансляцию новостей зарубежных госканалов. // Новостной портал Nur.kz. - 2014 - [Электронный ресурс] - URL: <https://www.nur.kz/336203-v-kazahstane-predlozhili-zapretit-retranslyacziyu-novostej-zarubezhnyh-goskanalov.html> (01.03.2019).
15. Я-Казахстан. ОФ_«Центр социальных и политических исследований «Стратегия». Алматы, 2016.-148 с.
16. Стенограмма экспертного обсуждения «Информационная политика Казахстана». - 2016 - [Электронный ресурс] — URL: <http://agkipr.kz/archives/999> (07.03.2019).

Сведения об авторах

Зарема Шаукенова – директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК

Алексей Малащенко – руководитель научных исследований Института «Диалог цивилизаций», доктор исторических наук, профессор

Леся Каратаева – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор исторических наук

Алексей Гришин – президент Информационно-аналитического центра «Религия и общество», кандидат социологических наук

Имомназар Хакназар – заместитель начальника Управления анализа внешней политики Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан

Динара Айтжанова – докторант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан

Александр Ярков – ведущий научный сотрудник Экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма при Тюменском государственном университете, доктор исторических наук, профессор

Бахтияр Бабаджанов – директор Научного центра исламоведческих исследований Международной исламской академии Узбекистана, доктор исторических наук, профессор

Ирина Черных – главный научный сотрудник Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор

Серик Бейсембаев – докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва

Елена Бурова – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК, доктор философских наук, профессор

Асель Назарбетова – руководитель Отдела международных исследований Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор философии (Ph.D.) по специальности «Политология»

Нургуль Эсенаманова – и. о. доцента кафедры философии и социально-гуманитарных наук Кыргызской государственной юридической академии при Правительстве Кыргызской республики, кандидат политических наук

Мурат Лаумулин – главный научный сотрудник Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук

Алексей Старостин – вице-президент Уральской ассоциации «Центр этноконфессиональных исследований, профилактики экстремизма и противодействия идеологии терроризма», доцент кафедры теологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет», кандидат исторических наук

Анастасия Решетняк – старший научный сотрудник Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Уркия Смаилова – магистрант 2 курса Казахского национального университета им. Аль-Фараби

**ФОТОМАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА.
УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ»**

г. Нур-Султан, 4 апреля 2019 г.

Зарема Шаукенова, директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

*Алексей Малашенко, научный руководитель
Исследовательского института «Диалог цивилизаций»*

Интервью Алексея Малащенко казахстанским СМИ

*Участники - представители госорганов
вузов и дипломатического корпуса*

*Ирина Черных, главный научный сотрудник КИСИ
Леся Каратаева, главный научный сотрудник КИСИ
Алексей Гришин, президент Информационно-аналитического центра
«Религия и общество»*

*Имомназар Хакназар, заместитель начальника Управления
анализа внешней политики Центра стратегических исследований
при Президенте Республики Таджикистан*

*Алексей Гришин, президент Информационно-аналитического центра
«Религия и общество»*

*Имомназар Хакназар, заместитель начальника Управления
анализа внешней политики Центра стратегических исследований
при Президенте Республики Таджикистан*

*Санат Кушқумбаев, заместитель директора КИСИ
Александр Ярков, ведущий научный сотрудник Экспертного научного
центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма при
Тюменском государственном университете
Бахтияр Бабаджанов, директор Научного центра исламоведческих
исследований Международной исламской академии Узбекистана
Ирина Черных, главный научный сотрудник КИСИ
Анастасия Решетняк, старший научный сотрудник КИСИ*

Бахтияр Бабаджанов, директор Научного центра исламоведческих исследований Международной исламской академии Узбекистана

Александр Ярклов, ведущий научный сотрудник Экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма при Тюменском государственном университете

*Алексей Малашенко, научный руководитель
Исследовательского института «Диалог цивилизаций»
Нургуль Эсенманова, доцент Кыргызской государственной
юридической академии
Мурат Лаумулин, главный научный сотрудник КИСИ
Алексей Старостин, вице-президент Центра этно-
конфессиональных исследований, профилактики экстремизма и
противодействия идеологии терроризма*

Мурат Лаумулин, главный научный сотрудник КИСИ

Нургуль Эсенманова, доцент Кыргызской государственной юридической академии

Алексей Старостин, вице-президент Центра этноконфессиональных исследований, профилактики экстремизма и противодействия идеологии терроризма

Участники международной конференции во время дискуссии и обсуждения

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований (KAZISS) при Президенте Республики Казахстан создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года. В апреле 2014 года Указом Президента Республики Казахстан КИСИ был передислоцирован в город Астану. В 2018 году Институт отметил свой 25-летний юбилей.

С момента возникновения основной задачей Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан.

КИСИ является профессиональным научно-аналитическим центром. По итогам 2018 года КИСИ стал единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основной рейтинг исследовательских и аналитических центров мира «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета, заняв 142 место (https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=think_tanks).

В настоящее время в институте работают один член-корреспондент НАН РК, девять докторов и пять кандидатов наук, три доктора Ph.D, двенадцать магистров – специалисты в области политологии, социологии, государственного управления, истории и экономики. КИСИ имеет Представительство в г. Алматы, а также открывает свои представительства в регионах.

За 25 лет деятельности институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Институт располагает собственным сайтом на трех языках:

казахском, русском и английском, а также ведет аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ ежегодно проводит международные научные конференции, семинары, круглые столы, экспертные встречи. С 2003 года проведено 15 Ежегодных конференций КИСИ по вопросам безопасности и стабильности в Центральной Азии. 15 июня 2018 года состоялась юбилейная конференция «Национальные стратегии модернизации: достижения и перспективы», посвященная 25-летию КИСИ при Президенте РК.

В научных форумах КИСИ принимают участие эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, а также ученые из Азербайджана, Афганистана, Великобритании, Германии, Грузии, Индии, Ирана, Китая, Республики Корея, Монголии, Пакистана, России, США, Турции, Франции, Швеции, Японии и др.

КИСИ является многолетней базой для прохождения научно-исследовательских, профессиональных, преддипломных практик и стажировок для студентов, магистрантов и докторантов высших учебных заведений страны.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников. В 2017 и 2018 годах Министерство образования и науки Республики Казахстан выделило для КИСИ целевые гранты в Ph.D докторантуру и магистратуру. На сегодняшний день КИСИ готовит на базе Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва и Казахского национального университета им. аль-Фараби 6 магистрантов и 10 докторантов Ph.D.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 010000, Астана, ул. Бейбитшилик, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20

Факс: +7 (7172) 75-20-21

E-mail: office@kisi, www.kisi.kz, www.kaziss.kz

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of Kazakhstan (KAZISS) was established on June 16, 1993, by the Decree of the President of Kazakhstan. In April 2014, the President of Kazakhstan issued the Executive Order to relocate the KazISS to Astana. In 2018, the Institute celebrated its 25th anniversary.

Since its foundation, the mission of the KazISS has been the provision of forecast and analytical support of strategic perspectives of the domestic and foreign policies of Kazakhstan.

The KazISS is a professional think tank. According to the “2018 Global Go To Think Tank Index”, the KazISS was ranked 142th. The Institute is the only Kazakhstani think tank listed among the 100 by the University of Pennsylvania (https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=think_tanks).

The KazISS employs a highly professional pool of experts; at present it includes two Corresponding Members of the National Academy of Science, one Corresponding Member of the Military Academy of Kazakhstan, nine Doctors of Science, five Candidates of Science, three PhDs and twelve Masters specializing in political science, sociology, public administration, history, and economics. The Institute has a representative office in Almaty and it is currently launching a number of branches in other regions of Kazakhstan. During the twenty-five years' experience, the KazISS have published more than 300 books on international relations, global and regional security. The Institute issues three journals: the *Kogam zhane Dayir* (in Kazakh), the *Kazakhstan-Spectrum* (in Russian) and the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website (in Kazakh, Russian, and English) and manages the corporate accounts on Facebook and Twitter.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round- table discussions on the annual basis. Since 2003, the KazISS has held fifteen Annual Conferences on Security

and Stability in Central Asia. On June 15, 2018 passed International Conference «National modernization strategies: Achievements and Prospects» dedicated to the 25th anniversary of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan.

The KazISS forums are attended by reputable experts from Kazakhstan and Central Asia as well as from Azerbaijan, Afghanistan, China, France, Georgia, Germany, India, Iran, Japan, Korea, Mongolia, Pakistan, Russia, Sweden, Turkey, the UK, the USA and others.

For the long period the KazISS has been considered as the distinguished place for the research, professional and thesis internships of bachelor, master and Ph.D. students from various universities.

Currently the Institute has created the necessary conditions for professional and scientific growth of employees. In 2017 and 2018 the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan allocated targeted grants to KazISS for master's and PhD programmes. Today KazISS provides for the teaching of 6 master`s and 10 Ph.D. students at the L.N.Gumilyov Eurasian National University and Al-Farabi Kazakh National University.

For any further information, contact us:

4, Beybitshilik St.

Astana, 010000

Republic of Kazakhstan

Tel: +7 (717) 75-20-20

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz, www.kaziss.kz

Исследовательский институт «Диалог цивилизаций»

Исследовательский институт «Диалог цивилизаций» - это независимая платформа, где политики, ученые, бизнесмены, лидеры мнений и общественные деятели ищут пути решения сложнейших вопросов современности.

Сотрудники Института убеждены, что процесс глобализации должен быть основан на принципах гуманности и уважения к каждой культуре и цивилизации, а не просто на установлении универсальных стандартов.

Институт осуществляет исследовательскую деятельность и разрабатывает решения, адресованные мировым политическим деятелям и международным корпорациям, по 3 основным блокам: культуры и цивилизации; экономика; государство и дипломатия.

Институт «Диалог цивилизаций» основывается на традиции поиска решений самых насущных вопросов человечества в диалоге. Работа Института строится на опыте Мирового Общественного Форума «Диалог цивилизаций».

9 ноября 2001 г. по инициативе иранского лидера Мохаммада Хатами государства-члены ЮНЕСКО единогласно приняли «Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии», а Генеральная Ассамблея ООН представила свою «Глобальную повестку диалога между цивилизациями», в которой изложены принципы межкультурного диалога. «Диалог цивилизаций» возник как практическое воплощение этой инициативы.

В 2013 году Мировому общественному форуму «Диалог цивилизаций» был предоставлен специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ECOSOC).

За 15 лет своей деятельности Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций» провел более 250 конференций, семинаров, круглых столов и лекций, опубликовал свыше 1000 научных статей, докладов и книг. Главное ежегодное событие с

2003 года - Родосский Форум - объединяет представителей политики, бизнеса и экспертов со всего мира.

В 2015 году было принято решение о трансформации Мирового общественного форума в международный аналитический центр. В июле 2016 года Владимир Якунин, Вальтер Швиммер и Петер Шульце основали в Берлине Исследовательский Институт «Диалог цивилизаций» с офисами в Вене и Москве, а также представителями в Брюсселе, Париже, Дели.

Dialogue of Civilizations Research Institute

Rooted in a tradition of seeking dialogue-based solutions to humanity's most pressing issues, the Dialogue of Civilizations Research Institute builds on the World Public Forum Dialogue of Civilization' legacy and expertise, bringing together global thought leaders from academia, public policy, business, and civil society to debate and develop practice-based policy advice.

On 9 November 2001, following an initiative by Iranian leader Mohammad Khatami, UNESCO Member States unanimously adopted the "UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity" and the UN General Assembly presented its Global Agenda for Dialogue Among Civilizations, setting out principles of intercultural dialogue to be defended and objectives to be achieved. The Dialogue of Civilizations emerged as a practical endeavor to implement this initiative.

Since 2003, the Dialogue of Civilizations has held more than 250 conferences, seminars, roundtables, and lectures around the world, and published more than one thousand scientific articles, reports, and books. The major annual event - the Rhodes Forum - brings together experts, policymakers, and business people from across the globe to address some of the most complex issues facing humanity.

In 2015, the achievements of the World Public Forum Dialogue of Civilizations led to a decision to develop it into an international think tank.

On 1 July 2016, the Dialogue of Civilizations Research Institute (DOC) was founded with a headquarters in Berlin and offices in Vienna and Moscow.

DOC is an independent platform for dialogue that brings together diverse perspectives from the developed and developing worlds in a non-confrontational and constructive spirit.

The DOC's goals are to forge shared worldviews through dialogue and to contribute to a fair, sustainable, and peaceful world. In view of these goals, the DOC believes that globalisation should have humanity, culture, and civilisation at its heart.

«ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА.
УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ»
материалы международной научно-
практической конференции
(г. Нур-Султан, 4 апреля 2019 г.)

Редактор-корректор: А.Бакирова
Дизайн обложки и
верстка: Глухов В.Г.

Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 13.
Тираж 365 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, г. Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4

Отпечатано в типографии КФ «Кокшетау» ОО «КОС»
Зак. № 296. 2019 г.